

Варвара Корсарова

**Небесная
танцовщица
и капитан
"Горгоны"**

Annotation

У беглой танцовщицы Элли нет документов, нет денег на билет, но ей нужно попасть за океан, чтобы избавиться от мерзкого хозяина. Она безбилетницей пробирается на борт «Горгоны» – огромного дирижабля, восьмого чуда света. И начинается опасная игра! Элли нужно провести сурового капитана, убедить его, что она – полноправная пассажирка. Пусть для этого ей придется очаровать его. Она готова взяться за эту задачу! А игра будет сложнее, чем ей представлялось. Капитану не до флирта – ведь «Горгона» везет необычный груз и ей грозит нападение воздушных пиратов. Возможно, смелая танцовщица – единственная, кто поможет капитану Ларсену спасти «Горгону»!

- [Варвара Корсарова](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Эпилог](#)
-

Варвара Корсарова
Небесная танцовщица и капитан
«Горгоны»

Глава 1

Элли почти поверила, что побег удался.

До двери на свободу оставалось шагов пятьдесят. За дверью открывалось взлетное поле, залитое утренним солнцем.

Элли пряталась за фикусом у подножия лестницы и изучала зал. Его нужно было пересечь быстро и незаметно.

Отбывающие и провожающие обнимались, целовались, смеялись и не обращали внимания на распоряжения тощего человека в форме.

Он усердно пытался навести порядок. Увещевал, махал руками, командовал срывающимся голосом – чуть не плакал. Но пассажиры – толстые кошельки, биржевые воротилы и светские львы – не удостаивали его даже презрительным взглядом. Распорядителю никак не удавалось выстроить отбывающих и провожающих в очередь.

Суматоха была на руку. Элли не зря выбрала терминал для пассажиров первого класса, чтобы повернуть свой план.

Богатым господам позволено многое. Здесь провожающие могли проходить в каюты друзей и оставаться в них до самого отправления, и документы у них никто не спрашивал. Нет ничего проще, чем смешаться с толпой и проскользнуть на борт.

У Элли не было билета, не было денег на его покупку – но было неистовое желание перелететь через океан и попасть в Объединенные Федеративные Земли, где ее будут считать полноправным человеком, а не игрушкой, собственностью, вещью, наравне с автомобилем или яхтой!

На «Горгоне» полно мест, где можно спрятаться до взлета и провести десять дней путешествия. Например, в пустой каюте. Элли точно знала, что все билеты на первый рейс нового летающего чуда света распродать не удалось.

И как только «Горгона» оторвется от земли – прощай Сен-Лютерна, прощай ночной клуб «Электрическая стрекоза» и ее мерзкий хозяин! Через десять дней Элли будет далеко и сама себе хозяйка.

Чемодан Элли умудрилась запихнуть на багажную тележку и даже наклейку раздобыла – чистую, без номера каюты. Значит, на борту

чемодан оставят в багажном отсеке, а уж оттуда Элли его как-нибудь вызволит. А нет – нестрашно. Свобода дороже вещей.

Однако попасть к трапу на «Горгону» будет непросто. У выхода из зала стояли двое молодцов в синей форме и проверяли у пассажиров билеты и документы. Но у провожающих лишь спрашивали имена и почтительно вписывали в журнал.

Значит, нужно затесаться в компанию побольше и повеселее. Кто там будет разбираться, с кем она!

Рискованный план, но он того стоил. У такой талантливой артистки все получится. Сомнение – первый шаг к поражению. Значит, прочь его!

Элли осторожно выглянула из своего укромного угла, выбирая, кто из пассажиров станет ее пропуском на свободу.

И тут сердце ухнуло в желудок, как ком снега. Потому что в толпе она разглядела розовую лысину и жирные плечи Лазаруса Будса по прозвищу «Боров». Ее хозяина, чтоб его разорвало. В прошлом удачливого гангстера, в настоящем – владельца кабаре «Электрическая стрекоза».

Если Боров узнал о побеге и явился в аэровокзал, чтобы поймать беглую танцовщицу, то уже к вечеру Элли окажется на дне залива в бетонных башмаках. Это в лучшем случае. Скорее она попадет на стол анатомического театра, а дотошные студенты будут копать в ее внутренностях и шестеренках.

Но как Боров узнал? Он с утра не появлялся в «Стрекозе». У Элли не было сообщников. Проболтаться было некому. Ее не должны хватиться до вечерней репетиции.

Возле Борова терся тощий брюнет с тонюсенькими усиками, одетый в полосатый костюм и начищенные штиблеты. Брюнет картаво шутил, приглаживал пробор, сверкая перстнями. Боров сочно смеялся шуткам усатого и хлопал его пухлой лапищей по спине так, что тот вздрагивал и приседал.

От души немного отлегло. Это не ловушка, это проклятое стечение обстоятельств, ничего более! Боров провожает приятеля Рика. Элли видела его пару раз за столиком «Электрической стрекозы».

Стоило ожидать, что на борту «Горгоны» может оказаться знакомый. К такому повороту Элли тоже была готова. В скромном наряде и без сценического грима ее не узнают.

Но Лазаруса ей не провести! Как пройти мимо толстяка и не попасться? Неужели весь план насмарку?

Элли мысленно вознесла молитву Великому Механикусу, выдуманному и по большей части бесполезному богу всех *артифисов*.

Давай, Великий Механикус, смажь шестеренки судьбы, подари мне шанс, своей дочери!

И Великий Механикус не подвел. Боров покрутил головой и оживился, когда увидел в конце зала стойку бара.

– Рик, дружище! До отправления твоего аэроплана еще час. Есть время смочить горло на дорожку!

Он отвесил другу очередной тумак по спине, от которого голова Рика – гангстера по кличке «Картавый Рикардо» – мотнулась, а сам он сделал произвольный шаг вперед, споткнулся и чуть не растянулся на скользком полу.

Рикардо проблеял что-то одобрительное в ответ, и друзья отправились в бар.

Элли облегченно выдохнула. Отлично, просто чудесно! Картавого Рикардо не будет на «Горгоне». Он летит внутренним рейсом по своим гангстерским делам.

А тут и вторая удача подвалила – расщедрился Великий Механикус, это хорошо, да не очень, как бы потом отката не было!

В зал ввалилась очередная компания вылетающих и провожающих.

Все одеты по последней моде, у юношей прилизанные шевелюры блестят лаком, в манжетах изумрудные запонки, костюмы сидят как на манекенах. Девушки визжат, хихикают, качают перьями на тюрбанах, семят на шпильках.

Высокий блондин с жидкой бородкой взмахнул зажатой в руке бутылкой игристого, икнул и провозгласил:

– Друзья! Сегодня мы провожаем за океан Красавчика Криса! Он послал к черту наш университет и нас, его друзей, чтобы жениться на богатой наследнице и управлять фондом ее папаши, да не иссякнут денежки на его счетах. Мы будем скучать по тебе, братишка. Счастливой тебе дороги в облаках!

Он зубами выдернул пробку из бутылки и пустил поверх толпы пузырящуюся струю.

Девчонки завизжали, милостивый кудрявый юноша в зеленом костюме – не иначе, счастливый и красавчик Крис – скромно улыбнулся и покраснел.

– Эй, Крис! – продолжил блондин. – А твой будущий тесть знает, что тебя исключили из университета за карты? И что ты продул свое состояние?

– Пока нет, – признался Крис, принимая из рук блондина бутылку. – Дай бог не узнает до самой свадьбы.

– Выпьем и за это, братишка! Но у тебя в каюте. Твоя тетка уже на борту? Она нам не мешает?

– Она первоклассная старушка и не откажется пропустить с нами стаканчик за компанию! – засмеялся Крис.

Веселая компания хлынула к воротам на летное поле.

Распорядитель схватился руками за голову, а офицер за стойкой регистрации заскрипел зубами.

– Господа, господа, осторожнее! – тоскливо закричал он. – Господин Майер, позвольте ваш билет и паспорт. Господа провожающие, назовите ваши имена, чтобы мы внесли их в журнал регистрации. Таков порядок! И не забывайте: вы должны покинуть «Горгону», когда будет дан двойной сигнал перед отбытием!

– Да пошел ты к черту, халдей, со своей волокитой! – проорал блондин, отпихнул протянутый ему журнал и устремился прямо к воротам, презрев порядок.

Офицер и распорядитель обменялись унылыми взглядами, но не сделали ни движения, чтобы остановить распоясавшегося золотого мальчика. С такими связываться – себе дороже.

Студенты, смекнула Элли. Да не те бедолаги, которые экономят на корке хлеба и просаживают жизнь в библиотеках и аудиториях. Эти – богатые наследники, завсегда и светских вечеринок, баловни судьбы, законы им не писаны!

Вот он, шанс попасть на борт «Горгоны» незамеченной!

Элли вынырнула из-за фикуса, проверила, не запахнулся ли жакет и не видны ли на плечах татуировки артификасы. А потом быстрым шагом подошла к компании и мигом влилась в нее.

Она смеялась, шутила над Крисом и прикладывалась к бутылке игристого, которую ей тут же сунули в руки.

Никто из хмельных студентов даже не заподозрил, что она – чужачка. Лишь одна из размалеванных девиц глянула на нее с подозрением, прищурив густо накрашенные глаза, но тут же отвернулась и взвизгнула, когда блондин шлепнул ее пониже спины.

Механическое сердце Элли билось часто, на четыре такта, но ноги исправно несли ее мимо распорядителя, мимо стойки регистрации. Документов у нее не спросили и ее имя в журнал не вписали.

Через минуту Элли оказалась на взлетном поле. Один рубеж был преодолен.

Теперь она на пятьдесят шагов ближе к свободе!

Осталась ерунда: проникнуть на борт «Горгоны» и не попасться в лапы капитану. Зайцев он вряд ли потерпит. Но даже если попадетсЯ – не выкинет же он ее за борт? Уж довезет до Федератов, а там ее возьмут под защиту борцы за права артифисов!

* * *

Вторая часть плана прошла гладко.

Вместе с шумной компанией Элли прошла через поле к трапу, который вел в чрево «Горгоны».

На ветру трепетали флаги, оркестр выводил бравурный марш.

Когда Элли увидела воздушное судно, которое увезет ее на свободу, обомлела от восторга.

Новейший дирижабль жесткой конструкции, чудо техники, творение лучших инженеров королевства, был грандиозен.

Он походил на древнего монстра, которое каким-то чудом перенесло из морских глубин на сушу. Его размеры подавляли. Его массивная туша легко покрыла бы три футбольных поля.

Дирижабль неподвижно висел над зеленой травой, пришвартованный к причальным мачтам. Солнце играло на его серебристых боках и стеклах иллюминаторов. Матросы, которые копошились внизу или карабкались по техническим лесенкам, казались муравьями.

Как вообразить, что эта гигантская масса сможет оторваться от земли и плыть среди облаков!

Чем ближе Элли подходила к «Горгоне», тем огромнее казалось воздушное судно. Вот пассажиры вступили в ее тень; стало прохладно, солнце померкло, а сердце наполнилось трепетом. Элли задрала голову. Глянцевая, выпуклая стена громоздилась над ней и внушала почтение и легкий страх.

Даже буйные студенты притихли, пораженные размерами дирижабля.

Оркестр взял передышку, на поле стало тихо. Лишь стрекотали кузнечики да хлопали флаги.

Но тут, усиленная рупором, раздалась громоподобная команда: «Проверка двигателей!»

Послышалось басовитое жужжание, и моторные гондолы ожили. Двигатели выпустили облака дыма, винты начали раскручиваться. «Горгона» готовилась к отправлению. Сначала винты вращались медленно, лениво, но тут же набрали обороты. Лопасты замелькали и слились в полупрозрачные круги.

Корпус «Горгоны» упруго содрогнулся, и сразу стало понятно, какая мощь прячется в этой неповоротливой на вид туше.

Студенты стряхнули оцепенение и заговорили разом.

– Шикарная детка эта «Горгона», – одобрительно заметил блондин-заводила. – Крис, ты счастливчик. В газетах пишут, на борту два бара, ресторан и казино. Тебе будет где развлечься. Ну, пошли, посмотрим, как там у тебя в каюте. Кровать широкая? А то вдруг подцепишь хорошенькую пассажирку!

К дирижаблю тянулись потоки пассажиров и багажа. Пассажиры второго и третьего класса поднимались с противоположной стороны, по левому борту. Они двигались суетливо, но безмолвно, и порядка не нарушали. Служащие яростно толкали тележки, груженные чемоданами и баулами.

Но вот очередь заволновалась. Пассажиры вытянули шеи и начали ахать и переговариваться.

Всеобщее внимание оказалось приковано к клеткам, которые взмокшие служащие спешно подкатывали к грузовому трапу. Погрузкой клеток распорядился невысокий печальный человек в старомодном цилиндре.

В клетках металась гибкие грязно-желтые тела. Послышался низкий рык, между прутьями мелькнула оскаленная пасть с красным

языком и саблеобразными клыками. Пушистый хвост с оттяжкой хлестнул по дверце.

– Цирк едет на гастроли, – пояснил стоявший у трапа стюард и приложил руку ко лбу козырьком, чтобы лучше рассмотреть странствующий зверинец.

– Не дирижабль, а небесный ковчег! – хохотнула одна из спутниц Красавчика Криса.

– На «Горгоне» найдется место для любого груза, – деликатно улыбнулся стюард. – В ее трюмах можно разместить хоть стадо слонов.

– Скажи-ка, братец, а правда, что капитан везет партию механических големов? – полюбопытствовал Красавчик Крис. – Какие модели: военные или бытовые? О военных много писали в последнее время. Хотел бы я на них глянуть хоть одним глазком. Мой папаша торгует оружием, и он...

– Насколько мне известно, компания заключила договор на перевозку изделий механических мастерских Фукса, – уклончиво ответил стюард.

– Слышал, големы и на судне используются? Как матросы?

– Да, в трюмах есть несколько, – признался стюард. – Но пусть господа не беспокоятся, выход на палубу первого класса големам запрещен. Вы с ними не столкнетесь.

– Господа провожающие, напоминаю, вы должны покинуть судно, когда прозвучит сигнал, – строго напомнил офицер-распорядитель.

– Без тебя знаем! – махнул рукой блондин и компания, толкаясь и смеясь, начала подниматься.

Элли взялась дрожащей рукой за прохладные перила и последовала за случайными спутниками.

* * *

После шума и яркого света Элли сразу очутилась в тусклом освещении узкого коридора. Вежливые стюарды указывали пассажирам дорогу к каютам.

Компания устремилась вперед, а Элли отстала. Юркнула в тесный закуток у электрического щита и отдышалась.

Пора переходить к третьей, самой сложной части плана – найти убежище и оставаться в нем до отлета. Если стюарды обнаружат безбилетную пассажирку раньше, чем «Горгона» оторвется от земли, все пропало – ее выведут наружу и сдадут полиции.

Когда Элли разрабатывала план побега, она внимательно изучила в газетах все заметки о «Горгоне». И знала, что гигантский дирижабль подобен муравейнику. Под его оболочкой, внутри корпуса, между отсеков с подъемным газом, топливом и механизмами, были размещены пять палуб, связанные сетью лесенок и переходов.

Нижняя палуба – грузовая. Вторая – технические и вспомогательные помещения. Там спрячутся кухни и прачечные.

На третьей палубе каюты пассажиров второго и третьего класса. На четвертой палубе разместились рестораны, концертный зал, казино и прочие заведения, призванные развеять скуку пассажиров первого класса.

Элита обитает на первой палубе, выше всех. А еще имеется открытая площадка на самой верхушке. Командный отсек и штурвальная рубка устроены в гондоле носовой части.

Итак, нужно пробраться в отделение для пассажиров первого класса. Там малоллюдно и имеется немало незанятых кают. А еще за пассажирами первого класса не следят так внимательно, как за обитателями нижних палуб. Будет проще укрыться.

Голоса в коридоре стихли. Элли выскользнула из закутка и с независимым видом устремилась вперед. На ходу она вспоминала схему судна. Но это и не требовалось: на стене вскоре обнаружился план помещений, и Элли без труда нашла лесенку наверх.

Каблуки нетерпеливо цокали. Вторая палуба... третья... четвертая... Пятая!

Элли вышла в безлюдный коридор. Его заливал мягкий свет хрустальных светильников. Тускло поблескивали стены, отделанные лакированным деревом. Под ногами тянулась ковровая дорожка.

Здесь стоял особый запах: теплого железа, дерева, машинной смазки, свежей краски и дорогих духов. Из-за дверей кают изредка доносились приглушенные голоса и смех.

Элли шла крадучись, время от времени прикладывая ухо к дверям. Она искала пустую каюту.

Коридор разделился: Элли постояла, выбирая направление. Раздумывая, изучила карту на стене. На карте, поверх кружка столицы, прилепилась плоская магнитная фигурка в виде силуэта «Горгоны». От нее через океан вел пунктир, показывая маршрут к Федератам.

В конце коридора зазвучали мужские голоса. По резким, уверенным интонациям стало ясно, что идут не пассажиры, а члены команды, скорее всего, командиры.

Элли заметалась. Этой встречи надо избежать во что бы то ни стало! Она толкнула ближайшую дверь; дверь оказалась заперта. Элли вытащила из волос шпильку и в два счета открыла замок.

«Спасибо, Лиззи!» мысленно вознесла она благодарность знакомой официантке. Дружок Лиззи был домушником и научил подругу основам своего мастерства, которыми та и поделилась с Элли.

Элли огляделась: каюта выглядела необитаемой. Койка опущена, но не застелена, жалюзи на иллюминаторе закрыты, на прикроватном столике никаких вещей.

До отправления осталось всего ничего: вряд ли сюда явятся пассажиры. Значит, можно здесь поселиться до конца полета.

Она осторожно повернула защелку замка на двери. Голоса приближались, достигли пика громкости, но удаляться не спешили. Мужчины остановились возле каюты, где спряталась Элли, и продолжили разговор.

– На борту бардак, – резко произнес хриловатый бас. – Как капитан, я имею полное право отменить полет, если считаю, что судну грозит опасность. И я склонен отдать нужный приказ.

– Господин Ларсен, вы не можете говорить серьезно! – вкрадчиво возмутился второй, мягкий голос. – Неслыханное дело – отменить первый полет! Королевская воздушно-транспортная компания в моем лице выражает протест.

– Здесь я хозяин, – рявкнул капитан, и Элли поежилась от грозных ноток в его рыке. Выходит, за тонкой дверью стоял человек, встречи с которым ей нужно было избежать во что бы то ни стало. Она плотнее прильнула к двери, не желая пропустить ни слова.

– Конечно, конечно! – засуетился представитель компании. – Но вы зря беспокоитесь, господин Ларсен. У вас все под контролем! Предполетная проверка не выявила опасностей.

– Судно в порядке, – неохотно признал капитан. – Но на борту полно случайных людей. Ваша компания организовала посадку из рук вон плохо. Я постоянно сталкиваюсь с препонами. Я требовал запретить пускать на «Горгону» провожающих. Требовал оцепить место посадки кордоном. Но владельцы судна поступили по-своему. Устроили форменный балаган!

– Провожающие допускаются только к пассажирам первого класса. Среди них много наших потенциальных акционеров. Важные шишки, первые люди королевства! Эти господа не любят ограничений и терпеть не могут неудобств. На кону репутация компании... ну, вы понимаете! Это же не военный корабль. К черту бюрократию!

– Отказываюсь понимать.

– Капитан... ну чего вы боитесь, право слово! Неужели диверсии? Смешно!

– Ничего смешного, господин Блоб. Да, я опасаясь диверсии. Существует реальная угроза захвата судна пиратами.

– Пиратами? – господин Блоб хохотнул. – Какие пираты? Мелкие воздушные хулиганы, вот они кто. Полно, они не осмелятся напасть на судно таких размеров! Что у них есть в распоряжении – жалкие прогулочные аэростаты да маломощные авиетки!

– Посмотрите на карту, господин Блоб. Нам придется проходить над Фаракийскими островами. Поскольку синоптики предсказали грозовой шторм на пятьдесят пятой широте. Пираты Фаракийских островов не легенда. Теперь, когда летательные аппараты стали доступны каждому, воздушное пространство заполнили аферисты и бандиты. Они действуют нагло и обычно остаются безнаказанными. Все больше искателей приключений выбирают воздушное пиратство своим промыслом. Его размах растет. Ни один капитан не чувствует себя в безопасности. И что делают полиция и военное ведомство? Ничего. Газетчикам отдан приказ молчать. Кто платит им? Уж не ваша ли компания из страха потерять доход и поплатиться репутацией?

– Вы преувеличиваете, капитан, – сказал господин Блоб. А потом фыркнул и добавил: – Может, вы и в Химераса верите? Неуловимого

преступника со ста лицами, главу преступной сети? Полагаете, он тоже решил похозяйничать в небесах и покуситься на «Горгону»?

– Может, и в Химераса верю, – угрюмо ответил капитан. – Полетай вы с мое, научились бы держать ухо востро. И не отмахиваться от слухов о предполагаемых ловушках.

– Каких слухах, например?

– О преступном синдикате, который держит столицу в страхе уже второй десяток лет. И его неуловимом хозяине. Что на самом деле произошло с «Антеоном»? Почему судно первого класса вспыхнуло в небе ни с того ни с сего? Почему среди обломков так и не удалось обнаружить сейф? Куда пропала часть груза и останки пассажиров? Мистика.

– Мистика! Ха! Не знал, что воздушные капитаны суеверны, как старухи.

– Все воздухоплататели суеверны. Мы знаем, что черная радуга знаменует скорое несчастье. И опасаемся заметить среди облаков силуэт «Летучей Пиявки».

– Аэростата, управляемого призраками? Не пойму, серьезно вы говорите или шутите, господин Ларсен!

– Мне не до шуток. Призраки «Летучей пиявки» лишь предсказывают беду. Но я имею дело с людьми из плоти и крови, которые беду творят. На борту «Горгоны» полно богатых пассажиров. За которых можно потребовать хороший выкуп. В ее сейфах хранятся деньги и драгоценности. А трюмы загружены необычным грузом. Я обязан привести «Горгону» в Федераты в целости и сохранности. И я это сделаю. Поэтому буду действовать по-своему. Если компании это не по вкусу, пусть ищет другого капитана. Предупреждаю, господин Блоб: не смейте совать мне палки в колеса.

– Вы – лучший капитан, господин Ларсен! – пылко воскликнул Блоб. – Уверен, мы найдем компромисс.

Но капитан не купился на лесть.

– Я отдал приказ немедленно выдворить всех провожающих, не дожидаясь второго сигнала к отправлению, – угрюмо сказал он. – И еще раз тщательно осмотреть все отсеки и каюты «Горгоны». В том числе палубу первого класса. Не удивлюсь, если моя команда найдет при этом с пяток безбилетников.

– Безбилетники в каютах первого класса? Это уж совсем нелепо.

– Богатые пассажиры чаще всего и стремятся надуть компанию, уж поверьте моему опыту. Идите в салон, Блоб. Через полчаса взлетаем.

– Предпочитаю наблюдать момент отрыва от земли вместе с вами, в командной гондоле. Вы туда направляетесь?

– Буду там через пять минут, Блоб. Мне нужно забрать кое-что в каюте и переодеться. Чертова жара. Я взмок, как мышь. На ногах с четырех утра, некогда даже выпить кофе.

– Обязательно наденьте свежую рубашку, капитан, – весело сказал Блоб. – И припудрите лицо тальком. Репортеры захотят сделать ваш снимок перед отлетом.

Капитан в ответ раздраженно проворчал что-то неразборчивое.

За дверью замолчали, а потом мягко щелкнул ключ, а ручка повернулась.

Дьявол! Он идет сюда! Это каюта капитана!

Элли мигом отскочила от двери и нырнула в душевую. До конца прикрыть дверцу душевой она не успела; в каюту вошел капитан Ларсен.

Элли осторожно наблюдала за ним сквозь щель. От волнения кружилась голова. Элли ненавидела свои мелкие человеческие слабости. Жаль, что артифисы не лишены их полностью, несмотря на механическую начинку.

* * *

Тяжело ступая, капитан прошел до койки, вытащил из-под нее чемодан, откинул крышку и извлек белоснежную рубашку. Поднял ее на руках, встряхнул, придирчиво посмотрел на свет. Потом расстегнул китель и принялся переодеваться.

Он стянул китель, мокрую от пота рубашку и бросил одежду на стул. Элли затаила дыхание от любопытства. Она умела ценить красоту человеческих тел, и признала, что фигура у капитана была впечатляющая.

Капитан Ларсен был высок и широк в плечах, талия у него была узкая, крепкая шея загорела почти дочерна, но сразу под линией воротника кожа у него была белая.

Светло-русые волосы подстрижены по-военному коротко. Ей хотелось, чтобы капитан повернулся: его лица она пока не рассмотрела. Но он не повернулся, и слава Великому Механикусу, а то мог бы заметить шпионку, спрятавшуюся в его душевой.

Тогда конец.

Элли с содроганием глянула на бугрящиеся мышцы на капитанских руках. На левом плече у него красовалась синяя татуировка в виде крылатого якоря.

Здоровый малый. Ручищи у него как у громилы Джека, вышибалы в «Электрической стрекозе». И характер жесткий. Такой церемониться не будет.

Стоило вспомнить мерзавца Джека, как капитан сразу вызвал у Элли отвращение. Как и любые другие мужчины крупного телосложения, которые не гнушаются использовать свою силу, чтобы причинить девушке боль.

Громила Джек любил раздавать оплеухи танцовщицам и официанткам. Однажды он ударил и Элли. Артифисы менее чувствительны к боли, чем люди, рожденные людьми, но от тычка Джека заскулил бы и стальной сейф.

Правда, Джек больше никогда не поднимал руку на Элли, после того, как она пригрозила, что пропустит через него хороший разряд электричества и запечет его крошечные мозги, как яичницу. Она блефовала, но Джеку не хватило ума этого понять. Как и многие другие люди, он в глубине души побаивался артифисов.

Элли тряхнула головой, отгоняя мерзкие воспоминания, и продолжила наблюдать за капитаном. Ее сердце теперь стучало так громко, что она опасалась, как бы его не услышал хозяин каюты.

А тот, вероятно, услышал. Ларсен недоуменно покачал головой и глянул на часы на стене. Протянул руку и постучал по стеклу пальцем – видимо, решил, что стучит механизм.

Капитан коротко выругался, порылся в чемодане, достал пачку бумаг и бросил на койку. Торопливо повязал галстук, застегнул китель, подхватил бумаги и вышел. Щелкнул замок на двери. Элли от облегчения засмеялась, сползла по стене и села на корточки.

На этот раз пронесло. Но надо скорее найти убежище понадежнее. Или укрыться в грузовом отсеке? Нет, там полно механиков и

матросов. Пустая каюта лучше. Если запереться изнутри, стюарды вряд ли станут ее осматривать. Придется рискнуть. Иного выхода нет.

Глава 2

Элли осторожно покинула каюту и поскорей вернулась в ответвление пассажирского коридора. Но далеко уйти не успела. Из-за поворота появился седой шеф-стюард в сопровождении двух крепких матросов. Лица у них были решительные. Элли прижалась к стене за распределительным шкафом.

Члены экипажа остановились у одной из дверей, стюард постучал и произнес вежливо, но строго:

– Предполетная проверка. Будьте добры, позвольте осмотреть каюту.

За дверью молчали.

– Пассажиры в салоне, – предположил один из матросов. – Там сейчас все богатеи собрались.

– Все равно нужно осмотреть каюту. И заглянуть в незанятые. Капитан приказал не пропустить ни одной.

Стюард достал мастер-ключ и отпер дверь. Трое мужчин вошли внутрь.

Элли на цыпочках ринулась дальше. План трещал по швам.

Она металась от стены к стене, искала укрытие. Времени не было: матросы и стюард уже вышли в коридор и двинулись дальше. Ее могли заметить в любую секунду.

Отчаявшись, Элли потянула первую попавшуюся дверь. Та поддавалась, и Элли вломилась внутрь, чувствуя себя загнанной лисой, которая прыгает в окно крестьянского дома, зная, что ничего хорошего ее там не ждет.

У койки, озабоченно перебирая содержимое саквояжа, стоял Красавчик Крис. Он повернулся на шум открываемой двери, поднял темные брови и ухмыльнулся.

– Привет, крошка. Ты разве летишь со мной? Слушай, кто ты вообще такая? Ты меня провожала, но я тебя не знаю. Я тебя подцепил вчера в баре? Нет, та цыпочка была брюнеткой. А твои рыжие волосы не забудешь даже после пары бутылок джина.

В дверь постучали.

– Предполетная проверка. Будьте добры, позвольте осмотреть каюту, – механически потребовал стюард.

Элли не колебалась ни секунды. Она упала на четвереньки и забралась под койку. Потянула до пола край покрывала, но в последний момент высунула голову и прошептала:

– Я должна улететь на «Горгоне». Спрячь меня.

– Зачем мне это делать? – любопытствовал Крис.

– Иначе твой будущий тесть узнает, что жених его дочери – нищий охотник за приданым.

– Не обязательно угрожать, – обиделся Крис. – Я и так готов помочь красоте, попавшей в беду. Просто хотелось бы больше пояснений.

– Откройте! – Стюард повысил голос.

Крис открыл дверь. Элли подглядывала сквозь узкую щелочку между покрывалом и полом.

– Вы тут один господин... Майер? – спросил стюард после паузы – видимо, справился со списком пассажиров. – Мы слышали голоса.

– Я пел песенку. Одновременно исполнял партию баритона и сопрано. Мой номер на два голоса имеет успех на вечеринках, – беспечно объяснил Крис.

Три пары ног в начищенных ботинках прошли по каюте.

– Ваши провожающие покинули дирижабль?

– Ну да. Они уже внизу, на поле. Открывают вторую бутылку игристого.

– Господин Майер, не желаете пройти в салон, чтобы наблюдать взлет? Ваша тетя уже там. Из окон салона отличный обзор.

– Так и сделаю. Всего хорошего, господа. Вот вам за ваши труды.

Прошелестели банкноты. Дверь плавно закрылась. Крис откинул край покрывала.

– Выбирайся, – весело пригласил он. – И выкладывай свою историю. Кажется, путешествие обещает стать интереснее, чем я думал!

Элли неуклюже выбралась и села на койку.

– Хочешь выпить? – предложил Крис и покачал бутылку в руке. Элли отрицательно мотнула головой.

– Ты безбилетница?

– Да. Но мне нужно улететь. Иначе мне конец.

Элли резко провела указательным пальцем поперек своего горла, показывая, что конец ее будет воистину печален.

Крис внимательно посмотрел на нее.

– По-моему, я тебя раньше где-то видел, – он задумчиво прищурил глаза. – Я определенно узнаю это движение плеч и рук, и эту гримасу. Как тебя зовут?

И Элли решила. Ей нужен был сообщник. Крис показался подходящей кандидатурой.

– Элли. Я танцовщица из кабаре «Электрическая стрекоза».

Крис щелкнул пальцами и засмеялся.

– Ну конечно! Я видел твои выступления! Но на сцене ты была в очках-консервах, с крылышками за спиной, и волосы у тебя были белые.

– Парик. Мой хозяин любит блондинок.

– Твой хозяин – Боров Лазарус? Это от него ты сбегашь? Смелая девочка. Он держит тебя на крючке? За долги? Понимаю, – Крис сочувственно кивнул. – Как же ты собиралась продержаться десять дней полета?

– Думала спрятаться в пустой каюте.

– И голодать все это время?

– У меня есть запас шоколада. Много мне не нужно.

– Но сидеть без выпивки десять дней? – ужаснулся Крис. – Вижу, ты и правда в отчаянном положении. Я бы так не смог.

– Мне бы продержаться лишь до взлета. Там уже не страшно, если найдут. Ну, отругают, пристыдят, телеграфируют в полицию. Подумаешь! Не выкинут же вниз без парашюта! Главное – добраться до Федеративных Земель.

– Выкинуть не выкинут, но вернуть в столицу могут. На середине пути мы будем пролетать над островом Сен-Бернадет. Оттуда поднимается аэростат с почтой и дополнительными пассажирами. Он пристыкуется к «Горгоне». Тебя могут пересадить на него и отправить в Сен-Лютерну. Капитан Ларсен ненавидит безбилетников и жуликов. Я летал с ним на «Порфирионе», видел, как он с ними поступает. Суровый тип. С ним не договоришься.

Элли стиснула зубы.

– Я не жулик. В Федеративных Землях меня ждет работа учительницей танцев в школе. Мне нужно быть там через две недели.

– Все будет хорошо, детка, – Крис сладко улыбнулся и впился загоревшимся взглядом в ее коленки. – Я тебя не выдам. Ты милашка. Я стану твоим рыцарем-спасителем. Мы будем жить в этой каюте вместе... и прекрасно проведем время.

– Вот ты к чему клонишь, – презрительно бросила Элли. – Тоже мне рыцарь! Решил, что я буду развлекать тебя в койке? Пошлость какая. Нет, Крис. Не пойдет. Давай, иди и докладывай капитану. Моя смерть будет на твоей совести. А Боров меня непременно убьет, останься я в Сен-Лютерне. Эх ты! А ведь ты показался мне добрым малым.

Элли всхлипнула. Крис покраснел. Парень определенно не был подонком и имел кое-какую совесть.

– Ладно, не хочешь как хочешь, – сказал он примирительно. – Хотя жаль. Но что же нам делать? Твой план не сработает. Тебя рано или поздно найдут. Вот что. Со мной летит моя тетка Дженни. Точнее, двоюродная бабка. У нее ума палата. Пойдем к ней. Она в салоне.

– В салоне меня мигом вычислят!

– Ничего подобного. На «Горгоне» сто пятьдесят пассажиров первого класса. Стюарды пока не знают всех в лицо. Нельзя пропустить отлет «Горгоны»! Идем, ну! Не бойся. Тетка тебя защитит. Знаешь, она какая? Капитану против нее не устоять.

Однако Элли все еще сомневалась.

– Пойми, у тебя не получится прятаться все десять дней полета, – убеждал Крис. – Кто-нибудь тебя да увидит. Горничные, стюарды. Поэтому ты лучше покажись и держись уверенно, с апломбом. Говори своим видом: «Я слишком важная особа, чтобы вы приставали ко мне с расспросами». Одета ты хорошо, манеры... не самые худшие. Среди богачей много вчерашних букмекеров и гангстеров, поэтому манеры – пустое. Побольше спеси. И тогда комар носа не подточит. Ты не вызовешь подозрений. А если пройдешься по палубам открыто, сможешь все хорошенько изучить.

– Нет. Это опасно, – упиралась Элли.

Крис потерял терпение.

– Ну и сиди тут, как трусливая клуша, – сказал он беззлобно. – Придет горничная убираться, как ты ей объяснишь свое присутствие в каюте? А они заглядывают даже в пустые. Будешь каждый раз прятаться под кровать? Выть, как призрак, чтобы не давать горничным

мыть пол? Ну, попробуй. У каждого уважающего себя судна есть свое привидение. Может, кого-то ты и отпугнешь, но кончится это для тебя плохо. Поверь моему опыту картежника – нужно уметь блефовать, даже когда у тебя на руках мелкие карты.

– Ладно, – решила Элли. – Идем в салон. Рисковать, так по-крупному.

Они вышли в коридор и направились к салону. Элли задрала нос, приняла холодное, высокомерное выражение и старалась шагать походкой королевы из танцевального номера «Леди и Карманник».

Встречные стюарды поглядывали на Элли почтительно, но без подозрения.

По пути Элли расспрашивала Криса.

– Ты уверен, что нужно довериться твоей тетке-бабке?

– На сто процентов. У нее ум острый как бритва, и есть характер.

– Ты ее хорошо знаешь? Она меня не выдаст капитану?

– Знаю не очень хорошо, – признал Крис. – Не видел ее лет пятнадцать. Незадолго до моего отъезда она явилась в дом папаши и остановилась у нас на несколько дней. Оказалось, мы вместе летим на «Горгоне». Решила, понимаешь, бабуля, путешествовать на старости лет. Приехала из своей глуши, приморской деревеньки Гнилые Лангусты. У нее там имение и денег куры не клюют. Папаша тоже был ей рад, хоть и не признал сначала – давно ее не видел. Но мы с ней сразу подружились. Она махом обдула меня в карты и научила паре шулерских приемов. В детстве я был у нее любимчиком. Она всегда покрывала мои проделки. Поверь, тетка Дженни – то, что тебе нужно. Она авантюристка по натуре, хоть по виду и не скажешь – ни дать ни взять, божий одуванчик. Пришли! Вот и салон.

Крис потянул высокую дверь и почтительно пропустил Элли вперед.

Салон оказался просторным, светлым. Вдоль его внешней стены тянулись огромные наклонные окна, через которые пассажиры могли любоваться небом и землей во время полета.

Все кругом сверкает хрусталем, алюминием и позолотой. Стены расписаны нежными акварельными облаками и птицами. У стен стоят легкие столики и стулья. И даже рояль имеется. Шик и роскошь в каждой детали.

Салон уже был полон пассажиров. Одни расположились за столиками и цедили игристое. Другие прилипли к окнам и азартно махали провожающим.

– Иди сюда, – Крис провел Элли к окну. – Скоро взлетаем. Смотри внимательно, тебе понравится. Я пока поищу тетку.

Элли облокотилась на подоконник и выглянула в открытое окно. Солнце мигом припекло щеки, но прохладный ветер, пахнущий свежескошенной травой, мягко прошелся по лицу.

– Две минуты до взлета! – внушительно проговорил в рупор бас капитана. Элли вытянула голову, но командную гондолу не разглядела. – Отдать балласт!

Мягко щелкнул замок причальной мачты. Хлынул водопад балластной воды, в брызгах заиграла радуга.

Оркестр взял последнюю высокую ноту и замолчал. Рабочие сгрудились под брюхом «Горгоны» и мягко толкнули ее. Огромный дирижабль в полной тишине пошел вверх, плавно и спокойно.

Сначала Элли даже не заметила его движения, лишь увидела, как земля стала уходить вниз, а лица провожающих начали уменьшаться. А потом толпа разразилась криками.

– Счастливого полета! – иступленно вопили люди. – Крис, не пей много, голова будет болеть! Линда, не забывай отправлять телеграммы! Я люблю тебя!

Элли вдруг стало грустно. Никому на всем свете не было до нее дела. Она была совсем одна, сама по себе. Кругом враги. Ее никто не любил. Никто не провожал.

Заработали моторы, салон заполнил мерный, мощный гул. Дирижабль начал разворачиваться. Проплыло крохотное, точно игрушечное здание аэровокзала, земля внизу становилась все больше и необъятнее.

А впереди открывалось бездонное синее небо. И свобода!

* * *

Элли как замороженная смотрела в окно.

Внизу лежала столица. Она звенела рельсами трамваев и гудками автомобилей.

Проплывали крыши зданий, купол Обсерватории, башни Академии. Сверкнули холодным блеском воды залива, где качались белые треугольники парусов. Со стороны горизонта надвигались белые облака.

– Выходим на океан! – на весь салон громко объявил освобожденный от вахты второй помощник капитана. – Высота полторы тысячи футов. Курс тридцать норд-вест. Скорость пятьдесят узлов.

– За «Горгону»! За удачный первый рейс! – звонко откликнулся кто-то из пассажиров, и следом захлопали пробки бутылок и зашипело игристое.

– Элли, я нашел тетку Дженни, – Крис тронул ее за плечо. – Я рассказал ей о тебе, и она сразу загорелась помочь. Говорю же – у старой авантюристки есть порох в пороховницах.

Он потянул Элли за локоть. Девушка повернулась и пошла за ним через толпу.

Веселье кипело в салоне. Взмыленные стюарды только и успевали подносить бутылки и бокалы. Франт с бородкой клинышком уселся за рояль и начал брэнчать модную песенку. Играть он не умел, но очень старался.

Стол в углу салона оккупировали картежники. Крис посмотрел на них с завистью.

Он подвел спутницу к раскидистому кактусу в кадке. Кактус тоже был показателем роскоши салона. Такие растения из пустыней Каламанки недавно вошли в моду.

Триста шестьдесят четыре дня в году они отращивали колючки, а на триста шестьдесят пятый распускались роскошными золотыми цветами. Цвели они ровно сутки. Знать взяла за обычай отмечать День Цветения своих питомцев пышными приемами. Кактусам даже дарили подарки.

– Тетя Дженни, вот она. Беглая танцовщица Элли.

– Здравствуйте, милая, – кротко поздоровалась расположившаяся в кресле у кактуса седоволосая дама. – Садитесь и расскажите мне все.

Она указала на соседнее кресло.

– Крис, мальчик, найди стюарда и попроси его принести нам какао. А мы пока побеседуем с твоей приятельницей, – она ласково

улыбнулась внучатому племяннику. Тот беспрекословно ушел ловить стюарда.

Элли торопливо опустилась в кресло и при этом умудрилась зацепиться рукавом за кактус. Острые как иглы колючки царапнули кожу. Но Элли даже не ойкнула – так она волновалась. Она настороженно посмотрела на новую знакомую.

Тетя Дженни оказалась высокой пожилой дамой с безупречной осанкой, со вкусом одетая. Ее седые короткие волосы лежали красивой волной, на затылке волну удерживал платиновый гребень с сапфирами. Высокий воротник блузки скрепляла большая золотая брошь.

Лицо у дамы было благородное, удлиненное, с крупными чертами, гладкой, словно резиновой кожей, лишь у рта разбегалась сеточка морщин. Губы, покрытые слоем розовой помады, доброжелательно улыбались, а голубые глаза смотрели на Элли безмятежно.

Ее жилистые руки с аккуратным маникюром беспрестанно трудились над вязанием. Мелькали серебряные спицы, создавая что-то лазурное и пушистое.

«Какая элегантная старушка, – подумала Элли с невольным уважением. – И видно, что с характером. Личность. Безусловно, личность».

– Рассказывайте, милая, – предложила тетя Дженни и поправила клубок. – Попали же вы в переплет! Но ваш поступок вызывает восхищение.

Она наклонилась к Элли, глянула на нее остро и произнесла негромко:

– Вы ведь артифиса, верно? И бежите не от долгов, а от неволи.

Элли вжалась в спинку кресла. Во рту ментально пересохло, в висках застучали молоточки.

Все пропало! Ее раскрыли. Черт бы побрал Красавчика Криса. Зачем она согласилась знакомиться с его теткой!

Тетя Дженни продолжала смотреть на нее не мигая, но взгляд ее смягчился.

– Не бойтесь, деточка. Я вас не выдам, – она ласково похлопала девушку по коленке. От ее движения клубок соскользнул с кресла и покатился по полу. Тетя Дженни попробовала поймать его, наклонилась, но тут же охнула и схватилась за спину.

Элли нагнулась, подняла клубок и передала его пожилой даме, предварительно аккуратно смотав нить. И только потом тоскливо сказала:

– Не понимаю, о чем вы. Артифиса? С чего вы взяли?

– Я наблюдательная. У вас особая грация движений. И ваша кожа... – она взяла Элли за руку и повернула. – Синтетическая, верно? Гладкая и прочная. Почти неотличимая от настоящей. Вы только что сильно оцарапались о кактус, – она кивнула на колючего соседа. – У любого другого пошла бы кровь, но у вас даже царапины нет.

Элли быстро вырвала руку и схватилась за запястье. Тетя Дженни сочувственно улыбнулась.

– И последнее... Хотя я и живу в глуши, у меня много столичных друзей, завсегдатаев значных мест. Один из них как-то проболтался, что, по слухам, господин Лазарус Будс, владелец кабаре «Электрическая стрекоза», купил артифису, когда мастерские старого Фукса пошли с молотка. Будс это не афиширует, но некоторым известно, что одна из его танцовщиц – весьма необычная особа.

– Вы сообщите капитану? – угрюмо спросила Элли. Отрицать свою природу не было смысла. Тетя Дженни оказалась слишком умной и зоркой.

– Разумеется, нет! – пожилая дама негодуяще взмахнула спицами. – Не переживайте. Вас не узнают. Вы правильно решили укрыться на палубе первого класса. Здешним господам ни до чего нет дела, кроме развлечений и биржевых сводок. Они равнодушны ко всем, кто не пытается украсть их денежки или обставить их на финансовой бирже. Это представители низших классов любят совать нос не в свое дело – так они получают иллюзию власти. Вы спокойно долетите до Федератов. Тетя Дженни берет дело в свои руки.

Пожилая дама лукаво подмигнула, а Элли нахмурилась.

– Почему вы решили позаботиться обо мне, госпожа Майер? – прямо спросила она. Слова тети Дженни ее не успокоили. Какой дурак станет помогать незнакомке, да еще беглой артифисе? Что-то тут не так.

Тетя Дженни посмотрела на нее задумчиво.

– Вы не привыкли к человеческой доброте, верно? У вас была непростая жизнь, было мало любви. Как у всех артифисов.

Большинство вас даже за людей не считают, и их мнение поддерживает закон.

– Главное, что я себя считаю человеком, – резко ответила Элли. – Человеком с особенностями.

– Да. Вы такие же люди, как и мы все. Среди вас есть добрые, жалостливые. Есть и подлые, жадные. Не кипятитесь! Ведь именно наши достоинства и недостатки делают нас людьми. И неважно, что у человека в груди – кусок мышц или механизм. Никто не идеален. Вот я, например: старая фантазерка, авантюристка, болтушка и врушка... – призналась тетя Джейн с удовольствием. – Но я люблю помогать людям, – продолжила она с бесконечным участием. – Мой дворецкий Жиль – артифис. Из первой партии. Он со мной уже двадцать лет. Отличный малый и мой друг. Он меня похвалит, когда я расскажу ему о нашей встрече. Я помогу вам ради него и ради себя. И ради вас. В Федеративных Землях вы начнете новую, настоящую жизнь.

– Спасибо... – пробормотала Элли. У нее защипало глаза от нахлынувших чувств.

– Ну, не вздумайте плакать! – тетя Джейн погрозила ей пальцем. – Вы, артифисы, ужасно эмоциональны.

Элли вытерла глаза и улыбнулась.

* * *

Стюард сервировал какао и печенье. Крис бухнулся в кресло и спросил:

– Ну, тетя Дженни, каков наш план?

Та отложила вязание, азартно потерла ладони, а потом поманила Элли и Крису ближе. Те нагнулись. Почти соприкасаясь головами и понизив голоса, сообщники начали совещание.

– Все просто, – начала тетя Дженни решительно. – Я поговорю со вторым помощником капитана, Пулкинсом. Ему поручено развлекать пассажиров и улаживать бытовые проблемы. Я скажу, что вы, милая – моя двоюродная племянница. Ваша семья хочет выгодно выдать вас замуж. Но ваше сердце отдано другому. Скажем... нищему, но милому актеру, который живет за океаном. Вы решили сбежать к нему. Пулкинсу понравится эта история. Он романтик. Носит карточку

красивой девушки в кармане, время от времени достает ее, любит и вздыхает. Я признаюсь, что провела вас на судно контрабандой. Затем уплачу Пулкинсу стоимость проезда. Так сказать, куплю билет на борту. Рядом с моей каютой как раз есть свободная. Пулкинс внесет вас в список пассажиров, и дело в шляпе.

– Это или слишком просто, или слишком сложно... А документы? У меня нет документов.

– Они не понадобятся. Я отлично умею водить людей за нос. Кроме того, вместо документов у меня есть то, что придаст моим словам веса.

Тетя Джейн достала из ридикюля крупную банкноту и многозначительно ей помахала.

– Пожалуйста, госпожа Майер, не нужно нести из-за меня расходы! – испугалась Элли. – Я просто займу пустую каюту и буду сидеть там тихо.

– Ерунда! – отрезала пожилая дама. – Я чертовски богата. Не лишайте меня удовольствия тратить деньги на мои прихоти. А сейчас вы моя прихоть. О, как же мне нравится все это: планировать, строить заговор, водить команду за нос, идти против системы! Я помолодела на полвека. Не заблуждайтесь, милая. Я эгоистична и думаю в первую очередь о своих удовольствиях.

Этот довод Элли убедил. Если и есть в мире неизменная вещь, на которую можно полагаться, – это человеческий эгоизм.

Прихоть? Что ж, пусть будет прихоть. Артифисов обычно держат из прихоти.

– И пожалуйста, зови меня тетя Дженни.

– Хорошо... тетя Дженни, – послушно повторила Элли. – Когда я встану на ноги в Федератах и буду зарабатывать, верну вам долг.

– Непременно. Ну, за дело! Крис, голубчик, найди второго помощника Пулкинса и пригласи подойти к нам. И пожалуйста, не задерживайся у бара.

– А теперь поговорим о твоей роли, – обратилась пожилая дама к Элли, когда Крис ушел. – Нам нужно провести капитана Ларсена. Он упрям и неподкупен. Не то, что его помощники. Сумеешь ли ты убедительно лгать?

– Умею. Иначе я бы не выжила в «Электрической стрекозе». К тому же я актриса.

– Прекрасно. За обедом мы с Крисом сидим за столом капитана, я попрошу шеф-стюарда, чтобы и тебя посадили вместе с нами. Постарайся очаровать Ларсена.

– Тетя Дженни, а почему вы решили обратиться ко второму помощнику, а не к представителю компании? – спросила Элли. – Тут летит один... Блоб, кажется. Ему проще уладить дело с билетом.

– Обращаться к Блобу рискованно. С Пулкинсом будет легче. Скоро поймешь, почему.

– Вы не сказали племяннику, что я артифиса...

– Нет. Видишь ли, Крис неплохой мальчик. В детстве он был таким трогательным... милым, наивным, благородным. Жизнь в столице не окончательно стерла эти его черты. Но все же... – тетя Дженни вздохнула и энергично заработала спицами. – Я не видела Криса много лет. Мальчик вырос. Он попал в дурную компанию. Наделал долгов. Связался с нехорошими людьми. Он так легко поддается чужому влиянию. Не нужно, чтобы он знал лишнего.

Элли согласно кивнула. Чем меньше людей знают ее секрет, тем лучше.

– Как ты попала к Лазарусу, Элли? Кто был прежним твоим хозяином?

Элли вздрогнула. Ей не хотелось рассказывать о себе, но отказать тете Дженни было невозможно, раз уж та была ее союзником и сообщником.

– Будс – мой первый хозяин, – начала она ровным голосом. – Я попала к нему три года назад после смерти старого мастера Фукса. Фукс создавал артифисов, но не считал, что нам нужны хозяева. Опекуны, как называет их закон. Я жила в доме мастера до восемнадцати лет. Он меня не баловал, но относился хорошо. Хотел, чтобы я работала с ним в мастерских. Учил меня всему понемногу. Я помогала ему. В последние годы он изготавливал механических големов. Как вы знаете, делать артифисов ему запретили...

– Да, я знаю эту историю. Людей шокировали подробности создания артифисов. Элли, детка, прости мне этот вопрос... Ты знаешь, кто послужил... материалом для твоего создания?

– Нет, – выговорила Элли с трудом. – Знаю лишь, что были три девочки из приюта. Они умерли в младенчестве. Они и стали моим... исходным материалом. Три безымянных девочки. Наверное, если бы

они выжили и выросли, у них были бы разные характеры. Одна – проказница. Вторая – вдумчивая тихоня. Третья... певунья, артистка. Они – это я. Я бываю очень разной. Вы понимаете?

– Понимаю. Мне известно, как это делалось, – кивнула тетя Дженни. – Мастерские выкупали тела и создавали... вас, артифисов. Мастера Фукса брали их органы, их жизненные ауры. Заклучали ауры в особые кристаллы. Собирали нового человека, дополняя его тело механизмами. С помощью кристаллов вдыхали в него жизнь.

– Таким образом, одни считают, что артифисы – монстры, сделанные из отходов, – горько усмехнулась Элли. – Другие приравнивают нас к зомби или автоматам.

– Вы более совершенны, чем обычные люди, – мягко сказала тетя Дженни. – Вы не подвержены болезням. Слабо чувствуете боль. Ловки, подвижны, неутомляемы. Можете долго обходиться без пищи и воды. Вам можно позавидовать.

– Именно так, – мрачно согласилась Элли. – Сначала мастерские выпускали артифисов-солдат. Артифисов-слуг. Потом пришел черед артифисов спортсменов, актеров. И при этом люди верят, что у артифисов мозги набекрень. Что мы мыслим по-особому, если вообще мыслим. И поэтому нам нужны опекуны. По сути, мы рабы, а опекуны – работоторговцы. Нас продают и покупают. Но мы не безмозглые! Мы мыслим как все, чувствуем, как все. Прекрасно можем о себе позаботиться. Заводить свои семьи, работать... жить.

– Люди боятся тех, кто отличается от них, – серьезно заметила тетя Дженни. – Боятся не только артифисов, но и других людей. Они с опаской относятся к Одаренным – тем, кто рожден с даром манипулировать эфирными полями и изменять реальность. Называют их колдунами. Что касается артифисов, тут говорит извечный страх того, что творение восстанет против творца. Единственная ваша слабость – ключ от сердца. Так мастера обезопасили себя. Элли, твой ключ – у тебя?

Глава 3

Подошел второй помощник капитана, Пулкинс, вежливый молодой человек с ясным взглядом. Синяя форма сидела на нем ладно, а из-под фуражки выбивалась трогательная волнистая челка.

Тетя Дженни усадила Пулкинса в кресло, предложила какао и поведала свою версию появления на борту безбилетницы, украсив ее яркими деталями.

Пулкинс слушал и сочувственно кивал. Но когда пожилая дама изъявила желание купить для племянницы билет, при этом не ставя капитана в известность, Пулкинс тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Боюсь, это невозможно, госпожа Майер.

– Почему? Так делается на других воздушных судах, хоть и неофициально.

– Наш капитан не поощряет подобную практику. На «Горгоне» действуют четкие правила. Никаких незарегистрированных пассажиров, да еще без документов. Я обязан доложить ему о вашей племяннице. Если скрою факт наличия на борту безбилетника, мне крепко не поздоровится.

Он послал Элли извиняющуюся улыбку.

– Вам не обязательно об этом упоминать, – настаивала тетя Дженни. – Просто внесите ее в список пассажиров. Вряд ли капитан помнит его наизусть.

– От капитана Ларсена ничего не укроется, госпожа Майер. Лучше обратитесь к нему с вашей просьбой, а он уж примет решение.

– Пулкинс, мы оба прекрасно знаем, как поступит капитан, – негромко сказала тетя Дженни. – Он будет возмущен моим невинным обманом. Для него станет делом принципа высадить Элли в Сен-Бернадет и передать ее полиции. Этот скандал погубит ее и навсегда разлучит с возлюбленным. Представьте на ее месте девушку, чей портрет хранится у вас в нагрудном кармане!

Брови Пулкинса страдальчески поднялись, но он был непреклонен.

– Я не могу, госпожа Майерс. Вы просите меня поступиться долгом. Ввести капитана в заблуждение...

– Разве вам впервой это делать, Пулкинс? – перебила его тетя Дженни.

– Я привык строго соблюдать судовые правила! – напыщенно сказал второй помощник, но голос его дрогнул, а на скулах появился румянец.

– Вот как? – невинно переспросила тетя Дженни и потеревшая бровь у горла. – Насколько знаю, судовые правила запрещают перевозку животных в каюте.

Румянец на щеках Пулкинса превратился в багровые пятна.

– Что... что вам известно? – спросил он слегка заикаясь.

– То, что у вас в каюте спрятано маленькое, игривое, пушистое существо. Полагаю, щенок или котенок. Ваш питомец? Вы не смогли с ним расстаться на время рейса, протащили на «Горгону» и спрятали в вашей каюте?

Тетя Дженни бережно сняла с рукава кителя Пулкинса клочок рыжей шерсти.

– У вашего питомца красивая шерстка, – сказала она ласково. – А что это у вас на пальцах? Отметины от острых зубов, совсем свежие. Щенки и котята, когда разыграются, оставляют нешуточные следы на руках хозяев. О, еще и нос вашего ботинка погрызен!

Пулкинс торопливо спрятал ноги под кресло.

– В кармане кителя у вас лежит что-то круглое – контур проступает, – неумолимо продолжала тетя Дженни. – Консервы для животных? Ай-я-яй, второй помощник Пулкинс, – она укоризненно покачала головой. – Если капитан узнает, он велит отвести вашего питомца в багажный отсек, а вам сделает строгий выговор.

– Фанни всего три месяца! – беспомощно сказал Пулкинс. – Мне было не с кем ее оставить. Пришлось взять с собой. Она еще кроха, но очень умная, и знает, что нужно сидеть тихо, когда я на вахте. Ей нельзя в багажный отсек! Там перевозят цирковых животных, тигров и пум. Они напугают Фанни до смерти, у нее пропадет аппетит! Госпожа Майерс, прошу... прошу вас...

– Вы думаете, я собираюсь донести капитану? – тетя Дженни вздохнула. – Совсем нет. Низкого же вы обо мне мнения... Пусть Фанни

летит с вами дальше. Ну, а Элли сойдет в Сен-Бернадет, раз иного выхода нет.

– Ладно, – решил Пулкинс с отчаянием в глазах. – Я поселю вашу племянницу в свободной каюте и не доложу об этом капитану. Но если правда вскроется, я буду все отрицать. В списки пассажиров я включить ее не смогу, но распорядюсь выделить ей место в столовой.

– Вы хороший юноша, второй помощник Пулкинс, – сказала тетя Дженни с достоинством.

– Спасибо! – пылко добавила Элли.

Но лицо Пулкинса оставалось несчастным.

– Возьмите, – тетя Дженни насильно вложила в его руку несколько хрустящих бумажек. Второй помощник посмотрел на них стеклянным взглядом. – Берите с чистой совестью, – строго велела тетя Дженни. – Если вы собрались жениться и содержать жену и питомца, не время быть щепетильным.

Пулкинс колебался недолго. Он стыдливо потупил глаза, сунул бумажки в карман, поклонился и торопливо ушел.

Красавчик Крис, который сидел тихо во время разговора, восхищенно похлопал в ладони.

– Тетя Дженни, ты была великолепна. Блестяще разыграла партию. Тебе нет равных!

Та отмахнулась от него вязанием.

– Я всего лишь следовала принципу: поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой.

– Отличное правило! – воскликнула Элли. – Увы, оно не всегда работает.

– Чаще всего не работает. Этот принцип для тех, кто хочет жить в ладах с совестью. Из него не следует, что люди ответят тебе взаимностью. Поэтому не расслабляйся, дорогая. Нам предстоит провести капитана Ларсена. Уж он-то будет поступать только так, как считает нужным, хоть ты на руках вокруг него ходи... Но и к нему можно подобрать ключик. Скоро обед, и мы будем сидеть за столом капитана. У Ларсена не должно возникнуть ни тени сомнения.

Подошел младший стюард и пригласил Элли пройти в приготовленную для нее каюту. Если его и удивило распоряжение второго помощника Пулкинса, он никак этого не показал. Возможно,

свою роль сыграли банкноты тети Дженни, которыми Пулкинс поделился со стюардом. Одна как раз похрустывала в его руке.

– Ваш багаж в багажном отделении? – осведомился стюард. – Угодно, чтобы я его доставил?

– Да, пожалуйста! Мой чемодан без бирки, но вы его легко найдете. Он из рыжей кожи, с серебристой эмблемой стрекозы.

Стюард подавил тягостный вздох. Учитывая количество пассажиров на борту, искать чемодан ему придется долго, догадалась Элли. Ей стало жаль стюарда. Он был немолодой, лысоватый и замученный жизнью.

– Давайте, я пойду с вами в багажное отделение и помогу... Грег, – Элли прочитала имя стюарда на нашивке. – У вас и так работы невпроворот!

– Нет, не стоит. Это запрещено, – отказался Грег, но было видно, что его тронуло участие Элли и то, что она назвала его по имени. – Я справлюсь, – улыбнулся он.

* * *

Элли вошла в небольшую светлую каюту, подошла к иллюминатору, открыла жалюзи и подставила лицо ветру.

Какая красота! Внизу океан переливается серебром и изумрудной зеленью, линия горизонта сливается с небом.

Кажется, из окон «Горгоны» можно увидеть даже край света!

Высоты Элли не боялась. Недаром прозвище «Стрекоза» стало ее сценическим псевдонимом! Как было бы здорово парить над океаном не во чреве воздушного судна, а на прозрачных крыльях...

Должно быть, из командной гондолы в носу судна вид еще более впечатляющий. Полное ощущение полета. Вот бы там побывать!

В дверь постучали, стюард принес чемодан.

– Через полчаса пожалуйста на обед, – предупредил он.

Элли открыла чемодан, выбрала подходящий наряд и начала переодеваться, насвистывая легкомысленную песенку.

Когда она появилась в салоне, двери столовой были еще закрыты, публика прохаживалась у окон и поглядывала на часы. Первое

волнение полета утихло, дал знать о себе голод. Да еще выпитое по случаю начала путешествия спиртное не на шутку разожгло аппетит.

Господа и дамы переоделись к обеду и расфуфырились так, как будто явились на королевский прием. Мужчины во фраках, пахнущих дорогим сукном, гвоздикой и богатством. Женщины в вечерних платьях и драгоценностях. Бриллиантовые ожерелья рассыпали снопики ярких лучей.

Бриллиантов у Элли не водилось, но наряд был подходящий – закрытое красное платье и белое боа. Все позаимствовано из костюмерных «Электрической стрекозы».

Элли не считала это воровством. Она лишь взяла то, что по праву ей причиталось.

Боров Лазарус сделал на ее выступлениях состояние, но танцовщица-артифиса получала гроши, да и то, когда у Будса было хорошее настроение. Порой Элли удавалось припрятать банкноту или колечко, которые поклонники ее таланта передавали ей с букетами.

– Отлично выглядишь, дорогая, – похвалила ее тетя Дженни. Она сменила костюм на синее платье, а на голову намотала тюрбан. – Смотри, вон капитан Ларсен. Беседует с пассажирами. Подойдем и послушаем, о чем речь.

У Элли похолодели ладони. Впереди возвышалась широкая спина, облаченная в белый китель. Эту спину она сразу же узнала, как и раскатистый внушительный голос.

НЕБЕСНАЯ ТАНЦОВЩИЦА И КАПИТАН «ГОРГОНЫ»

Даже не видя его лица, Элли поняла, что капитан Ларсен, безусловно, человек незаурядный. Уверенный в себе, полный сдержанной энергии – об этом говорили и разворот плеч, и его осанка, и широко расставленные ноги. Прочая публика казалась на его фоне статистами или блеклыми декорациями.

Тетя Дженни подвела растерявшуюся девушку к группе господ и дам, которые стояли вокруг капитана и внимали каждому его слову. Из чувства самосохранения Элли решила пока не попадаться ему на глаза и остановилась в паре шагов за его спиной.

– Как вы считаете, капитан, мы долетим в срок? – спросила носатая дама в черном вечернем платье, похожая на цаплю в трауре.

– Безусловно. Если не будет задержки в Сен-Бернадет. Там мы делаем остановку, забираем почту и новых пассажиров. А также высаживаем тех, кто не сможет продолжать полет.

– Почему кто-то не сможет продолжать полет? – удивилась дама.

– Когда «Горгона» уже пошла над океаном, мы нашли двух безбилетников на палубе третьего класса, – пояснил капитан. – Я посадил их под замок в самой холодной кладовой трюма. В Сен-Бернадет они будут переданы полиции. Возможно, их количество увеличится, мы еще не осмотрели все помещения первого класса.

Элли поежилась. Тетя Дженни глянула на нее со значением и подняла брови.

– Ну, среди нас безбилетников нет! Мы приличные люди, – возмутилась носатая дама.

– Надеюсь. Но я привык во всем сомневаться.

Его случайной или намеренной грубости, казалось, никто не заметил.

– Можете проверить мой билет, капитан, – игриво предложила пухлая блондинка с дерзкими глазами и вздернутым носом. – Я не буду возражать, если вы посадите меня под арест. При условии, если это будет ваша каюта, и мы будем в ней вдвоем.

Капитан ничего не сказал на эту ремарку. Он отвернулся, чтобы ответить на вопрос пожилого взволнованного господина с двойным подбородком и желтыми от табака моржовыми усами.

Тетя Дженни осуждающе покачала головой. Элли решила, что она шокирована вульгарными манерами блондинки. Но пожилая дама сказала тихо:

– Однако капитан Ларсен невосприимчив к женскому кокетству. Это плохо для нас.

«Чем же?» озадачилась и испугалась Элли.

Тем временем желтоусый господин назойливо интересовался:

– Капитан, вы гарантируете, что мы долетим в безопасности? Что «Горгона» не вспыхнет в воздухе, как это случилось с «Антеоном»?

– Ни в коем случае. В баллонах «Горгоны» используется негорючий газ. Компания даже разрешила пассажирам курить на борту.

В голосе капитана отчетливо прозвучало неодобрение.

Усатый стыдливо покосился на зажженную сигару в своей руке и спрятал ее за спину.

– А как же воздушные пираты? Они могут напасть на «Горгону»?

– Все может быть, господин Шнаппс, – с ледяным спокойствием ответил капитан, и Шнаппс беспокойно пошевелил усами. – Не беспокойтесь. У нас есть чем встретить пиратов. На «Горгоне» установлены две пневматических пушки и одна магнитная.

Стоявший рядом пузатый живчик с блестящей лысиной замахал руками и возмутился:

– Пушки не понадобятся! Пираты лишь слухи, господа!

По его голосу Элли узнала Блоба, представителя транспортной компании.

– Но в газетах столько пишут о Химерасе, преступнике со ста лицами! – запротестовала дама в черном. – Что, если он проник на «Горгону» под личиной одного из пассажиров? Что, если он устроит диверсию и захватит дирижабль? Он может стоять среди нас в этот самый момент! Он носит парики и каучуковые маски. Никто не видел его настоящего лица. Им может быть кто угодно. Вы, Шнаппс, или вы, Блоб! Или даже я!

– Или я, – сказал капитан, и в его голосе не было улыбки.

– Прошу, не пугайте нас, господин Ларсен! Я вся дрожу под своим тонким платьем! – трепетно произнесла блондинка. – Посмотрите, как вздымается моя грудь от волнения...

– Я вас не пугаю. Я лишь хочу, чтобы все соблюдали осторожность. Не болтали лишнего и не ходили туда, куда пассажирам ходить запрещено. Экипаж обеспечит вашу безопасность. Мы приняли дополнительные меры.

Ударил гонг, дверь столовой распахнулась, и гости, продолжая обсуждать последние слухи о нападении воздушных пиратов, чинно двинулись обедать.

* * *

Столовая «Горгоны» ослепляла роскошью. Здесь даже был зеркальный потолок. В нем отразились лысины и напoмаженные шевелюры, белые скатерти и хрустальные приборы.

Элли внимательно изучала пассажиров. Вдруг кто-то еще ее узнает? Крис же узнал. Но Элли не была столичной звездой, ее имя и портрет не мелькали в газетах. Богатые господа редко заглядывали в «Электрическую стрекозу» – предпочитали заведения классом повыше. Может, и повезет. Кроме того, у нее теперь есть заступница. На нее больше надежды, чем на случай да Великого Механикуса.

Крис признал ее по движению рук и плеч. Видимо, наблюдательность – семейная черта Майеров. Полезный урок: значит, нужно изменить походку, жесты. С этим она справится. Она же артистка!

Предстоит сложная игра. Как танец на канате над сценой: неверный шаг, одна ошибка – и провал.

Игра не только опасная, но и увлекательная. Ты скользишь по туго натянутой проволоке, яркая, экзотичная. Поворот головы, улыбка, взмах руки – срабатывает реквизит, ты ослепляешь публику россыпью электрических искр. Публика восхищается и рукоплещет электрической стрекозе, волшебному творению. Зрители одурачены. Они не видят под сценической мишурой реальную Элли, храбрую, непокорную артифису, чье механическое сердце трепещет от волнения.

Теперь ее сцена – салон первого класса. Отсутствие грима тоже хорошая маскировка. Все получится. Она одурачит этих господ. Заставит их видеть только то, что она им позволит.

Подошел накрахмаленный стюард.

– Госпожа Селеста, вам отвели место за столом капитана, – сообщил он. – Вместе с госпожой Майер. Вас, господин Майер, пересадили за стол первого помощника.

Элли опустилась на стул. Взяла салфетку, встряхнула, расстелила на коленях. И только потом подняла глаза и глянула на сидящего напротив капитана. Наконец-то она рассмотрит его не только со спины!

Его фасад оказался не менее впечатляющим, чем его тыл.

У капитана Ларсена было крупное лицо с жесткими чертами северного разбойника. Наверняка его немые бородастые предки бороздили холодные моря на ладьях, потрясая топорами и наводя ужас на прибрежные селения.

Ларсен продолжил традицию и стал капитаном верхнего моря. Он служил цивилизации, и потому его твердо очерченный подбородок был гладко выбрит, а манеры отличались скупостью и сдержанностью.

Но Ларсен получил волю к победе и необузданную силу своих прадедов. Ее было не скрыть под застегнутым на все пуговицы капитанским мундиром.

Между густыми пшеничными бровями лежала глубокая складка. Тонкогубый, жестко сжатый рот не привык улыбаться. Светло-голубые глаза смотрели холодно и пытливо. Прямо на Элли.

На миг шестеренки в ее механическом сердце дали сбой, но потом застучали куда быстрее, чем обычно. По позвоночнику пробежал холодок. Но Элли не показала волнения. Она улыбнулась широко и искренне. Капитан на улыбку не ответил.

– Думал, с вами летит ваш племянник, а не племянница, – обратился капитан к тете Дженни.

– Летят и племянник, и племянница, – ответила та беспечно. – Элли, позволь представить тебе капитана Эвклида Ларсена.

Элли мысленно фыркнула, услышав капитанское имя.

Подумать только, Эвклид! А она-то вообразила, что его зовут Хродгар Длинный Меч, или Олаф Безжалостный, или Сигурд Живопыр.

– Капитан, это моя двоюродная племянница Элли Селеста. Она решила лететь в последнюю минуту.

– Вот как, – сказал капитан и взял список гостей, обедающих за его столом. Пробежал глазами и нахмурился, разбирая наспех приписанное карандашом имя.

– Где вы приобрели билет, госпожа Селеста?

Его длинные крепкие пальцы постукивали по столу, и он смотрел на Элли, ожидая ответа. Но ответила тетя Дженни.

– В аэровокзале! У одного из представителей транспортной компании. Возможно, он не успел внести ее имя в общий список пассажиров. Знаете, у компании столько хлопот... Но они заботятся об удобстве пассажиров, и мы это ценим.

Сидящий по левую руку от капитана представитель компании Блоб довольно закивал.

– Я сделаю запрос радиограммой и уточню, – сказал капитан.

Элли опустила глаза. Дьявол, какой он формалист, этот Эвклид Ларсен! Кажется, она в беде. Тете Дженни следовало придумать ложь получше.

Тетя Дженни легко коснулась руки Элли и подмигнула, как бы говоря: «Ничего страшного, мы это уладим». А потом продолжила знакомить Элли с другими пассажирами за столом капитана.

– Господин Блоб, представитель Королевской воздушно-транспортной компании.

Блоб воскликнул:

– Весьма рад!

И ощупал плотоядным взглядом длинную шею и пышную грудь новой знакомой.

– Доктор Гризвольд, судовой врач.

Мрачный субъект средних лет, затянутый в черный костюм, смотрел на Элли сквозь пенсне немигающим совиным взглядом. У доктора была желтоватая кожа, втянутые щеки и высокий лоб с залысинами. Он производил впечатление желчного, въедливого человека и не понравился Элли.

– А это господин Буффорд, укротитель из цирка «Абрус-макабрус». Он сопровождает зверинец, который «Горгона» везет на гастроли за океан.

Буффорд вздрогнул и неприветливо кивнул. Элли знавала немало цирковых и ярмарочных артистов и любила ходить на представления, когда удавалось вырваться из кабаре, но о Буффорде не слышала ни разу. На укротителя он походил меньше, чем капитан Ларсен на школьную учительницу.

Дрессировщик был мал ростом, сутул, тщедушен. На его голове росла шапка седоватых волос, которые он причесывал в последний раз

несколько недель назад. Дряблые щеки покрывала щетина, огромный нос печально нависал надо ртом с опущенными уголками.

Он выглядел неопрятно и неаппетитно, поэтому наверняка не представлял гастрономического интереса для своих подопечных и мог безбоязненно заходить к ним в клетки.

– Каких зверей вы везете, господин Буффорд? – спросила Элли. – Я видела тигров при посадке.

Господин Буффорд снова вздрогнул и перечислил убитым голосом:

– Тигров, пум, львов. Всего восемь голов.

– С какими номерами вы выступаете?

– С разными, – промямлил Буффорд. – Э-э-э... «Жонглирование хвостами», «Усатые страсти», «Полосатые оборотни», «Кошки-убийцы»...

– Если не ошибаюсь, по накладной вы отвечаете еще за один важный груз на судне? – заметил доктор Гризвольд.

– Ну да, – кисло подтвердил Буффорд.

Он уткнулся в меню, показывая, что дальше обсуждать эту тему он не намерен.

– Госпожа Маргридж, – представила тетя Дженни последнюю гостью, ту самую носатую даму в черном, которая ранее досаждала капитану расспросами в салоне.

Официанты начали подавать блюда: тар-тар из говядины, филе перепелок, лосось со спаржей...

Элли взяла приборы. Она знала, как держать себя в приличном обществе. Ее научил Рене, официант из «Электрической стрекозы», старый пройдоха. Раньше он служил дворецким в доме графа, пока его не выгнали за то, что он часто оказывался не там, где следует – например, в объятиях графини или в ближайшем ломбарде, с господским столовым серебром в кармане. Но дело свое он знал хорошо и не сплеховал бы даже на королевском приеме. Благодаря ему Элли усвоила, чем отличается нож для устриц от десертного.

А вот в изысканных блюдах Элли разбиралась плохо. Артифисы едят мало, необходимую энергию они получают другим путем. Раньше она обходилась скромными завтраками и не понимала тонких вкусов.

Что ж, стоит наверстать упущенное. Она осторожно проглотила первую ложку сливочного супа с гребешками, зажмурилась от

удовольствия и, не удержавшись, облизнулась. А когда открыла глаза, увидела, что капитан Ларсен неподвижно смотрит на ее губы. Она ответила ему дерзким взглядом, но капитан не отвел потемневших глаз. Ей показалось, что он был чем-то раздражен.

Хотелось бы знать, что за мысли бродят в его непрошибаемой голове!

* * *

Элли продолжала рассматривать его украдкой. И заметила, что капитан выглядит усталым: у глаз легкие морщинки, мышцы возле рта напряжены, движения рук слегка замедлены. Но спину держит прямо, взгляд пытливый и острый, не отпускает ничего. Капитан не дает себе поблажек. Он как будто в постоянном ожидании опасности и всегда настороже. У него сильная воля, и ума хватает.

С капитаном Эвклидом Ларсеном будет непросто, ох как непросто!

– Чем вы занимаетесь, госпожа Селеста? – спросил он. – Учитесь, служите или проводите время в праздности, как положено девушкам вашего круга?

Вопрос был обычным для светской беседы, однако интонация, с какой его задал капитан, была бы уместнее для допроса. Однако он не любитель политесов, и улыбки расходует скупно, отметила Элли.

– Я занимаюсь танцами, – она мило тряхнула головой. Капитан продолжал сверлить ее взглядом, пока ей не сделалось не по себе.

Какой ее видит Ларсен? Светской дамочкой. Пустоголовой кокеткой. Элли постаралась создать нужный образ, когда планировала проникновение на «Горгону». Косметики немного, грим не сценический, на губах яркая помада, подкрашенные ресницы хлопают с невинным кокетством. Красно-рыжие волосы уложены в скромный пучок, но несколько локонов шаловливо падают на персиковую щеку.

Кажется, капитан не в восторге от девушек такого типа. Наверное, ему нравятся невозмутимые белокурые валькирии, надежные как скалы, умные и сильные.

Элли вдруг стало обидно. Она тоже умная и сильная. Но ее нынешняя роль не предусматривает демонстрацию этих качеств.

Большинство мужчин считают их недостатком.

– Элли закончила Королевскую балетную школу, – уточнила тетя Дженни. – Исполняла партию стрекозы в благотворительном спектакле «Сон в лунную ночь». Публика отметила ее неслыханный талант. Служить в театре она не стала – видите ли, положение в обществе, строгие взгляды ее семьи... Но она часто выступает на званых вечерах и имеет успех.

Элли с любопытством слушала неизвестные ей детали собственной биографии. Тетя Дженни вралась как дышала. Вот одно из преимуществ старости: прожитые годы придают уверенности в себе, а угрызения совести давно завяли.

– О, вы артистка! – обрадовался Блоб. – У нас в развлекательной программе предусмотрен концерт, где пассажиры первого класса покажут свои таланты. Будут петь, играть на рояле, разыгрывать комические сценки. А госпожа Селеста исполнит танцевальный номер!

– Непременно! – пообещала Элли.

На лице капитана мелькнуло глубокое отвращение.

– Вы имеете что-то против танцев, господин Ларсен? – смело спросила его Элли. – Или против танцовщиц?

– Увы, я не привык к легкомысленным затеям, – довольно любезно отозвался капитан. – Но вы развлекайтесь. Пойте, пляшите. Я разрешил подобное мероприятие во время рейса. Понимаю, дамы и господа не привыкли скучать.

Ну да, в свободное время он, наверное, только и делает, что штудирует штурманские сводки и книги по авиации. Сухарь ледяной, решила Элли. И грубиян.

– А какие еще развлечения предусмотрены во время рейса? – осведомилась госпожа Маргридж.

– На борту «Горгоны» есть казино, библиотека, камерный синематограф и прогулочная площадка на открытой палубе, – перечислил капитан. – Также завтра мы будем проходить «Небесную ферму», это красивое зрелище. Сегодня сразу после обеда второй помощник Пулкинс проведет экскурсию по дирижаблю для желающих.

– А вы к нам присоединитесь, капитан? – спросила тетя Джейн. – Ваша вахта закончилась, у вас есть свободное время. Нам всем бы

хотелось, чтобы о судне рассказал его хозяин.

– У капитана редко бывает свободное время. И я лишь служащий; судно принадлежит транспортной компании.

– Полно, капитан! Вы знаете «Горгону» так же хорошо, как любой ее инженер. Они советовались с вами, когда шла постройка. Вы вложили в этот дирижабль душу!

– Это так, сударыня. Но второй помощник Пулкинс отлично справится с ролью гида. У него язык подвешен лучше, чем у меня, – капитан положил салфетку на стол и поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Дамы, господа, прошу меня извинить. Синоптик ждет для совещания.

Капитан ушел, и Элли вздохнула свободнее. Ей было не по себе в его присутствии. У нее мурашки бежали по спине от его взгляда и командирского голоса. Эвклид Ларсен был угрозой. Но когда его место за столом опустело, ей вдруг стало скучно.

Обед закончился светской болтовней о погоде и столичной жизни.

– Господа, минуточку внимания! – громко сказал второй помощник Пулкинс, выходя на середину зала. – После обеда начнется экскурсия по дирижаблю. В группе сорок человек. Вторая экскурсия пройдет вечером, пожалуйста, запишитесь у шеф-стюарда заранее.

– Мы пойдем сейчас! – жизнерадостно сказала тетя Дженни. – Это куда интереснее, чем сидеть в казино!

Элли была с ней согласна. Ей не терпелось осмотреть дирижабль, о котором она так много читала и с которым связала свои надежды о свободе.

Глава 4

Обед закончился, часть пассажиров перешла в салон, другие отправились по каютам. Вокруг второго помощника собрались желающие осмотреть «Горгону».

Пулкинс повел господ и дам по коридору. Экскурсия началась с палубы первого класса, потом перешли ниже.

Посетили библиотеку, где дремали в тишине двое старичков, а библиотекарь скучал и раскладывал пасьянс.

Заглянули в казино, где было многолюдно и шумно. Крупье объявлял ставки, шарики прыгали по красным и черным клеточкам, а игроки хлопали по сукну лакированными картами.

Красавчик Крис и укротитель Буффорд оживились и, разминая на ходу пальцы, устремились к картежным столам.

Но тетя Дженни взяла племянника за локоть и увела прочь.

Присмотреть за Буффордом было некому, и он собрался сделать ставку.

Укротитель сосредоточенно порылся в карманах в поисках бумажника.

Из левого кармана вытянул пару метров бесконечного платка, на третьем метре потерял терпение, выругался, скомкал разноцветный шелк и запихнул обратно.

Из правого кармана его пиджака выпорхнул ободранный голубь. Птица пометалась над головами игроков, нагадила на зеленое сукно и вылетела в коридор.

Наконец, укротитель извлек на свет тощий бумажник. Открыл его, с кислым видом заглянул внутрь, поморщился и чихнул. Из бумажника выстрелил фонтанчик конфетти.

– Чертовы циркачи... проклятые шутники, драть их плеткой... – пробормотал Буффорд под нос, а потом обратился к тете Дженни. – Сударыня, не одолжите пару сотен кронодоров? Кажется, я забыл снять деньги со счета, а ставки тут высоки, и берут только наличными.

– Простите, не захватила мелочи, – кротко ответила тетя Дженни, и укротителю, несолоно хлебавши, пришлось продолжить экскурсию вместе со всеми.

Группа отправилась осмотреть камерный синематограф и гимнастический зал. Второй помощник разливался соловьем, описывая роскошь помещений первого класса, Блоб вставлял комментарии, уточняя потраченные компаний суммы: стоимость ковров, зеркальной фольги на потолке, алюминиевой мебели. Ему нравилось слушать собственный голос, и он не обращал внимания на то, что Пулкинс посматривает на него с раздражением. Кому понравится, когда его перебивают!

Элли погрузилась в собственные мысли. И все они были связаны с капитаном Эвклидом Ларсеном.

Пожалуй, он был первым мужчиной, о котором она думала так много, и который вызвал у нее столько разнообразных эмоций.

Ларсен здорово отличался от тех типов, с которыми ей приходилось иметь дело в кабаре – развязных, скользких, порой опасных, порой просто надоедливых.

Элли никогда не думала о них как о мужчинах. Они были досадной неприятностью. Капитан Ларсен тоже был неприятностью, но такой, что вызывала серьезные опасения, а не только раздражение.

Но капитан вызывал у нее не только опасения. Половину своих чувств, которые разбудил в ней Ларсен, она затруднялась определить.

Он был жестким, властным, сдержанным человеком. Она остро чувствовала ту холодную энергию, которая окружала его, как аура. Эта энергия пробуждала в ней сильный отклик; Элли испытывала волнение, когда думала о Ларсене. И зуд любопытства.

Как странно, как неожиданно!

Элли нравилось наблюдать за людьми. При этом она настороженно гадала: есть ли в ней что-то такое, что отличает ее от остальных? И решила, что нет. Она артифиса, но все же она человек, обычная девушка. Она чувствует и размышляет, как все. Злится, тревожится, смеется... Ну, может, она чуть умнее остальных. Но это тоже нормально для людей – считать себя умней остальных!

Однако одна вещь оставалась для нее непостижимой. Элли еще никогда не чувствовала сильного притяжения к мужчине. Когда девушки в кабаре умильно восхищались своими избранниками, Элли не понимала их восторгов. Но сейчас и она испытывала чувство, близкое к восхищению. Но ведь Ларсен пока ничем его не заслужил! И вообще, он ей не понравился. Капитан – ее потенциально опасный

противник. Он не рядовой подвыпивший посетитель кабаре, которого можно осадить суровым взглядом или острым словом! С ним нужно держать ухо востро.

Элли нахмурилась, встряхнулась и посмотрела по сторонам. Экскурсия шла своим чередом. Пассажиры гуськом шли за Пулкинсом. Тетя Дженни вытащила из ридикюля вязание и стала на ходу щелкать спицами. Наверное, она могла вязать даже во сне и не пропустить ни одной петли.

Но потом она оглянулась на Элли и нашла занятие поинтереснее. Сунула спицы и вязание под мышку, замедлила шаг, взяла Элли под локоть.

– Как тебе капитан Ларсен? – спросила она тоном завзятой сплетницы.

– Неприятный мужчина, – отрезала Элли, убеждая саму себя.

– Он красив.

– Разве?

– Безусловно. Мужественное, волевое лицо, умные глаза.

Элли упрямо покачала головой.

– Мне кажется, он жестокий и неуживчивый человек.

– Отнюдь. Он очень молод для капитана, вот и старается выглядеть серьезным. Суровый – может быть. Принципиальный. Я немного побеседовала с Пулкинсом и Блобом и кое-что узнала о Ларсене.

– Что же? – встрепенулась Элли. Ей очень хотелось услышать историю капитана!

– Он – выходец из низов, сын отставного моряка и швеи. Учился в плохонькой школе в трущобах, но очень старался. Потом работал в мастерских, где строят аэростаты. Дослужился до младшего техника и поступил в Королевское воздухоплавательное училище. С блеском сдал экзамены и получил стипендию. Всего добился сам. Он на хорошем счету у компании, хотя есть в его послужном списке пара инцидентов, и он часто идет наперекор решениям владельцев судна. Особенно когда речь идет о привилегиях пассажиров первого класса.

Тетя Дженни оглянулась, проверяя, не слушают ли ее посторонние уши. Прочие участники экскурсии увлеклись рассказом Пулкинса о комнате для дегустации вин, и она продолжила:

– Понятно, почему он не жалуется богатеям. Классовая ненависть, не иначе.

– Почему он вас так интересуется?

– Потому что, милая, тебе необходимо очаровать Ларсена. Влюбить его в себя.

Элли ахнула.

– Зачем?! Я не хочу.

– Тебе нужно продержаться на «Горгоне» до прибытия в Федераты. Если капитан будет благоволить тебе, вспыхнет к тебе нежными чувствами, он захочет удержать тебя рядом и не станет доискиваться до причин твоего появления на дирижабле. Помнишь, он хотел отправить радиogramму с запросом? Положим, с радистом я поговорю, он молодой мальчик, его легко запугать, убедить или подкупить. Но это слабая мера. Полно, неужели Эвклид Ларсен тебе ни капли не понравился?

– Ну разве что самую каплю.

– Он тоже заинтересовался тобой. И не только потому, что что-то заподозрил. Он глаз не отводил от твоих рыжих волос. И немного смущался, когда вы вели беседу.

– Да вы шутите! Он умеет смущаться не больше, чем железный топор.

Тетя Дженни засмеялась журчащим смехом.

– Думаю, ты не встречала в кабаре таких мужчин. Порядочных и серьезных.

Элли крепко сжала губы и отвернулась.

– В кабаре ходят разные люди. Не все из них негодяи.

Тетя Дженни взяла ее за руку и серьезно сказала:

– Дорогая, прости меня, старую циничную перечницу... зря я предложила тебе использовать женские чары на Ларсене. Тебе это неприятно, так? Твой хозяин Лазарус заставлял тебя развлекать клиентов? Требовал, чтобы ты ублажала его? Наверное, ты ненавидишь мужчин.

Элли вспыхнула.

– Ничего подобного! То есть да... Поначалу Лазарус требовал, чтобы я... развлекала клиентов и его друзей в гримерке после выступлений. Но я сумела дать отпор. К счастью, Лазарус не досаждал мне ухаживаниями. Я же артифиса, он не считает меня человеком.

Даже прикоснуться брезгует. Другим девушкам не так повезло. Когда Лазарус привел в мою примерную одного старого богатого развратника, я сказала, что лучше умру. Пригрозила, что заставлю свое механическое сердце остановиться. Это невозможно, но Лазарус не знает, на что способны артифисы. Он испугался, не захотел терять деньги, которые я ему приносила. Поэтому я никогда... вообще... ни с каким мужчиной.

Элли смешалась и прикусила язык.

– Бедная девочка... – сказала тетя Дженни с состраданием и осторожно погладила ее по плечу.

– Однако я умею кокетничать и кружить мужчинам головы, если нужно. Но я порядочная девушка, хоть и работала в кабаре. Эта затея мне не нравится. Вдруг у капитана есть жена или невеста?

– Об этом не беспокойся. Ни невесты, ни жены у него нет. Однако капитан познал свою долю разочарований. Одно время он ухаживал за знаменитой примадонной мюзик-холла Като Лефевр. Но она бросила его ради алюминиевого магната. Хорошо, что ты в некотором роде ее коллега. Потому что капитан, видимо, испытывает слабость к артисткам.

Элли немного покорила настырность тети Дженни. Несмотря на то, что пожилая дама сочувствовала Элли, от своих планов она не отступилась. Очень уж бабуле хотелось внести в историю с побегом романтическую нотку.

– Но есть один момент, – продолжила тетя Дженни озабоченно. – Капитан не любит артифисов и големов.

– Чем же мы ему насолили? – встрепелась Элли.

– Несколько лет назад компания хотела поставить на роль штурманов артифисов. Из последней партии, тех, которые были специально созданы и натренированы водить воздушные корабли и прочий транспорт. Это был эксперимент – ну, и стремление компании сэкономить на жалованье экипажа. Однако капитан Ларсен воспротивился. Он сказал: «На моем судне не будет ни одного артифиса». И компании пришлось пойти на попятный. Ларсена заставили взять несколько големов на роли трюмных матросов, но артифисов больше ему не навязывали. Ларсен считает, что им нельзя доверять. И ему не нравится, что они отбирают работу у обычных людей.

Элли выслушала эту историю с интересом. После того как старый мастер Фукс разорился и умер, его мастерские перешли новым владельцам, а Элли купил Лазарус, она не общалась с другими артифисами и смутно представляла, что происходит в мире ее братьев и сестер.

– Послушайте, тетя Дженни... теперь эта затея кажется еще более сомнительной. После предательства возлюбленной капитан разочарован в женщинах. Испытывает неприязнь к артифисам. Как я смогу его очаровать?

– Запросто. Ему не нужно знать, что ты – артифиса.

– А если он догадается? Вы же догадались.

– В тебе ничто не выдает артифису. Я догадалась, потому что я старая, наблюдательная и знала твою историю. Люди видят лишь то, что хотят видеть. В тебе Ларсен видит мою племянницу, светскую избалованную девушку.

– И такие особы не вызывают у него восторга.

– Вот и докажи ему, что он неправ! Капитану тоже не мешает встряхнуться. Бедный юноша с головой увяз в работе, ожесточился. У него на уме только служба, приказы, циркуляры и навигационные карты! Он практически женат на своем дирижабле. Ты окажешь капитану услугу, если заставишь вспомнить, что кроме «Горгоны» в мире существуют прекрасные девушки. Дорогая, это наилучший выход. Раз уж ты попала в поле его внимания, нужно правильно разыграть свою роль.

Элли хмыкнула. Вдруг ей овладели мелкое тщеславие и жажда мести. Капитан отнесся к ней с холодком, с толикой презрения. Видел в ней никчемное существо. Приятно будет заставить его изменить свое мнение! Вскружить ему голову, повергнуть к ногам... к ногам артифисы, между прочим!

Элли устыдилась своих мыслей. Пусть сердце у нее механическое, но оно не такое холодное, как у светских красоток, которые коллекционируют мужчин, как трофеи.

Капитан уже разочаровывался в женщинах. А если он влюбится в нее всерьез? И когда путешествие закончится, его ждет еще одно разочарование, когда она его бросит... она-то точно в него не влюбится. Для нее это будет игра.

Ничего, успокоила она себя. Если такое случится, я расстанусь с ним мягко, пообещаю ему все, что он захочет. Он улетит обратно, я останусь за океаном. А там расстояние и время сведут его чувства на нет. Он скоро забудет случайную пассажирку, в компании которой провел несколько приятных дней.

В конце концов, цель оправдывает средство. На кону ее свобода и жизнь.

– Ладно, – сказала она. – Я попробую.

– Молодец! – похвалила ее тетя Дженни. – Вот что значит боевой дух. И кто знает, что выйдет из нашей затеи? Вдруг капитан Эвклид Ларсен – тот, кто предназначен тебе судьбой?

Элли закатила глаза и фыркнула. Спасибо, не надо ей такой судьбы – столкнуться с ледяным айсбергом. Растопить его не хватит никакого огня.

Тетя Дженни по-доброму усмехнулась.

– На концерте для пассажиров ты должна блистать. Капитан увидит тебя в танце, и у него не будет ни единого шанса. Но и до концерта мы не будем терять времени. Постарайся чаще попадаться ему на глаза. Будь живой, ласковой, понимающей. Беседуй с ним, показывай свой интерес. Но не переиграй: вульгарных и навязчивых дамочек он не любит. Эх, было бы здорово устроить какое-то происшествие, несчастный случай!

Элли с ужасом уточнила:

– Дать капитану выпасть за борт? Да, тогда моя проблема будет решена, но это как-то чересчур.

– Нет-нет, что ты! Несчастный случай с тобой. Чтобы он тебя спас, показал себя героем. Нет лучше способа завоевать мужчину, как стать его дамой в беде. Хорошо бы на «Горгону» напали воздушные пираты Химераса, и капитан бы тебя защитил. Кхм, кажется, я перечитала любовных романов, – засмеялась тетя Дженни.

– Да, лучше обойтись без пиратов. Я справлюсь и так.

– Я верю в тебя, дорогая!

Элли понимала, что движет тетей Дженни. Она была старой, ей было скучно.

У мастера Фукса имелось немало приятельниц, чинных старушек, с которыми он по выходным играл в домино. Они заявлялись в гости, пили чай и бренди, щипали Элли за щеку, называли «милой деткой»,

расспрашивали, нет ли у нее возлюбленного. Вечно пытались свести ее с приказчиком Куртом из магазина напротив или с шофером Бобом. Старушки строили планы, плели интриги, развлекались как могли. Элли порой им подыгрывала, жалеючи.

Тем временем второй помощник провел группу мимо кают-компания офицеров к лестнице на нижние палубы. В этот момент дверь кают-компания открылась, и в коридор вышел капитан Ларсен в сопровождении синоптика.

В руках они держали сводки, карандаши, и продолжали спор на ходу.

– Вы уверены, что шторм пройдет на пятьдесят пятой широте? – отрывисто говорил капитан.

– Безусловно, – подтвердил синоптик и почесал карандашом лоб.
– Вам придется обогнуть его. Семь баллов – не шутки.

– Досадно. Потеряем время. Впрочем, можно пройти по краю. Попробуем. Жаль, компания сэкономила на метеомансере. Он бы сумел разогнать шторм.

– Такой – вряд ли, капитан. Даже Одаренные не всеильны.

– Все равно скупость компании может дорого нам стать. Потратить столько денег на оборудование салонов первого класса и не нанять метеомансера!

– Кхм-кхм! – выразительно покашлял представитель компании Блоб.

Капитан поднял глаза.

– Разве я говорю неправду, Блоб?

– Руководство решило, что в метеомансере нет нужды! Нам обещали прекрасную погоду. Кроме того, «Горгона» исключительно метеустойчива. Ей не страшна никакая буря.

– По окончании рейса я подам руководству компании рапорт со своими соображениями. Уж будьте уверены, выскажу в нем все.

Остальные экскурсанты ушли вперед и не слышали разговора. Взгляд капитана остановился на тете Джейн и Элли, которые замешкались и стали невольными свидетельницами перепалки. Капитан сердито хмыкнул.

– Прогуливаетесь по палубам? – спросил он со свирепой любезностью.

– Мы на экскурсии! – весело объяснила тетя Дженни, переложив вязание под другой локоть. – Пулкинс рассказывает очень интересно. Но порой путается в деталях. Жаль, что вы не захотели к нам присоединиться! Уж вы-то знаете «Горгону» как свои пять пальцев. Может, передумаете?

– Простите, нет. Мне нужно в командную гондолу.

– Попросим Пулкинса отвести нас туда! Ужасно хочется посмотреть, как устроена рубка. Там же всякие рычажки, штурвалы, кнопочки!

– Пассажирам строго запрещен вход в командную гондолу, – отрубил капитан ледяным голосом. – Вас сейчас проводят на технические палубы и в трюмные отсеки. Впрочем, там вряд ли найдется что-то интересное для дам. Советую вернуться в казино или бар. Там подают прекрасные коктейли.

Тетя Дженни незаметно подтолкнула Элли локтем: «Давай, скажи и ты что-нибудь!»

– Пулкинс покажет нам генераторы и помещения для баллонов с газом? – спросила она. – А посадочную площадку для аэропланов? Не каждый день выпадает возможность ближе познакомиться с чудесами современной техники!

Капитан так удивился, что чуть не выпустил метеокарту из рук. Он несколько секунд озадаченно смотрел на Элли, а потом вдруг заявил:

– Ладно. Пожалуй, отложу дела и пойду с вами. Пулкинс не очень хорошо разбирается в начинке дирижабля, это вне его компетенции. Постараюсь вас просветить, если вам действительно интересно узнать устройство «Горгоны», – в его последних словах прозвучало сомнение.

Капитан передал карты синоптику, поправил фуражку и зашагал за пассажирками.

* * *

Прочие экскурсанты обрадовались появлению капитана. Некоторые сразу пожелали завести с ним беседу, но капитан приложил палец к губам, указал глазами на второго помощника – «Слушайте гида!» – и сделал такое строгое лицо, что болтуны сразу отступились.

Тетя Джейн легко ущипнула ее за локоть.

– Давай, дорогая, действуй! – азартно прошептала она и устремилась вперед, к племяннику, чтобы дать Элли и Ларсену видимость уединения.

Но Элли понятия не имела, как нужно действовать. Когда в кабаре ей приходилось общаться с клиентами за столами и уговаривать их купить дорогой напиток в баре, она никогда не тушевалась. То была работа, игра со знакомыми правилами.

Клиенты кабаре были мужчинами без имени. Они все были на одно лицо – покрасневшее, отталкивающие, с мокрыми губами. Игра была простой. Давай надежду, обещай, но держи границу, отбивайся от похотливых мужских рук, успевай ускользнуть в последнюю минуту.

Теперь же правила игры были неизвестны. Противник был непредсказуем и вызывал страх. Элли внезапно заробела, но заставила себя собраться.

Для начала она расправила плечи и зашагала легкой, танцующей походкой. Но каждый шаг давался ей с трудом. Она остро чувствовала присутствие капитана за своей спиной. От него исходили ощутимые импульсы холодной, сдержанной силы. Шею легонько щекотало: значит, капитан рассматривает ее. Она нервно сглотнула.

Ну же, не дрейфь, Элли! Он всего лишь мужчина. Рано или поздно поведется на обычные приманки.

Элли подалась вперед, делая вид, что внимает Пулкинсу. Примерилась, точно рассчитала движение и как бы невзначай споткнулась о край ковра. Слабо вскрикнула, пошатнулась. Капитан тут же подхватил ее под локоть.

– Осторожнее, сударыня, – сказал он.

– Простите, я такая неловкая, – пролепетала она. Ей не нужно было разыгрывать смущение, потому что от прикосновения капитанских пальцев ее тряхнуло самым натуральным образом. Как будто по телу пробежал хороший разряд тока, и шестеренки в ее сердце пошли вразнобой. Элли даже на миг испугалась.

Ситуацию осложняло то, что капитан не сразу разжал пальцы. Он продолжал держать ее за обнаженный локоть, но вовсе не бережно, а крепко, не давая воли.

Он пристально смотрел на нее холодными голубыми глазами. Должно быть, так его предки, морские разбойники, изучали свою живую добычу перед тем, как перекинуть ее через плечо и утащить на ладью.

Нет, привычные правила игры тут не сработают. Хорошо знакомые приемы – оголить плечико, похлопать ресницами, надуть губки – будут потрачены впустую.

Как же быть?

Элли вдруг озарила дикая мысль.

Что, если попробовать быть собой? Той Элли, которую она три года усердно прятала под личиной кокетливой танцовщицы кабаре? Она почти забыла, какой была та Элли, но надеялась скоро обрести ее – когда у нее не будет хозяина, когда над ней не будет висеть вечный страх того, что терпение Борова Лазаруса лопнет, и он сотворит с ней что-нибудь ужасное!

Она прерывисто вздохнула.

– Осторожнее, – повторил капитан и отпустил ее. Элли торопливо шагнула в сторону, чувствуя себя идиоткой.

Тем временем Пулкинс подвел группу к лестнице.

– На открытую прогулочную площадку мы поднимемся завтра, когда будем проходить Небесную Ферму, – объявил он. – А сейчас спустимся на вторую, техническую палубу.

– А как же третья палуба? – спросил господин Шнаппс.

– Там ничего интересного, господа, каюты второго и третьего класса. Второклассные пассажиры размещаются по трое, у них нет личных санузлов, и лишь один салон для отдыха. В каютах третьего класса живут от четырех до шести пассажиров. Им недоступен тот уровень комфорта, которым наслаждаются пассажиры первого класса.

Начали спускаться по лестнице. Капитан, как подобает воспитанному человеку, шел перед Элли. Она обдумала возможность опять оступиться и пасть в его объятия.

Но тут же отказалась от этой мысли: не хватало, чтобы он считал ее неуклюжей коровой. И она еще не была морально готова к крепким капитанским объятьям. В том, что они будут крепкими, она не сомневалась.

Да, такой мужчина, если поймает девушку, будет держать ее надежно. То, что капитан считает своим, не отпустит просто так. Не

подведет, не предаст. Защитит. Так думала Элли, рассматривая могучие плечи под белым кителем с нашивками и загорелый затылок под фуражкой.

Впрочем, она могла заблуждаться в своих выводах. В конце концов, тетя Дженни права: мужчины, подобные капитану Ларсену, нечасто заглядывали в их кабаре. Откуда ей знать, каков он на самом деле? Может ли вспыхнуть в его холодных глазах обжигающий любовный огонь? Может ли он смеяться, шутить, быть искренним и порывистым? Да и бывают ли вообще такие мужчины?

* * *

Встревоженная собственными мыслями, Элли протиснулась в голову процессии, подальше от капитана, нашла тетю Дженни и Криса и больше уже от них не отставала.

– Мы на второй палубе, – объявил Пулкинс. – Здесь у нас расположены технические и служебные помещения. Давайте заглянем в кухню!

Сначала пришлось пройти по длинному коридору, отделанному куда скромнее, чем на верхней палубе. Дорожки тут были каучуковые, лампочки на стенах круглые, матовые. По потолку тянулись тонкие трубы и электрические шнуры.

Миновали кают-компанию экипажа, рабочие комнаты механиков. Здесь было довольно шумно. Гул моторов усилился, вдалеке разговаривали люди.

Пулкинс провел группу в следующий отсек, и тут коридор наполнил такой насыщенный запах жареного лука и тушеного мяса с базиликом, что недавно плотно отобедавшие пассажиры дружно потянули носами, а укротитель Буффорд закатил глаза и облизнулся.

– Наша святая святых – камбуз! То есть, кухонные помещения, – пояснил Пулкинс, хотя все и так уже догадались, что скрывается за широкой двойной дверью, из-за которой доносился гомон голосов.

Пулкинс открыл дверь. На пассажиров пахнуло жаром и влажным паром.

На кухне царил крошечный ад.

Повара и судомойки носились по длинному помещению туда-сюда. Гремели кастрюли, скворчало масло, стучали ножи, повара орали приказания помощникам. Без дела на камбузе никто не сидел.

Заправляла кухонным царством высокая дама в белоснежной куртке, широченных штанах и поварском колпаке с кокардой.

– Наш дорогой... то есть дорогая шеф-кок, госпожа Матильда Кремс! – торжественно представил ее Пулкинс.

– Поистине дорогая, – пробормотал Блоб. – Компания едва заманила ее на «Горгону», а ее жалованье почти равно капитанскому. Раньше она стряпала министру.

Госпожа Кремс отличалась богатырским телосложением и громовым голосом. Ее тугие щеки алели от жара, карие глаза метали молнии. На верхней губе у нее росли черные усики. Она размахивала поварешкой, как бравый гусар саблей, и управляла своим хозяйством железной рукой.

– Господин Ларсен! – загремела она, увидев за пассажирскими головами капитана. – За один день вы похудели вдвое! От вас тень осталась! Безобразие! Этот вылет отнял у вас все силы. Вы даже перекусить не успеваете! Сегодня за жарю на ужин специально для вас отбивные с косточкой. Чтобы все съели до последней крошки, капитан! Сама проверю!

Она погрозила поварешкой.

– Слушаюсь, госпожа Кремс. Постараюсь вас не разочаровать, – сказал капитан с едва заметной ухмылкой, которая очень понравилась Элли.

Капитан и раньше улыбался пассажирам – скупое, по уставу. Но эта улыбка была совсем другой. Она здорово меняла его лицо. Этой улыбкой хотелось любоваться.

Значит, капитана можно развеселить. У него есть чувство юмора. Полезное открытие.

Укротитель Буффорд неслышным шагом подошел к плите, на которой пытела начищенная кастрюля, открыл крышку и сунул внутрь свой длинный красный нос.

– Что вы там забыли, господин пассажир! – тут же накинулась на него хозяйка кухни. – Прочь, прочь! Вы нарушаете санитарные правила!

– А чем вы кормите моих подопечных? – поинтересовался Буффорд. – Я сопровождаю цирковых животных. Надеюсь, хищники получают вдоволь мяса?

– Вон ваше мясо, – повариха указала поварешкой на тазы в углу, где розовели сочные шматы.

– Не мое, для хищников, – поправил ее Буффорд. – А это фураж для големов?

Он кивнул на деревянные ящики, доверху наполненные коричневыми кубиками.

– Он самый, – подтвердила повариха. – Эти монстры тоже едят. Хоть и сложно назвать их живыми.

– Прессованный белковый концентрат, – со знающим видом пояснил Крис. – Мой папаша тоже им торгует. Вы покажете нам отсек, где перевозят механических големов, капитан?

– Они в грузовом отсеке. Сейчас мы идем туда, – объяснил Пулкинс, и пассажиры покинули царство котлет и соусов.

Глава 5

Группа спустилась на нижнюю палубу.

– Внимание, господа! – сказал Пулкинс. – Сейчас мы выйдем в осевой проход. Будьте внимательнее и смотрите, куда ставите ногу. От экскурсии не отставать. Замыкающим пойдет матрос, он проследит, чтобы вы не свалились ненароком, а также не заглядывали в опасные отсеки.

За дверью перед изумленными экскурсантами открылось чрево «Горгонь». Оно напоминало огромную пещеру.

Господа и дамы ступили на узкую каучуковую дорожку, настеленную на железо внутри треугольной балочной фермы. Во все стороны от прохода тянулись канаты-растяжки. Внизу открывалась бездна.

От балки отходили другие дорожки и лестницы. Они вели в смотровые тоннели и отсеки, отделенные переборками.

Пассажиры шагали робко и цеплялись руками за перила. Казалось, они пробираются внутри позвоночника монстра. Шпангоуты дирижабля выглядели как гигантская грудная клетка.

Гул от моторов здесь был очень громким. Дорожка слабо вибрировала. Лампочки в железных клетках светили тускло. На площадках и лестницах копошились бортмеханики и матросы.

– Обычно мы не проводим пассажиров в трюмы, – сказал капитан. – Но компания пожелала, чтобы вы могли осмотреть все.

– Так вы получите полное представление об устройстве судна и его возможностях, – подхватил Блоб. – Проникнитесь тем энтузиазмом, с которым мы создавали «Горгону». И мы надеемся, что кто-то из вас в дальнейшем захочет приобрести акции нашей компании, чтобы мы вместе с вами построили еще несколько таких дирижаблей.

Однако пока потенциальные акционеры не выказывали энтузиазма. Им было страшно шагать по ненадежной на вид узкой дорожке. Пассажиры бледнели, потели и часто дышали.

А вот Элли была в восторге. Чего тут бояться? Балка крепкая, и перила есть. Элли приходилось танцевать на канате над сценой безо

всякой страховки. И здесь ей нравилось куда больше, чем в прокуренном кабаре!

Она шагала легко, не касаясь перил. Тетя Дженни тоже управлялась ловко, куда лучше, чем ее племянник, который еле-еле переставлял ноги и судорожно цеплялся за канаты побелевшими пальцами.

– Держитесь за перила, госпожа Селеста, – остерег голос капитана за спиной, а его рука на миг коснулась ее талии, как бы желая подхватить.

– Не беспокойтесь за меня! – весело сказала Элли. – Здесь чудесно!

– Скоро мы войдем в грузовой отсек, он закрыт переборками, – подбодрил всех Пулкинс. – Вот, смотрите: этот проход ведет к генераторному отделению. Он снабжает электричеством все судно. А там баллоны с газом. Это новый газ, созданный в лабораториях компании. Над ним работали не только химики, но и Одаренные-репликаторы. Как вы знаете, эти люди могут силой своего сверхъестественного дара изменять химические и физические свойства веществ.

– Колдуны на службе государства, – ехидно заметил Шнаппс.

– Они не колдуны, – возмутилась госпожа Маргридж. – Они обычные люди с даром управлять эфирными полями и менять реальность. Какая косность считать их колдунами!

– Благодаря им мы совершили ряд научных прорывов, – подхватила Элли. – Одаренные-метеомансеры управляют погодой, террамансеры меняют земной ландшафт. Репликаторы сделали возможным создание артифисов и механических големов!

– Те еще адские творения эти ваши артифисы и големы, – пробурчал закоснелый Шнаппс.

– Какая вы образованная девушка, – негромко заметил капитан.

– Вы удивлены? – обернулась к нему Элли.

– Пожалуй. Насколько знаю, девушки вашего круга редко интересуются техникой и наукой.

– У вас тоже закоснелые представления, капитан, – дерзко сказала Элли.

Тот хмыкнул.

Пулкинс терпеливо продолжил.

– Химики назвали газ ферецием. Он обладает огромной подъемной силой и при этом негорюч. Для его получения используются редкие химические вещества, поэтому его производство дорого обходится.

– Но все затраты окупаются и приносят немалый доход, – встрял Блоб. – Не забывайте об этом, господа.

– На «Горгоне» сто тонн почты, груза и багажа. Кроме того, баки с топливом, балластной водой... – перечислял Пулкинс. – Вот мы и пришли. Сюда, господа. Тут мы везем груз. Вас интересуют механические големы? Скоро вы их увидите.

Переход закончился, пассажиры прошли сквозь дверь в переборке и оказались в крытом тоннеле.

– Это механические големы так воняют? – спросил Шнаппс, прикладывая к носу платок. – Запах как в свинарнике, ей-богу!

– Сами вы свинарник, господин хороший! – вознегодовал укротитель Буффорд. – Это запах диких зверей. Как можно спутать его с поросычьим навозом!

– Да, верно, – сказал Пулкинс. – Мы идем через отсек, где стоят клетки с цирковыми животными. Вот ваши подопечные, Буффорд.

В тускло освещенном коридоре послышался грозный рык.

– Пожалуйста, не подходите близко к клеткам, – нервно попросил Буффорд. – Раджа не любит путешествовать. У него портится характер. Он может вас обидеть.

Пассажиры боязливо сгрудились возле толстых железных прутьев и отпрянули в едином порыве, когда из темноты вынырнула мохнатая башка и уставилась на незваных гостей круглыми желтыми глазами.

Тигр открыл пасть, зевнул, зев перешел в утробный рык. С его клыков стекала слюна. Тигр наморщил нос, принюхиваясь, потом лизнул клетку.

– Крис, отойдем! – взмолилась тетя Дженни. – Я боюсь больших диких зверей.

Она вцепилась в племянника и увела его подальше от клетки, а потом тоже прижала к лицу платок.

Элли посмотрела на нее с недоумением. Такие милашки, как можно их бояться! И пахнут они замечательно. Она подошла ближе к клетке и тихо сказала:

– Привет, Раджа! Тяжко тебе в неволе?

– Прошу, отойдите! – повторил Буффорд. – Не нервнируйте его.

– Разве он нервничает? – удивилась Элли. – По-моему, он весьма дружелюбен и не прочь пообщаться.

– Боже, какой он страшный! У меня ноги подкашиваются! – курносая блондинка воспользовалась возможностью и повисла на руке капитана. Тот с обреченным выражением на лице поддержал дамочку, которая, видимо, открыла на него охоту и не скрывала своих намерений. Капитан наверняка предпочел бы компанию тигра.

– Господа, прошу, дайте пройти! Зверей пора кормить, – мрачно потребовал молоденький матрос в рабочем комбинезоне, протискиваясь к клетке с тазом в руках. В тазу он нес мясо из кухни.

Он поставил таз на пол, взял длинный железный штырь, стал насаживать куски и осторожно совать их в клетку. Матрос каждый раз вздрагивал, когда тигр с урчанием сбивал куски лапой и мигом проглатывал. Матрос даже взвизгнул как девчонка, когда Раджа схватил штырь пастью и потянул.

– Жрут как черти, – пробормотал устыдившийся матросик. – Скоро меня сожрут, дай им волю.

– Будьте с ними поласковее, – велел Буффорд.

– Это вы ихний хозяин, что ли? – спросил матрос. – Вот вы бы их и кормили.

– Цирк не для этого оплатил мне билет первого класса, – уклонился Буффорд и отошел подальше.

– Дайте я попробую, – попросила Элли. – Вы слишком стремительно подаете им еду. Кому понравится, когда в вас тычут вилкой!

Матрос безропотно передал ей штырь с насаженным куском мяса.

– Бери, дружок, – Элли медленно протянула тигру угощение. – Приятного аппетита!

Тигр деликатно стянул зубами мясо, но есть не стал. Он уронил кусок на пол и прижался лбом к прутьям. А потом издал тихое печальное урчание – как будто пожаловался.

– Ах ты бедняжка, – ласково сказала Элли и не удержалась: коснулась рукой шерстяного лба. Тигр довольно дернул ушами.

– Что вы делаете! – капитан стряхнул с локтя блондинку, схватил Элли за талию и одним движением переставил от клетки подальше,

себе за спину. У Элли даже голова закружилась. – Вы с ума сошли? – грозно спросил капитан. – Он может оттяпать вам руку!

– Я соблюдала осторожность!

– Черта с два вы соблюдали осторожность! Так и знал, что от вас всего можно ожидать. Предупреждаю: еще раз нарушите правила, приму к вам дисциплинарные меры.

– Под арест меня посадите?

– Запру в каюте до конца путешествия. Имею право.

Тетя Дженни подмигнула растерявшейся девушке и показала пальцами знак победы. Ей отчего-то понравился гнев капитана. Блондинка в розовом посмотрела на Элли с ненавистью – приревновала. Было бы чему!

– Ладно-ладно! – Элли подняла ладони. – Обещаю вас слушаться, капитан.

– Сидеть, Раджа! – неубедительно рявкнул укротитель на тигра. Тот посмотрел на него с презрением, зевнул и отошел вглубь клетки.

– Идемте дальше! – позвал Пулкинс. – Механических големов мы везем в следующем отсеке.

* * *

Пассажиры прошли по шаткой лесенке на уровень ниже.

– Механических големов в количестве десяти штук приобрел заокеанский Трест народного обслуживания, – рассказывал Пулкинс, заводя группу в отсек. – Они были выпущены в мастерских Фукса и использовались в качестве разнорабочих, грузчиков и прислуги.

– Так это не военные модели? – поинтересовался Крис.

– Согласно накладной, это универсальные модели. Если вложить им в голову нужную перфокарту, они будут выполнять любые обязанности. Точнее вам расскажет господин Буфффорд.

– Укротитель? – удивился Крис. – Он-то при чем?

– Он указан в накладной как сопровождающий груза.

– Так и есть! – угрюмо подтвердил Буфффорд. – Мало мне возни с тиграми, так еще големов навязали. Они использовались в нашем цирке, но директор их продал. Уже при погрузке выяснилось, что я записан как их сопровождающий и несу за них ответственность!

– Но что вы так переживаете?

– Это же механические големы! От них всего можно ожидать. Учудят что-нибудь, а мне отвечай.

– Что вы городите! Они послушные, и делают только то, что им прикажут. Вы же не ждете, что против вас взбунтуется ваш автомобиль или электробритва!

– Да, големы – надежные инструменты, – подтвердил Пулкинс. – Мы используем их и на борту «Горгоны». Компания предоставила нам пять големов. Мы включили их в экипаж, – он улыбнулся, показывая, что это шутка. Разве можно считать частью экипажа бездушные механизмы!

– Наши големы помогают передвигать грузы и выполнять тяжелые работы. На верхних палубах их нет, только в нижних отсеках и трюмах. Поэтому не опасайтесь встречи с ними.

– Еще не хватало, чтобы эти монстры шастали среди нас! Итого на «Горгоне» пятнадцать големов? – уточнил Шнаппс. – Пять в экипаже и десять голов груза?

– Да, так.

– Еще одна ценная приманка для воздушных пиратов. Големы ценятся среди генералов повстанческих армий банановых республик. Один голем может заменить роту солдат.

– Натуральные чудища! – выразительно прошептал один из пассажиров, когда группа встала у отсека, отделенного от коридора низкой перегородкой.

В тесном закутке неподвижно стояли квадратные фигуры ростом с высокого человека. У големов были круглые толстые руки и ноги с шаровыми сочленениями. На железной груди и животе тускло блестели клепки.

Мастера не старались делать големов похожими на людей. Лишь наметили на плоских лицах привычные черты: круглый выступ носа, прорезь рта, дырки ушей, выпуклые надбровные дуги. Глаза сидели в глубоких глазницах и неярко светились.

Ближайший к перегородке голем плавно повернул голову.

– Они не спят? – встревожился господин Шнаппс.

– Они никогда не спят, – ответил Буффорд. – Стоят как истуканы, пока не получают приказ. А когда работают, за ними нужно постоянно следить, чтобы не напортачили.

– Скорее всего, у вас были некачественные перфокарты, – заметил Крис. – Военные големы зарекомендовали себя как отличные боевые машины.

– Никогда не могла понять, в чем разница между автоматами, големами и артифисами, – подала голос блондинка. – Артифисы красивые, а големы нет, да?

– Не только, – негромко ответила Элли, изучая голема. – Автоматы – это механические куклы. Некоторые имеют сложный механизм, похожий на тот, что есть в часах или игрушках. Но автоматы и есть игрушки.

– Да, видела одного на ярмарке! Он тянул из ящика билетки с предсказаниями.

– Големы – более сложные творения. Если автоматы – игрушки, то големы — это умные инструменты. Их делают из железа и других материалов. Но у них есть подобие нервной системы, а в груди у них кристалл с фрагментом человеческой эфирной ауры. Однако у них нет своей воли. В специальное отделение в голове им вкладывают перфокарты. Они определяют модель их поведения, их роль. Големы могут быть солдатами или слугами. Они также различают простые звуковые команды.

– Известны случаи, когда големы сходили с ума и крушили все вокруг! – воскликнул Шнаппс.

– Вина в этом полностью лежит на человеке, который ошибся, делая проколы в перфокарте, или отдал нечеткий приказ, – отрезала Элли. – Некоторые считают, что у големов есть зачатки памяти или разума. Но по своей воле они не могут причинить вред людям.

– А артифисы? Бр-р-р... – вздрогнула блондинка. – Собраны из запчастей! Жуткая вещь.

– Артифисы – это люди! – воскликнула Элли. – Такие же как вы... или я. Просто у них есть свои особенности.

– Но некоторые из них весьма привлекательные, – хихикнул один из господ, тощий, с выпученными глазами и мокрыми усами. – Бывал я в одном заведении, где хозяйка держит девушек-артифис для увеселений. Те еще горячие штучки, скажу я вам!

– Господин Фиглер, прекратите, вы в приличном обществе! – возмутилась тетя Дженни.

– Все равно, никому из этих существ нельзя доверять. Ученым и инженерам только дай волю, такого натворят! Говорили, что артифисы станут совершенными слугами. Какое там! Они обманывают, воруют и пакостят точно так же, как и любые другие прохвосты. Капитан, помнится, вы тоже противник артифисов!

Капитан плотно сжал губы. По его щеке прокатился желвак.

– Господа, идемте дальше! – обеспокоился Пулкинс. – Давайте пройдемся во внешней открытой галерее. Сейчас тихо, ветра почти нет. Прогулка будет приятной и безопасной. Я покажу вам наши пушки.

Пассажиры ушли вперед, а Элли задержалась у перегородки.

Ей нравились големы. Она верила, что у големов есть душа, чувства и разум. Но они заключены в теле, которое подчиняется чужим приказам. Как в клетке, в вечной тюрьме, из которой не вырваться. Страшно даже представить такое. Никому нет дела до твоих желаний и твоих мыслей. Ты – лишь инструмент.

В клубе Лазаруса Борова тоже был голем. Он служил охранником и прекрасно исполнял свою функцию. Элли помогла Лазарусу составить команды. Лазарус дал ей список с приметами лиц, чье присутствие в клубе было нежелательно, а Элли, как смогла, втолковала их голему. Его, кстати, звали Миком – Элли сама дала ему это имя, и он откликнулся.

Мик неподвижно стоял у входа и следил за входящими тускло горящими глазами. Но когда у входа появлялись недруги Лазаруса или хмельные задиры, настроенные учинить драку, Мик мягко, но твердо удерживал их до прибытия охранника-человека.

Он не обращал внимания на брань. Ему не раз прилетало от посетителей кастетом по голове. Его железная кожа была сплошь во вмятинах. Имелись в его груди и две криво залатанных дырки от пуль.

Однажды после выступления Элли, не сняв сценический костюм, спустилась глотнуть свежего воздуха и застала голема за странным занятием.

Он стоял у стены, размалеванной изображениями веселых стрекоз и бабочек, и водил каучуковыми пальцами по ярким рисункам. Голову он склонил к плечу, как человек, который восхищается шедевром живописца. Когда Элли подошла, голем медленно повернулся к ней и коснулся пальцем шелковых крылышек за ее спиной.

«Да, Мик, я тоже стрекоза», сказала ему Элли. И голем кивнул!

С той поры она часто приходила навестить нового друга. Рассказывала ему о том, что случилось за день. О своих обидах, огорчениях и мечтах. И голем слушал, она готова была поклясться, что слушал! В каком-то смысле он был ее братом – его тоже изготовили в мастерских Фукса...

Голем в трюме был более массивный и неуклюжий. Он вполне мог использоваться как солдат. Неизвестно, кем он станет за океаном. Может, прислугой. А может, ему дадут винтовку, приварят броню, сменят перфокарту и отправят на поле боя.

– Тебя вдосталь кормят? – тихо спросила его Элли.

Голем тяжело переступил с ноги на ногу. Но не показал, что услышал и понял вопрос. Другие големы вдруг двинулись к ней из глубины загона – медленно, шаг за шагом.

– Привет, ребята... – пробормотала Элли. Големы замерли. Внутри у них тихо жужжали механизмы.

– Госпожа Селеста! – прогремел голос капитана. – Почему вы задержались? Что вы делаете? Со всем грузом решили побеседовать? Сначала с тиграми, теперь с големами? Мы еще везем за океан хлебоуборочный комбайн. Тоже хотите составить ему компанию?

– Да вы шутник, капитан Ларсен, – сказала Элли сердито, отходя от клетки.

Но лицо у капитана было вовсе не веселое. Он смотрел на нее угрюмо и настороженно. Элли напряглась, как струна. Сейчас капитан походил на хищника – быстрого, внимательного, безжалостного.

Нет, с ним шутки плохи. Он сам задает тон разговора и не даст обвести себя вокруг пальца.

– Вновь я поражен вашими познаниями в технике. Вы отлично знакомы с устройством големов и артифисов. Целую лекцию нам прочитали.

– У меня широкий кругозор.

Элли ужасно жалела, что не сдержалась и вздумала учить пассажиров.

Капитан заложил руки за спину и прищурился. Его холодный взгляд приморозил ее к месту, но Элли отказывалась подчиняться. Она молчала, гордо задрав голову. Но, наконец, не выдержала:

– Вы хотите еще что-то мне сказать?

– Лишь одно, госпожа Селеста: не отставайте от группы, пожалуйста, – проговорил он с тяжеловесной серьезностью. От его тона мурашки бежали по коже. – В трюмах «Горгоны» легко заблудиться. И без сопровождающего члена команды пассажирам здесь появляться нельзя.

– Ладно. Проводите меня на галерею, пожалуйста.

– Извольте, – капитан вежливо кивнул и жестом пригласил ее следовать за собой.

* * *

Нижняя галерея опоясывала брюхо «Горгоны».

– Она предназначена для экипажа и механиков, – объяснил Пулкинс. – Сегодня мы по ней прогуляемся, но в другое время выход для пассажиров сюда закрыт. К вашим услугам верхняя прогулочная площадка, однако подниматься на нее можно только в хорошую погоду.

Галерея была открытой – мостик да низкая металлическая решетка, ничего более. Над головой нависала громада дирижабля, закрывая небо. Крепкий ветер обдувал лица пассажиров и сорвал шарфик с шеи блондинки в розовом.

Экскурсанты застыли на месте. Когда находишься в каюте дирижабля, высота не пугает. Но сейчас между людьми и бескрайним пространством не было перегородок, не считая редкой невысокой решетки.

Под ногами переливался океан. На волнах прыгал золотой кружок солнца. Вокруг открывалось бездонное небо. От чувства полета в высоте захватывало дух, мелко колотилось сердце, потела спина, а мышцы непроизвольно сжимались.

Тем удивительнее было наблюдать за механиками и матросами, которые бесстрашно карабкались по лесенкам, выполняя рутинный осмотр дирижабля. Впрочем, они каждый раз пристегивались страховкой.

Когда первый страх отступил, слышались восторженные восклицания.

Пулкинс, довольно щурясь, провел пассажиров в небольшой площадке, на которой стояла пневматическая пушка.

Красавчик Крис приветствовал ее, как старую знакомую:

– О, трехдюймовая «Пчела» с атмосферным компрессором! Небольшая, но надежная. В прошлом году мой папаша увеличил их выпуск, они пользуются спросом.

– Да, у нас таких две, одна по левому, другая по правому борту, – подтвердил капитан. – И восьмидюймовая магнитная «Оса» на носу.

– Надеюсь, вам не придется их применить, капитан, – опасливо сказала тетя Дженни.

– Уверен, не придется. Но средство устрашения против воздушных хулиганов не помешает.

– Если на «Горгону» вздумает напасть пиратская флотилия Химераса, ей не устоять, – усомнился господин Шнаппс.

– Не стоит верить газетным выдумкам! – вскричал Блоб. – Нет никакого Химераса и никаких воздушных пиратов. Есть богатые молодые бездельники, которые купили аэростаты на денежки своих родителей и развлекаются тем, что пугают воздухоплателей. Пфф! Наш капитан знает, как с ними справиться.

– Осторожность никогда не помешает, – коротко ответил Ларсен. – Я просил команду усилить вооружение судна.

– Это было бы пустой тратой денег!

– Но судно такого размера – лакомый кусок, – задумчиво продолжал Шнаппс. – Будь я воздушным пиратом, я не стал бы брать «Горгону» нахрапом и подставлять себя под пушки. Я бы проник внутрь под видом пассажира. Подкупил бы кого-нибудь из команды, испортил навигационные инструменты или моторы. А когда «Горгона» зависла бы в воздухе, беспомощная и уязвимая, мои аэростаты взяли бы ее на abordаж.

– Как-то очень уж уверенно вы излагаете свой план, – заметил Буфффорд с подозрением. – Уж не сам ли вы Химерас под каучуковой личиной?

– Будь я Химерасом, стал бы я раскрывать карты? – возразил Шнаппс.

Элли не стала слушать их перепалку. Ее не интересовали городские легенды о выдуманном короле всех преступников Химерасе. В кабаре она достаточно насмотрелась на преступников реальных – сутенеров, наркоторговцев и гангстеров всех пошибов. Она была сыта ими по горло.

Она отошла подальше от экскурсантов, облокотилась о перила и стала любоваться океаном и тенью дирижабля, которая бежала по волнам. Но вскоре ее внимание переключилось.

Капитан Ларсен тоже отошел от группы. Он стоял поодаль и придирчиво осматривал крепления стальных тросов. Время от времени доставал блокнот и делал короткие записи – видимо, помечал замеченные огрехи, которые затем предстояло исправить механикам.

Элли невольно залюбовалась Ларсеном. Капитан выглядел в своей стихии, настоящий повелитель неба, ветров и механизмов. Солнце лежало на его загорелом лице, а начищенные пуговицы на кителе сверкали как пламя. Он двигался уверенно, словно шел не по узкой дорожке над бездной, а по столичному проспекту.

Но вдруг он нахмурился, спрятал блокнот в карман и всмотрелся в даль. Прищурился, а потом быстро прошел к площадке, где была установлена трубка связи, снял ее с креплений и отдал короткий приказ. Через минуту появился запыхавшийся матрос и протянул капитану бинокль. Капитан приложил его к глазам и беззвучно выругался.

И тут же из группы пассажиров раздался удивленный возглас:
– Что это такое?!

Капитан убрал ненужный более бинокль. Теперь все могли разглядеть небольшой черный аэростат, который стремительно приближался к «Горгоне».

Аэростат был вытянутый, как сигара, с острым хищным носом. Гондола была спрятана внутрь его корпуса, шесть винтов беззвучно рассекали воздух. Он двигался с головокружительной скоростью. Опознавательных знаков на нем не было. И невозможно разглядеть пилота за затемненными стеклами кабины.

Аэростат развернулся, снизил скорость и продолжил полет параллельно дирижаблю. Он как будто изучал «Горгону», примериваясь и прицеливаясь.

– Пулкинс, уведите пассажиров, – приказал капитан.

– Что это? Что происходит? – загомонили экскурсанты. – Это пираты? Аэростат Химераса!

– Нет, это «Летучая пиявка», аэростат-призрак!

– Вы накликали на нас беду, Шнаппс! – вскричала перепугавшаяся блондинка. – Болтали, что попало, и вот вам – пираты!

– Нет причин для беспокойства, – попыталась утихомирить ее тетя Дженни. – Это просто прогулочный аэростат.

И она помахала ему рукой.

Аэростат в ответ легко качнулся.

– Видите, какой вежливый! – обрадовалась тетя Дженни.

– Капитан, он не отвечает на радиозапрос, – негромко сообщил капитану спустившийся по лесенке штурман. – Каков будет приказ?

– Повторить запрос. Прибавить ходу. Артиллеристам приготовиться, – сказал капитан, отвернувшись от пассажиров, которых в это время вели к люку.

Услышала его только Элли. Она задержалась, чтобы увидеть, что будет дальше. Но капитан заметил ее.

– Госпожа Селеста! Немедленно внутрь! – приказал он и грозно вытянул руку в направлении люка. Элли послушалась, но успела увидеть, как место у пушки занял сосредоточенный матрос в кожаном шлеме. На галерее поднялась суета. Матросы и механики торопливо спускались и ныряли в люки. Моторы гондол взревели, дирижабль стал набирать ход.

В этот момент черный аэростат плавно развернулся, его винты яростно закрутились, и он помчался ввысь и прочь. Через несколько секунд можно было различить лишь черную точку.

– Ложная тревога, – облегчением сказал штурман. – Просто еще один любопытный.

– Возможно, – ответил капитан задумчиво. – Усилить наблюдение. Повысьте скорость на два узла. Подъем на тысячу футов. Уйдем выше. Не нравятся мне эти случайные встречи и вежливые неопознанные наблюдатели.

Глава 6

Бесконечными лесенками и переходами второй помощник провел пассажиров на верхнюю палубу, в салон.

Там он объявил, что поводов для беспокойства нет, и на пути «Горгона» будет не раз встречать частные аэростаты. Некоторые аэронавты из озорства могут попытаться подлететь поближе, это обычное дело, это бывает. Сами знаете, сейчас любой идиот с денежками может отправиться в небо, чтобы покуролесить!

Однако все были взволнованы, и долго еще в разных уголках салона слышались разговоры о воздушных пиратах и хулиганах.

Вспоминали и легенды верхнего моря. Говорили о голубых огнях святого Эразма, о зловещей «Летучей пиявке», черной радуге, бутылках со странными посланиями, привязанных к воздушным шарам. И о призраках доисторических летающих монстров, которые в полночь поднимаются из глубин океана и парят в черном небе, чтобы пробить клювом стекло кабины и ухватить зубастой пастью зазевавшегося аэронавта.

Элли не знала, чем себя занять. Тетя Дженни, устав после экскурсии, задремала в кресле подле кактуса, опустив на колени вязание. Красавчик Крис и укротитель Буффорд уселись играть в карты.

Крису было запрещено играть на деньги, у Буффорда их вовсе не было, поэтому проигравшему шлепали колодой по носу. Скоро у Криса нос стал красным как свекла, глаза блестели от слез, а Буффорд довольно ухмылялся.

Элли решила уйти в библиотеку и скоротать время до ужина за книгой. В библиотеке было по-прежнему пусто, лишь в дальнем ее углу сидел некто в черном костюме, уткнувшись носом в журнал.

– У вас есть книги по устройству и психологии механических големов? – спросила Элли у седого библиотекаря.

– Такого не держим, извините, – изумился библиотекарь. – Могу предложить последние выпуски «Сплетника», «Столичного вестника»...

– Подшивку «Вестника», пожалуйста. С номерами, где писали о Химерасе.

Элли раньше не интересовалась желтой прессой и городскими легендами. Конечно, в кабаре болтали о разном. Но будет интересно почитать, что пишут о короле преступников журналисты. Как показал случай с черным аэростатом, многие господа и дамы верят в существование преступника со ста лицами.

– Вот, пожалуйста, – библиотекарь протянул ей стопку журналов. – О Химерасе много пишут в «Вестнике оккультизма». Журналист Эрми Блаватски сделал Химераса темой своих репортажей. Тут он рассказывает о таинственном происшествии в балагане маэстро Морвилля на ярмарке, а вот тут, в прошлогоднем журнале, о деле разбойничьего особняка близ Крипвуда. Весьма занимательные истории!

– Спасибо.

Элли взяла стопку и села в кресло под уютным светильником. Но приступить к чтению не успела.

Черная фигура в дальнем углу пошевелилась, отложила журнал, встала и направилась к Элли.

Доктор Гризвольд! Кажется, он собирается завести с ней беседу. Вот досада!

Гризвольд подошел к Элли.

– Позвольте составить вам компанию? – спросил он вежливо и, не дожидаясь ответа, занял кресло напротив. А затем уставился на Элли совиными глазами.

– Слышал, вы интересуетесь психологией големов? – спросил он. – Станный интерес.

Его взгляд нервировал. Как и сам доктор Гризвольд. От него сильно пахло йодом. Кроме того, Элли обнаружила, что у доктора во рту стоит искусственная челюсть, и он неприятно ей пощелкивает и издаёт чмокающий звук после каждого предложения.

– Ничего странного. Големы в трюме произвели на меня впечатление, вот я решила узнать о них побольше. И про Химераса заодно почитать, раз уж про него так много болтали, – Элли открыла журнал и показательно уткнулась в страницу.

– Вы и так много знаете о големах. И об артифисах, – не отставал доктор. – Я внимательно слушал ваши объяснения. Вы из тех, кто

защищает их права?

– У моей тети Дженни артифис-камердинер. Отличный малый, – ответила Элли неприязненно.

– Из какой он партии? Из последней, самых совершенных артифисов?

– Нет, из первой.

– Любопытно, – заметил доктор. – Почти все артифисы из первой партии были солдатами. О камердинерах не слышал.

Да что ему надо, этому Гризвольду! Вот трубка клистирная! Пристал как банный лист.

– Где вы получили образование, госпожа Селеста? В каком пансионе?

Элли лихорадочно шевелила мозгами.

– Святой Урсулы, – сказала она, вспомнив рекламу в столичной газете.

– Одно время я пользовал воспитанниц этого пансиона. Вас среди них не видел.

– У меня отменное здоровье, – нашлась Элли. – Я ни разу не прибегала к услугам врача. И пробыла там недолго. Моя семья решила дать мне домашнее воспитание.

– Понятно.

Доктор достал пенсне, протер стекла несвежим платком и водрузил на нос. А после принялся изучать Элли столь бесцеремонно, что та не выдержала.

– Простите, мне надо в каюту.

Захватив журналы, она сбежала.

* * *

Ужин прошел тихо. Капитана за столом не было, и Элли поняла, что ей не хватает его присутствия.

Ей было любопытно изучать этот интересный человеческий экземпляр. Наблюдать за его бесстрастным лицом и представлять его смеющимся, растерянным, обиженным и разгневанным. Пока он показывал не больше эмоций, чем голем. И в голове у него, должно быть, тоже все устроено на манер механизма для чтения перфокарт.

Тут ноль, там единица. Да – Нет. Инструкции – хорошо. Отклонение от инструкций – плохо.

После ужина вялые и уставшие пассажиры разбрелись по каютам. Элли тоже решила отправиться на боковую.

Но лечь спать так рано ей было непривычно. В полночь в кабаре веселье только начиналось, а для Элли наступало время тяжелой, но восхитительной работы на сцене.

Она ворочалась на узкой койке, потом зажгла ночник и читала журналы. За окном плыла желтая луна. Мерно рокотали винты, но если прислушаться, можно было различить шепот океана.

Часы показали два, но сна не было ни в одном глазу. Элли закрыла журнал и стала размышлять.

Как устроится ее жизнь за океаном? Она получит паспорт, новое место работы. Будет преподавать танцы в школе, и никто не поморщится в ее сторону брезгливо, узнав, что она была создана в механических мастерских.

У нее будут друзья, ученики. И, как знать – вдруг в один прекрасный день она встретит хорошего мужчину, человека или артифиса, захочет связать с ним судьбу и у нее будет настоящая семья!

Элли вздохнула. Вряд ли все сложится настолько радужно. Узколобых и тупоумных полно везде – и по эту сторону океана, и по ту.

Но ничего! Она справится. Главное, получить свободу. Получить ключ, который даст ей независимость от хозяина, даст ее сердцу биться без страха зависеть от чужой прихоти.

Элли приложила руку к груди. Пока все хорошо. Завода хватит еще на пару недель. Она успеет добраться до заокеанского мастера, который изготовит дубликат ключа.

Иногда Лазарус, желая ее наказать, тянул, не заводил механизм вовремя. И тогда Элли чувствовала, как замедляется ход ее шестеренок, как алхимические жидкости в ее теле текут все ленивее. И вместе с этим исчезало все, что составляло смысл ее жизни.

Уходила радость. Уходило любопытство и умение видеть прекрасное. Ее охватывало тупое равнодушие. Она чувствовала себя гаснущей свечой, увядающим цветком, стрекозой, которой оборвали крылья и оставили замерзать на осеннем ветру. Немели руки и ноги, холодела кожа. Все вокруг становилось серым и тусклым. Она теряла связь с миром, превращалась в ничто.

Лазарус тянул до последнего, а потом доставал тонкий ключ на цепочке и вставлял его в крошечное отверстие между ее лопаток, делал несколько поворотов и Элли оживала. Но страх угасания долго не отступал: еще долго после наказания она ходила вялой и подавленной, словно очнувшейся от страшного сна.

И сейчас при воспоминаниях о тягостных часах Элли подскочила в кровати. Ей хотелось движения, общения. Хотелось почувствовать себя живой. Стены каюты вдруг стали давить на нее, а воздух оказался спертым и душным.

Элли не любила замкнутых пространств и не привыкла к одиночеству. Последние три года она всегда была в толпе, среди людей. Весело было после представлений болтать с другими танцовщицами и официантками, делиться с ними сплетнями, шутить, высмеивать пьяных клиентов!

Теперь, в тишине каюты, ей стало ужасно одиноко и страшно.

Элли оделась и отправилась в салон.

Но в салоне было пусто, огни не горели. Элли отодвинула раму окна и долго стояла, наблюдая за голубоватой лунной дорожкой на волнах далеко внизу. В салон ворвался холодный ветер, но Элли радовалась ему. Он крепко пах солью и водорослями, и нес аромат свободы и далекого, еще неизведанного счастья.

Элли очень хотелось поговорить с кем-нибудь. Но не станешь же делиться своими сомнениями и восторгами с зевающим матросом, который встретился ей в коридоре, отправляясь на ночную вахту!

Матрос поинтересовался у нее, все ли в порядке, а когда Элли объяснила, что вышла прогуляться, равнодушно кивнул и ушел по своим делам.

Тетя Дженни спит и видит десятый сон. К Крису в каюту тоже не отправишься – известно, как он истолкует ее ночной визит.

Спит ли сейчас капитан Ларсен? Или он несет вахту? Стоит в командной гондоле, смотрит на темный океан, и тоже мечтает?

* * *

Элли вышла в коридор и побрела без цели.

Спустилась на техническую палубу. Где-то далеко хохотали и разговаривали дежурные механики, негромко бормотало радио.

Лампы были притушены, поэтому коридоры казались бесконечными. Кое-где в глубине открытых отсеков вспыхивали красным и зеленым огоньки машин, тихо гудели провода, и внутренности «Горгоны» казались фантастическим, таинственным царством.

Элли дошла до двери в трюмы. Хорошо бы спустится туда и побродить в темноте! Можно добраться до отсека, где везут големов, и поговорить с ними. Отвечать они, конечно, не станут, но выслушают внимательно. Какое-никакое общество!

Но пассажирам вход в трюмы без сопровождения был заказан.

Вздыхнув, Элли собралась идти обратно.

Однако в этот миг дверь беззвучно отворилась и оттуда вышла странная фигура. Инстинктивно Элли отступила в тень за высокий ящик, утыканный лампочками.

Человек был одет в длинный прорезиненый плащ с капюшоном, какие носят матросы в непогоду. Капюшон был опущен, скрывая лицо.

Человек повел себя странно. Он встал, огляделся, прислушался. А потом пригнулся и нырнул за второй технический шкаф – спрятался.

Через несколько секунд послышались шаги. В отсек вошли два матроса и подошли к двери в трюм.

Первый достал ключ, ткнул в скважину и выругался.

– Дверь не заперта! Луц, раззява! Кэп если узнает, голову тебе снимет и отправит гальюны чистить!

– Я все запер! – возразил Луц. – Сам ты олух, дырявая башка.

– Да пошел ты!

Матросы спустились в трюм.

Фигура в плаще выбралась из укрытия и двинулась прочь. Помедлив, Элли отправилась следом. Она умела ходить совершенно бесшумно.

Этот человек явно не имел права спускаться в трюмы. Он не был матросом или механиком? Кто он? Что он хотел?

Человек быстро шел по незнакомым переходам. Элли не отставала.

Вот он поднялся по стальной лесенке, открыл еще одну дверь и скрылся за ней. Элли осторожно отворила ее, высунула голову и тихо

ахнула.

Злой ветер ударил ей в лицо. Она попала на внешнюю галерею, где Пулкинс днем проводил экскурсию.

Вышла и огляделась. Кругом необъятная чернота, лишь поблескивают красным маячки на моторных гондолах. Внизу качается и шумит глухая тьма.

Человека в плаще нигде не было видно.

Элли подошла к перилам. Они были усыпаны холодными каплями. Она облокотилась и посмотрела вниз. Темная бездна под ногами завораживала. Бескрайние воды тускло поблескивали, над ними клубился белесый туман, и слабо светилась полоска горизонта.

От красоты ночного океана замирало сердце. Вдалеке, торжественно и печально, пробасил гудок парохода.

Но тут произошло нечто странное.

В беспокойных темных водах на расстоянии в четверть лиги от дирижабля появилось пятно. Оно становилось все отчетливее, воды забурлили и заволновались, и на поверхности показался длинный темный силуэт, подсвеченный по краям голубоватым сиянием.

Элли затаила дыхание. Что это такое? Ожившая легенда? Призрак доисторического монстра, который является полночным странникам? Это о нем говорили сегодня в салоне...

Тем временем силуэт оторвался от воды. Элли услышала далекий плеск стекающих струй. Почти бесшумно силуэт пошел вверх, плавно и неукротимо. От него валил пар. Через минуту он оказался в воздухе вровень с «Горгоной».

Элли отпрянула от перил. И увидела, как на другом крае террасе «Горгоны», почти у ее носа, четыре раза через равные промежутки мигнул красный огонек.

Неведомое морское – или воздушное? – чудовище издало едва слышный протяжный стон, а потом с невероятной скоростью помчалось прочь, в темноту, и растворилось в ней.

Элли ошарашенно вглядывалась в ночное небо, пытаясь понять, что она только что увидела.

Налетел новый порыв ветра, разметал волосы и ожег лицо холодом. Через дальний люк на галерею вышли механики с фонарями в руках и начали дежурный обход. Ночной полет «Горгоны» продолжался спокойно.

Элли заметили и окликнули.

– Госпожа, вам лучше вернуться к себе, – строго сказал пожилой механик, подойдя к ней. – Пассажирам запрещено здесь находиться. И опасно. Вы могли выпасть за борт.

– Вы ничего сейчас не видели? Только что из океана вынырнуло... не знаю что. Какой-то темный силуэт. Я думала, это подводная лодка, но она потом взлетела.

Механики переглянулись.

– Лодка вынырнула из воды и улетела? – недоверчиво уточнил тот, что помоложе.

– Я не знаю, что это было. Наверное, надо доложить капитану.

– «Летучая Пиявка», – тихо пробормотал старый механик. – Или Скилла, морское чудовище. Она встает в полночь из пучин и взмывает в воздух. Рулевой на «Порфирионе» рассказывал, что видел ее однажды. Чуть не обделался от страха.

– С пьяных глаз ему привиделось. Хорош чепуху нести, Бумброк, барышню пугать! Вот что, сударыня, вам и правда померещилось. Если бы штурман заметил лодку или аэростат, уж он бы поднял тревогу. Ничего, однако, не было. Ночью в океане да в воздухе чего только не покажется! Туманы, свечение вод. Это и не чертовщина вовсе, а так, природные эти... как их... феномены, вот. Но вы капитану расскажите завтра, на всякий случай. Или не рассказывайте. Ларсен вас по головке не погладит за то, что вы сюда ночью выбрались. А сейчас идите к себе. А то простудитесь.

– Но я еще видела какого-то человека в черном плаще. Он вышел из трюма и потом прятался.

Механик тяжело вздохнул.

– Это наверняка Зиг, трюмный матрос. Он вечно мерзнет и напяливает на себя всю одежду какая есть. У него зазноба на камбузе, судомойка. Вот он к ней и шастает по ночам. А у зазнобы муж тут же, на «Горгоне», служит младшим бортмехаником... у него как раз вахта сейчас. Короче, лучше бы вам забыть, что вы его видели. А то быть драчке, а кэп посадит обоих – и муженька, и нашего ходока – под арест. Вот что, давайте-ка я вас провожу. Обещаю, не расскажу кэпу про вашу вылазку.

Глава 7

– Сегодня нас ожидает великолепное зрелище, – объявил второй помощник за завтраком. – «Горгона» спустится, чтобы вы могли полюбоваться Небесной Фермой. А потом опять пойдем высоким курсом.

Элли едва слушала его. Она обдумывала события прошлой ночи.

Как лучше рассказать об увиденном ночном призраке капитану, чтобы он не принял ее за фантазерку?

Ларсена за столом не было – вероятно, он нес вахту. Как с ним встретится? Попросить Пулкинса проводить ее в командную гондолу? Написать записку?

Или лучше ничего ему не рассказывать? А то и правда осерчает и запрет ее в каюте до конца полета, как грозился. Она там умрет от скуки и одиночества.

– Итак, кто желает подняться на площадку и увидеть воздушные оранжереи, «солнечных жнецов» и «Бублик»? – спросил Пулкинс. – Но предупреждаю, мы пока на высоте, снаружи холодно, вам придется надеть специальные костюмы.

Названия обещанных чудес звучали соблазнительно. Человек сорок пассажиров решили выйти на верхнюю площадку. Остальные предпочли любоваться чудесами через окна салона.

Пулкинс провел группу в носовой отсек и пригласил в каптерку.

Там пассажирам выдали прорезиненные плащи на меховой подкладке, унты и перчатки.

Увидев неказистые наряды, часть господ и дам передумала и отправилась назад, в салон. Группа уменьшилась вдвое.

Остался Красавчик Крис, настырный господин Шнаппс, Блоб, укротитель Буфффорд и доктор Гризвольд. Тетя Дженни тоже не пошла на попятный и первой потребовала теплую одежду.

Элли утонула в тяжелом плаще, однако он оказался удобным. Внутри было уютно, как в гнездышке.

Когда путешественники переоделись и стали похожи на покорителей Северного полюса, Пулкинс повел их по узкой лесенке вверх.

Он открыл люк, лица пассажиров ожег холодный воздух. Но солнце сияло ярко, а небо над головой было таким синим, что не верилось, что в природе существуют настолько чистые цвета.

Открытая площадка на «спине» дирижабля была длинной, просторной, окруженной высокими перилами. В дальней ее части виднелись лебедки и прочие устройства для посадки и отправления моторных аэростатов и аэропланов.

А в той части, что предназначалась для прогулок пассажиров, кружком стояли шезлонги.

– Ну и холодрыга! Бр-р-р! – передернул плечами Шнаппс. – Тут не разгуляешься, мигом подхватишь простуду!

– Здесь тепло, когда «Горгона» идет низко. Даже загорать можно, – успокоил его Пулкинс. – Скоро вы убедитесь в этом сами, когда мы начнем спуск к Небесной Ферме. Она покажется минут через десять.

Элли подошла к перилам, глянула вниз и увидела бескрайнее белое поле облаков. Они перетекали, создавая холмы и впадины. Во впадинах лежали голубые тени, а прозрачные вершины розовели в лучах солнца.

Элли приложила ладони к щекам и рассмеялась. Только ради этого зрелища стоило пробраться зайцем на борт «Горгоны», рискуя жизнью!

Она услышала знакомый голос и повернулась. Сердце тревожно и радостно подпрыгнуло: на площадку вышел капитан Ларсен.

Отчего при его появлении ее щеки покраснелись, а в груди появилось воодушевление? Совершенно непонятно. Может, от ожидания неминуемой стычки? От осознания того, что, разговаривая с капитаном, она ходит по тонкому канату, и от этого острее чувствует полноту жизни?

...Или от того, что капитан Ларсен в тяжелом плаще и фуражке на голове выглядел очень внушительно?

«Повелитель “Горгоны”. Властелин неба, ветров и облаков», подумала Элли с невольным трепетом.

Капитан стоял возле перил, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Его плащ был распахнут – холод был ему нипочем.

Солнце освещало его загорелое лицо, которое обычно выглядело суровым и отчужденным. Но сейчас его глаза были мечтательно прикрыты, на губах появилось подобие улыбки. Однако его крупный с

легкой горбинкой нос и жесткие складки возле рта все равно придавали ему оттенок надменности и неукротимой решительности.

Элли как будто впервые увидела Эвклида Ларсена и оценила тот поток энергии и силы, который исходил от фигуры капитана. Ей хотелось подойти к нему и заговорить, но она не решалась.

Капитан отошел от перил к стойке с инструментами, снял переговорную трубку, отдал в нее пару приказов, повернулся и увидел Элли. Он вежливо кивнул, постоял секунду, словно в задумчивости, а затем направился к ней.

– Капитан собирался управлять проходом «Горгоны» через Небесную Ферму из командной гондолы, – негромко сказала за спиной Элли тетя Дженни. – Утром я встретила его в коридоре, и он поинтересовался, пойду ли я на верхнюю площадку. Когда я сказала, что и ты будешь меня сопровождать, он вдруг передумал и тоже решил подняться. Мне кажется, я знаю, что повлияло на его решение. Вряд ли его заманила перспектива беседы со старой перечницей.

Она тихо засмеялась.

– Давай, девочка, поговори с ним. Не теряйся. Не разочаровывай нашего отважного капитана, который ради тебя оставил пост в рубке.

С этими словами тетя Дженни отошла от Элли и громко позвала второго помощника:

– Господин Пулкинс, нельзя ли попросить стюарда подать горячего грога? Мои старые кости стучат от холода!

– Будет сделано, – весело ответил Пулкинс. Продолжения их разговора Элли не слышала, потому что к ней подошел капитан, и все остальное вокруг словно перестало существовать.

– Доброе утро, госпожа Селеста, – поздоровался капитан и придирчиво осмотрел ее с ног до головы. – Вам лучше завязать шнурки на плаще у горла. На этой высоте холодно, всего двенадцать градусов. Перчатки тоже наденьте.

Элли смутилась и принялась торопливо выполнять указания капитана.

От растерянности она сначала натянула толстые перчатки, а потом попыталась завязать неуклюжими пальцами шнурки у горла.

У нее ничего не получалось, и тогда капитан решительно взял дело в свои руки. Он сильно дернул за шнурки, стянув капюшон вокруг ее лица, и ловко завязал узел.

Его пальцы на миг коснулись ее подбородка, и Элли поразились их теплу.

– Теперь порядок, – сухо сказал капитан и поправил капюшон на ее голове.

– А вам не холодно? – Элли кивнула на его распахнутый плащ.

– Нет.

Элли не знала, что еще сказать, поэтому облокотилась на перила и посмотрела вдаль.

Капитан не ушел: он встал рядом и устремил задумчивый взгляд на облака.

Элли покосилась на его четкий профиль.

– Изумительная красота, – сказала она тихо. – Столько пространства, столько свободы. Никогда не видела ничего подобного. До этого моя жизнь в основном проходила в четырех стенах. Я ненавижу тесные помещения! – добавила она пылко и сжала кулаки.

– Это ваше первое путешествие на дирижабле? – осведомился капитан.

– Да! Это вообще мое первое путешествие. Я никогда не покидала Сен-Лютерну.

Ларсен повернулся и посмотрел на нее внимательно.

– Вы, наверное, привыкли к этим чудесным видам, – сказала Элли немного нервозно.

– К ним невозможно привыкнуть. Я совершаю до сорока рейсов в год, и каждый раз с нетерпением жду, когда смогу оторваться от земли.

– У вас есть семья? – вырвалось у Элли. Она тут же прикусила язык, но капитан, казалось, не удивился ее вопросу.

– Нет, – коротко ответил он. Но она все же пояснила:

– Я спросила потому, что подумала, что вашей семье нелегко расставаться с вами. Вы большую часть времени проводите в воздухе.

– На земле меня никто не ждет. Мои родители давно умерли.

Разговор опять затих. Капитан вдруг спросил:

– Что вы собираетесь делать за океаном, госпожа Селеста? Вы летите туда, чтобы посмотреть мир?

– Я хочу остаться в Федеративных Землях. Буду работать учительницей танцев.

Элли не понимала, почему говорит капитану Ларсену правду, но чувствовала: иначе с ним нельзя разговаривать. Ларсен ценит в людях

открытость и искренность. Элли угнетала необходимость врать ему в остальном.

– Работать? – удивился капитан. – Я думал, вы из богатой семьи. Разве у вас есть необходимость зарабатывать себе на хлеб?

– А вы поднимаетесь в облака и водите дирижабли, только чтобы зарабатывать на хлеб, капитан Ларсен?

– Нет, не только.

Он улыбнулся.

Может, дело было в солнце, что заливало его загорелое лицо. Может, дело было в пьянящем заоблачном ветре и чувстве полета. Какой бы ни была причина, его улыбка показалась ей чувственной. В животе у Элли разлилось тепло, а сердце застучало, как когда она выполняла особо сложный трюк на канате.

Капитан смотрел на нее сверху вниз, опершись рукой о перила. Потом он вытащил из кармана перчатки, похлопал ими о ладонь, как будто в замешательстве, и надел их.

– Я стал бы летать, даже если бы мне за это не платили.

– Ну вот, вы не можете не летать, а я не могу не танцевать. И при этом хочу не просто развлекать, а приносить людям пользу. Полет дает вам чувство свободы, не так ли? Я тоже мечтаю о свободе. Поверьте, у такой девушки, как я, свободы не больше, чем у какой-нибудь... рабыни.

– Никогда об этом не думал. Мне казалось, вы наслаждаетесь жизнью и своими привилегиями.

– Это не так, – коротко ответила Элли.

– Все же вы замерзли, госпожа Селеста. У вас кончик носа покраснел.

И капитан вдруг протянул руку и дотронулся рукой в перчатке до ее носа, а потом и до щеки. Грубый материал царапнул кожу, а у Элли перехватило дыхание.

– Мы пока идем высоко, в холодных слоях. Но скоро спустимся к оранжевым и «солнечным жнецам». Там гораздо теплее, можно будет снять плащ. У меня с собой есть термическая фляга с кофе. Хотите глотнуть и согреться? Или позвать стюарда, чтобы принес грога?

Капитан вытащил из внутреннего кармана плоскую флягу, отвинтил крышку и предложил Элли.

– Спасибо. Кофе не помешает.

Элли неловко взяла флягу и сделала глоток. Приятное тепло потекло по горлу.

Капитан забрал у нее флягу и сам приложился к ней – он пил из горлышка, как и Элли. «Наши губы как будто соприкоснулись», вдруг подумала она.

Ларсен сделал еще глоток, и Элли старалась не смотреть, как двигаются мышцы на его крепкой шее за воротом толстого свитера. Она опустила глаза. Его плащ распахнулся, и Элли увидела, как натягивается ткань на его широкой груди.

И Элли вдруг представилось, как приятно было бы прижаться к этой груди, и услышать биение его сердца капитана, и близко ощутить исходящую от него будоражащую энергию.

Она забралась бы под его плащ, и капитан бы запахнул полы и обнял ее, защищая от мира и всех его невзгод...

Элли тряхнула головой, отгоняя наваждение. Что за мысли! Это все разреженная атмосфера виновата, не иначе!

– Послушайте, капитан, – заговорила она быстро, не давая себе времени передумать. – Я должна вам кое-что рассказать. Вчера ночью мне не спалось...

И она быстро поведала о поднявшемся из океана призраке, что увидела прошлой ночью с галереи.

* * *

Пока она говорила, капитан слушал бесстрастно, а его глаза сделались ледяными и буравили лицо Элли. У нее даже щеки покалывало, и вовсе не от холодного воздуха.

Но Ларсен ни разу не перебил ее, а когда она закончила, задал несколько четких вопросов: в какой час ночи она вышла на террасу? На каком расстоянии от «Горгоны» вынырнул странный объект? Какого он был размера? В какую сторону ушел?

– Благодарю за информацию, – сказал капитан, когда она закончила. – Вы очень наблюдательны.

Он нахмурился, его крупные руки крепко сжали перила.

– Что я видела, капитан? Природный феномен? Или это мне приснилось?

– Может, и природный феномен. Свечение воды в этих широтах бывает редко, но случается. Если теплое течение принесет фитопланктон. А поднявшийся из воды силуэт... вполне возможно, это был клочок тумана. Остальное дорисовало ваше воображение.

– Либо вернулся дневной наблюдатель. Черный аэростат. Но тот объект имел другие очертания и размеры.

– Не исключено, что мимо прошел аппарат-амфибия. Велю штурманам быть внимательнее. Усилю ночную вахту. Обходы будут чаще. А также запрещаю пассажирам выходить за пределы отведенной им части палубы. Элли... госпожа Селеста, прошу, больше не нарушайте приказа. Никаких ночных вылазок и прогулок по судну.

– Но я как раз хотела попросить вас разрешить мне спускаться в трюм. К тиграм и големам. Мне нравятся големы.

– Нет. Я понимаю, вам скучно в полете, но найдите себе другое развлечение.

Элли раздосадовано щелкнула языком, но спорить не стала. Капитан не отругал ее, даже поблагодарил. И то хорошо.

– Простите, мне нужно скорректировать курс. Начинаем спускаться.

Капитан отошел к переговорной будке, снял трубку и сказал:

– Нос вниз на десять градусов. Сбросить скорость на пять узлов.

«Горгона» заскользила вниз. Облака поредели, истончились, а вскоре и вовсе пропали. Океан плавно колыхался, солнечные зайчики прыгали по изумрудным волнам. А сверху простиралось необъятное, безмолвное пространство.

Стало теплее, Элли развязала шнурки и скинула капюшон.

– На Небесной Ферме постоянно присутствуют метеомансеры. Они разгоняют облака и обеспечивают хороший ветер. Здесь нужна солнечная погода, – объяснил капитан, вернувшись к ней.

Небесное пространство впереди не было пустым. В нем было весьма оживленно.

Совсем близко, весело жужжа моторами, промчался красный аэроплан. Элли даже различила в кабине лицо пилота, закрытое круглыми очками.

Аэроплан качнул крыльями, капитан поднял руку, отвечая на приветствие.

– Вот летающие оранжереи. Здесь выращивают редкие высокогорные сорта цветов. Их поставляют в лучшие цветочные салоны столицы, и каждый букет продают почти на вес золота. Но они пользуются спросом.

«Горгона» медленно прошла над дирижаблем необычного вида. Он был длинный и плоский, как плот. На его поверхности блестели стекла теплиц и тянулись клумбы – целые поля пронзительно-ярких цветов! Красные, синие, желтые головки мягко колыхались на слабом ветру.

Элли даже показалось, что она различает сладкий аромат, который принес на «Горгону» теплый бриз.

– Изумительно! Вот бы прогуляться среди этих садов!

– Это возможно, если вы станете пациентом вон той небесной больницы, – капитан указал на другой дирижабль, неподвижно висящий на некотором расстоянии от летающей оранжереи. Верхушка корпуса дирижабля была затянута прозрачной пленкой, внутри Элли различила отсеки и койки.

– Клиника для богачей, страдающих нервным расстройством и болезнями легких. Внутри все устроено по высшему классу. Доктора установили, что высокогорный воздух и солнце отлично справляются с этими недугами. Но теперь пациентам не обязательно ехать на горный курорт. К их услугам небесная клиника, и иногда их возят гулять в летающие оранжереи.

– Небесная клиника тоже принадлежит нашей компании, – с удовольствием пояснил приблизившийся Блоб. – Но чтобы попасть в нее, нужно иметь не только проблемы со здоровьем, но и круглый счет в банке. Нервное расстройство – болезнь не для бедняков. Тем приходится довольствоваться недугами попроще.

«Горгона» спустилась еще ниже. Цветочные поля проплывали прямо под ногами. Казалось – протяни руку, и можно сорвать цветок.

– Наша компания также имеет крупную долю акций предприятия, владеющего оранжереями, – продолжал хвастаться Блоб. – И мы распорядились, чтобы на «Горгону» специально для салона первого класса из оранжереи доставили авиеткой два ящика лучших редких орхидей. Скоро авиетка сядет прямо сюда, на верхнюю палубу «Горгоны».

– «Солнечные жнецы», – показал капитан.

«Горгона» миновала цепочку длинных и круглых, как сигары, дирижаблей. Верхняя часть каждого дирижабля была словно срезана гигантским ножом.

– Видите черные панели на палубе? Это фотоэлементы. Они преобразуют солнечную энергию в электрическую. Поэтому эти дирижабли называли «солнечными жнецами».

Капитан рассказывал увлеченно, и его лицо светилось, как у мальчишки, который показывает нравящейся ему девочке свои мальчишеские богатства: мячики, удочки и цветные камешки.

Но его игрушки были другими: мощные механизмы, моторы и небесные ветра.

Элли залюбовалась им. Его восторг передался и ей. А может, наоборот: капитан видел, с каким интересом она его слушает, и это его вдохновляло.

Вокруг них собралось уже немало пассажиров, но Элли чувствовала, что он никого не замечает и говорит для нее одной.

Капитан Эвклид Ларсен определенно видел в ней не только назойливую пассажирку.

* * *

– Небесный Бублик! – раздался голос наблюдателя.

Пассажиры дружно ахнули, а потом разом заговорили, делясь впечатлениями.

Впереди показался аэростат удивительной формы, похожий на «чертово колесо» чудовищных размеров.

Внутри внешнего надутого обода был установлен второй, подвижный, с длинными лопастями. Внутренний обод медленно крутился, отблески солнца прыгали с одной лопасти на другую.

Верхушка колеса уходила необычайно высоко и, казалось, упиралась в самую небесную твердь.

– Это не бублик! Это как ветряная мельница наоборот, с крыльями не снаружи, а внутри! – восхитилась Элли.

– Именно так, – подтвердил капитан. – Это ветряк. Ветер приводит лопасти в движение, они вырабатывают энергию. Потом она идет по проводам на судно. Видите?

Аэростат оказался на привязи: толстые кабели соединяли его с длинным судном, которое величественно покачивалось внизу.

– Еще один способ получать электричество наряду с «солнечными жнецами». Все эти аппараты создали лучшие инженеры королевства. Им помогают Одаренные. Метеомансеры и аэромансеры обеспечивают на этом участке неба хорошую погоду и изобилие солнца.

– Наука и магия работают плечо к плечу, – иронически заметил Шнаппс.

– Наука, только наука, – ответил капитан. – Управление эфирными полями земли не имеет ничего общего со сверхъестественным. Люди покоряют природу разными способами.

Воздух наполнился жужжанием и металлическим пением. Над головами пассажиров промчался легкий аэроплан, подняв небольшой ветер.

– Прибыл цветочный груз из дирижабля-оранжереи! – радостно объявил Блоб. – Подарок от компании. Все лучшее для наших пассажиров!

Аэроплан сделал круг на «Горгоной», а потом помчался прямо на нее.

– Как он сядет? – удивилась Элли.

– Сюда, на верхнюю палубу. Тут есть посадочная полоса с тросом, на который мы ловим аэропланы, как рыбу на крючок.

Капитан показал на дорожку вдоль площадки. Поперек дорожки был натянут толстый трос, прикрепленный к двум барабанам. У барабанов сустились матросы и механики.

– Самолет зацепится за трос тормозным гаком – крюком на фюзеляже. Это новая разработка инженеров. Такой трюк требует немало мастерства авиатора. Но у нас еще есть сеть для улавливания. Видите? Вон она натянута, в конце дорожки.

– Как рыбалка! – засмеялась Элли. – Или как ловля бабочки сачком.

– Именно так, – улыбнулся в ответ капитан. – А взлет аэропланов осуществляется с помощью паровой катапульты. Внутри ее ходит поршень... – капитан вдруг смутился и глянул на Элли. – Простите, я увлекся. Вам, наверное, это неинтересно.

– Еще как интересно! – с энтузиазмом воскликнула Элли. – Я поняла: аэропланом выстреливают, как из пушки. У нас в кабаре... в

одном столичном кабаре, – поправилась она, – показывают похожий цирковой номер. Это так здорово! «Человек-ядро», знаете? Роль ядра в «Электрической стрекозе» исполняет девушка... ее помещают в особую катапульту, а потом производят выстрел. И я... она летит, делает переворот в воздухе и приземляется на сетку!

Элли даже зажмурилась, вспоминая.

Сначала, когда Боров Лазарус решил показать этот трюк на сцене кабаре, она отчаянно боялась. Но цирковой механик, которого пригласили установить оборудование, объяснил, что опасности нет, если все правильно рассчитать. И после первого же выстрела и полета над сценой Элли полюбила этот номер всей душой. Она безбоязненно забиралась в катапульту и ловко приземлялась в сетку. Публика с ума сходила от восторга.

Однако она почти проговорилась! Заметил ли Ларсен? Кажется, нет.

– Я тоже хотела бы так летать, – торопливо сказала на всякий случай, чтобы объяснить свои оговорки. – Я часто представляю себя на месте артистки.

Тем временем пение моторов стало громче, авиетка стремительно приблизилась, коснулась колесами каучуковой дорожки, быстро покатилась, но скоро зацепилась за канат и встала.

Колпак кабины откинулся, на площадку выбрался авиатор.

К нему поспешили матросы, и среди них вышагивала высокая массивная фигура. Солнце блестело на ее клепках и сочленениях.

– Да это же голем! – возмущенно заметил Шнаппс. – Вы сказали, им запрещен выход на палубы!

– Это наш трюмный матрос, – спокойно объяснил капитан. – Его привели, чтобы он помог загнать аэроплан на катапульту для старта.

Из аэроплана выгрузили два ящика, наполненные фиолетовыми цветами. Голем, шагая грузно и пружинисто, ухватил крыло аэроплана руками, толкнул, и легко повел тяжелую машину по дорожке.

– Однако какая силища! Что будет, если он решит применить ее против людей?

– Такого не произойдет, – торопливо сказал Блоб. – Зато один голем может заменить десять рабочих. И платить ему не надо, а расходы на содержание минимальны!

Аэроплан загрузили на катапульту и приготовили механизм для старта. Пилот тем временем принял из рук стюарда кружку с дымящимся грогом и с удовольствием угощался.

Капитан Ларсен вдруг крепко потер затылок, сбив фуражку на лоб, поправил ее, насупился, как будто в раздумьях, и вдруг решился.

Он повернулся к Элли, посмотрел на нее в упор и спросил:

– Госпожа Селеста, хотите прогуляться среди облаков? Пролететь сквозь Небесный Бублик?

– Что вы имеете в виду? – удивилась Элли. – Мы и так летим среди облаков.

– Вы мечтали узнать восторг быстрого полета, и вы его узнаете. Попрошу пилота одолжить нам авиетку на пятнадцать минут. Я и сам не прочь сесть за штурвал, немного размяться.

– Вы хотите прокатиться на аэроплане? И зовете меня с собой?

У Элли замерло дыхание.

– Да, именно так.

– Но как это возможно? Вы ведь капитан! Вам разрешено покидать свой пост на «Горгоне»?

– Почему нет? – пожал тот плечами. – Это не запрещено инструкцией. Бывает, я покидаю судно ненадолго, когда мы останавливаемся на дозаправку. У нас есть моторный аэростат для таких вылазок. Сейчас мы совершим короткую прогулку, ничего более. Авиетка принадлежит компании, я улажу вопрос с Блобом.

– Да, да, я согласна! – Элли прижала руки к груди, не в силах справиться с восторгом.

– Отлично, – кивнул капитан и позвал матроса:

– Луц! Принесите госпоже Селесте и мне куртки, шлемы и очки.

Глава 8

Капитан отошел сделать последние приготовления. Матрос забрал у Элли плащ и вручил ей кожаную куртку, плотный шлем и очки-консервы. Элли знала, как с ними управляться – похожие были частью ее сценического костюма.

Она переоделась, и ее руки дрожали от волнения.

– Ты летишь на прогулку с капитаном? – удивился подошедший Крис. – Быстро ты его прибрала к рукам.

– Ничего подобного, – возмутилась Элли, затягивая ремни шлема под подбородком. – Ларсен просто оказывает мне любезность.

– Однако ты смелая девчонка, – Крис окинул ее уважительным взглядом. – Я бы побоялся лезть в эту этажерку с крыльями.

Тетя Дженни показала Элли издалека большой палец.

Явился капитан Ларсен. Он тоже сменил плащ на кожаную куртку и надел шлем, и в этом наряде выглядел еще более мужественно.

– Готовы, госпожа Селеста? Не передумали?

– Нет!

– В момент старта будет небольшая перегрузка. Выдержите?

– Безусловно!

– Тогда вперед!

Ларсен помог Элли забраться в кабину самолета, и сам занял место за штурвалом.

Кабина была одноместной, для Элли разложили откидное кресло рядом, но она сидела вплотную к пилоту.

– Я вам не помешаю? Тут тесно.

– Нет, – капитан мельком глянул на нее. – Можете вытянуть ноги, если вам удобнее.

Элли послушалась, и ее бедро коснулось твердого как камень, бедра капитана. По телу пробежали мурашки.

– Давайте застегнем ваш ремень, – сказал Ларсен спокойно.

Он перетянул ее ремнем и когда застегивал замок, его дыхание обожгло ее лицо.

Колпак закрылся, отрезая Элли от мира. Она облизала пересохшие губы.

Ларсен со знанием дела проверил приборы, положил руки на штурвал, примеряясь. Элли смотрела на его сильные, крепкие пальцы.

– Люблю водить небольшие аэропланы, – сказал он. – Давно не имел этого удовольствия. Полет на дирижабле – это другое. Там нет скорости. На дирижабле ты лучше чувствуешь течения ветров и глубину неба. А в кабине аэроплана ты становишься частью неба. Сейчас вы это поймете.

Ларсен повернул ключ зажигания.

Заурчал мотор, пропеллер начал вращаться, его лопасти мелькали в размытом круге, словно тени.

– Готовьтесь! Взлетаем.

Матрос на палубе махнул флажком и отбежал.

Шум мотора усилился, корпус аэроплана дрогнул, и вместе с ним дрогнуло сердце Элли. Она крепко вцепилась руками в сиденье.

Щелкнул замок катапульты, аэроплан рванул вперед, а Элли вдавило в кресло. Она на миг закрыла глаза, а когда открыла, они уже летели.

Ее охватили пьянящее торжество и головокружительную радость.

– Все в порядке? – громко спросил Ларсен, вытягивая рычаг на себя.

– Да! – голос Элли дрожал от страха и восторга.

Сначала казалось, что аэроплан висит в воздухе неподвижно, но потом он накренился, опрокинулся, и справа внизу открылось пространство океана.

Они облетели «Горгону» по кругу. Темная туша дирижабля величественно проплыла внизу, на открытой палубе суетились крошечные фигурки.

Аэроплан лег на крыло, сделал поворот и круто взял вверх.

Элли открылось незабываемое зрелище.

Сверху синела чаша неба, внизу – изумрудная чаша океана. Подсвеченные солнцем облака на горизонте походили на пылающие скалы.

Впереди висела цепочка дирижаблей – «солнечных жнецов», соединенных толстыми канатами. Похожие на громадных рыб корпуса, раскинув «плавники», скользили над океаном. Еще одно чудовище, оторвавшись от стаи, медленно поднималось к небу. По волнам бежала его тень.

Элли не выдержала и рассмеялась от переполнявших ее чувств.

– Нравится? – спросил Ларсен.

– Еще как!

Капитан коротко улыбнулся. Он сосредоточенно смотрел на горизонт.

– Это прекраснее, чем я представляла! – Элли продолжала делиться восторгом. – Жаль, мы не можем летать сами по себе, на собственных крыльях! Мне бы хотелось видеть небо прямо под ногами. Смотрите, капитан – думаю, я смогла бы пройти по тому тросу!

Она показала на канат, соединяющий два дирижабля.

– Когда я... посещала балетную школу, училась ходить на канате. У меня это получается не хуже, чем у циркачки! Представьте, какой был бы номер! Танец над морской бездной!

Капитан покачал головой.

– Вы все больше меня изумляете, Элли. Да, это был бы красивый трюк. Но опасный. Впрочем, я понимаю ваше желание.

– О, я бы справилась! Куда мы сейчас летим?

– Давайте пройдем сквозь «Небесный бублик».

Пролет сквозь «Бублик» занял лишь мгновение, но поразил Элли до глубины души.

Солнце на миг скрылось в его тени, все вокруг потемнело, справа показались огромные, ползущие вниз лопасти, неумолимо перемалывающие воздух.

Размеры гигантской воздушной мельницы заставили Элли почувствовать себя крошечной, но очень смелой и быстрой букашкой – стрекозой, которая не боится подлететь к чудовищу, готовая ускользнуть от его зубов в любой момент. Да, пролет сквозь ветряк походил на танец между гигантскими челюстями!

Аэроплан развернулся.

– Теперь домой, – сказал капитан.

«Горгона» начала расти в размерах. Стрекоза готовилась приземлиться на ее спину.

Скоро посадочная дорожка стремительно понеслась навстречу. Толчок, аэроплан подпрыгнул, прокатился недалеко, дернулся, чуточку подался назад под натяжением троса и остановился.

Элли часто дышала.

Ларсен откинул колпак, легко выскочил на палубу и помог выбраться Элли. Он взял ее за талию и ссадил на землю.

Она положила руки на его плечи, ощутив твердость его мышц.

– Спасибо, спасибо вам, капитан Ларсен!

Она все еще была пьяной после стремительного полета. И поэтому совершила поступок, которого сама не ожидала: она обхватила капитана за шею, приподнялась на цыпочках и звонко поцеловала его в холодную твердую щеку.

И тут же отпрянула, ужаснувшись содеянному. Капитан смотрел на нее изумленно, и, как показалось Элли, с неудовольствием.

– Простите! – улыбнулась она. – Не удержалась. Я вам очень благодарна за этот подарок. Я никогда его не забуду!

– Ничего, я вас понимаю, – сказал Ларсен. – Когда я совершил свой первый полет на аэроплане мальчишкой семнадцати лет, мне тоже после посадки хотелось расцеловать своего инструктора. Что ж, спасибо и вам, госпожа Селеста. Мне было приятно летать в вашей компании. Идите же, вам пора внутрь. Луц заберет одежду и проводит вас.

* * *

Пока Элли шла в свою каюту, она не видела ничего вокруг. У нее подрагивали ноги, сердце часто и взволнованно билось: то ли при воспоминании о полете над океаном, то ли от осознания того, что она прыгнула на шею капитану Ларсену и поцеловала его.

Конечно, поцелуй был дружеский, невинный – пустяк! Капитан принял его стоически. Айсберг не растаял, хоть и весьма удивился.

Но Элли не могла отмахнуться от чувств, которые она испытала, когда прижалась к твердой груди капитана.

Она раз за разом мысленно переживала это мгновение. Раз за разом ее сердце вздрагивало, как в момент, когда она взлетала над сценой и на миг зависала в воздухе, перед тем, как сделать сальто и нырнуть вниз.

Эвклид Ларсен отличался от всех ее знакомых мужчин. Он вторгся в ее мир и в ее мысли. Это ее тревожило. Рядом с ним Элли то

терялась, то приходила в восторг, не могла оставаться собранной и хладнокровной. Так и ошибку допустить недолго.

Но как же хочется хоть раз в жизни не думать о том, какие последствия будут иметь твои поступки!

Элли переделалась к обеду и вышла в коридор. За дверью каюты тети Дженни послышался шорох – пожилая дама была у себя. Элли решила заглянуть к ней, чтобы рассказать о полете. Горячие эмоции все еще жгли ее.

Она деликатно стукнула в дверь костяшками, но ответа не получила. Неожиданно из каюты раздался странный звук – не то писк, не то всхлип.

Позабыв о манерах, Элли скорее дернула дверь.

С дамой возраста тети Дженни всякое может случиться! Накануне она носилась по трюмам «Горгоны» как угорелая, а сегодня от души угощалась горячим грогом на верхней палубе.

Вдруг у нее теперь от нагрузок и излишеств сделался сердечный приступ?

– Госпожа Майер! Тетя Дженни! Вы в порядке? – она ворвалась в каюту как вихрь и охнула.

И правда, дело плохо! Тетя Дженни стояла на четвереньках, с головой под койкой, явив свету плоский старушечий зад, обтянутый синим шелком.

Элли обхватила ее за талию и начала поднимать. Тетя Дженни оказалась отнюдь не воздушной старушкой. Весу в этом божьем одуванчике было немало, а тело у нее было крепкое и костлявое. Элли покачнулась и чуть не стукнула свою благодетельницу головой о койку.

– Душечка, полегче! – бодро запротестовала тетя Дженни. – Я в порядке!

– Простите, – смутилась Элли, отпустила пожилую даму и отошла на шаг. Та оперлась рукой о койку и встала.

– Вы что-то обронили?

– М-м-м... нет, – тетя Дженни хитро улыбнулась и потупила глаза.

Под кроватью лязгнуло, а потом опять послышался странный звук. Определенно плач, и как будто потягивание!

А затем из-под койки на миг показался черный влажный нос, мохнатые ушки и рыжие плутовские глаза.

– Что это? Кто это?!

– Ну вот, теперь ты знаешь нашу с Пулкинсом тайну, – вздохнула тетя Дженни. – Прошу, никому не рассказывай. Это Фанни, питомец второго помощника.

– Ну да, я помню, как вы его... уговорили! Но почему Фанни у вас?

– Я предложила Пулкинсу держать ее в моей каюте. Сюда не заходят горничные, я убираюсь у себя сама. Меньше шансов, что ее заметят и доложат капитану. Теперь буду запираю дверь, чтобы ее не увидели посторонние глаза.

– Но... это же не щенок?!

– Разве? – удивилась тетя Дженни. – Да нет, самый настоящий щенок. Правда, не собачий, а лисий. Ручного лисенка подарила Пулкинсу его невеста, дочь директора зоопарка.

Элли опустилась на колени и протянула руку, чтобы погладить зверюшку. Фанни смотрела на нее настороженно. Лисичка была какой-то сонной и обиженной. Неудивительно: ее шею охватывал кожаный ошейник, от него тянулась цепочка, прикрепленная к пружине койки.

Когда Элли коснулась ее между ушек, лисичка тонко заскулила – пожаловалась. А потом свернулась клубком, давая понять, что не хочет идти на контакт.

Еще одна безбилетница на борту «Горгоны». Капитана водят за нос все кому не лень. Его второй помощник, Элли, тетя Дженни...

– Мне кажется, Пулкинсу стоит рассказать капитану о своем питомце, – нерешительно предложила Элли. – Капитан не будет сильно сердиться.

– О, вижу, ты уже изменила свое мнение о Ларсене! – воскликнула тетя Дженни с горячим любопытством. – Как прошла ваша воздушная прогулка? Вы поцеловались в кабине аэроплана?

– Нет, что вы! – запротестовала Элли, вспыхнув. – Мы разговаривали. Не думаю, что ему хочется целоваться со мной.

– А тебе с ним?

Элли не ответила, лишь помотала головой.

– Идем обедать, – улыбнулась тетя Дженни. – Надеюсь, за обедом произойдет еще что-нибудь интересное. Почему бы тебе не пригласить капитана на вечернюю прогулку по галерее? А то он опять запрется в командном отсеке, как сыч.

Когда Элли вошла в салон, на нее устремились любопытные взгляды. Пассажиры уже проведали, что капитан Ларсен взял ее в полет на аэроплане. И наверняка строили догадки о характере их отношений.

Долгое путешествие – скучное дело. Сплетни могут немало его разнообразить. Лишь бы пассажиры не пошли в своих догадках слишком далеко и не решили докопаться до подноготной их яркой спутницы. Пожалуй, нужно быть осторожнее, меньше высовываться и не привлекать к себе внимания, сделала мысленную пометку Элли. А впрочем, пусть обсуждают то, что видят. Ведь никто не видит правды!

Когда Ларсен появился в салоне, щеки Элли вспыхнули, и она невольно вздрогнула.

Как всегда, капитан заполнил салон своим присутствием. Роскошь обстановки померкла перед великолепием его белого кителя с блестящими пуговицами. Напыщенные дельцы и богачи показались пустышками и померкли в потоке исходящей от него энергии и решительности.

Но капитан не подошел к Элли. Даже взглядом ее не удостоил. Он был собранным и отчужденным, как всегда. Наверное, утренний восторг полета и случайный поцелуй взбалмошной пассажирки уже выветрились из его памяти под потоком рутинной судовой работы.

К капитану подошла курносая блондинка в розовом. Элли уже знала, что ее зовут Эмилия Блуменгартен, она наследница богатого промышленника и завидная невеста.

– Капитан, говорят, сегодня утром вы поднимались в небо на аэроплане и катали пассажиров, – протянула она капризным голоском и коснулась локтя собеседника. – А меня покатаете? Прошу, капитан! Мне хочется насладиться красотами неба в вашей компании!

– Возможно, позже, когда мы будем стоять над Сен-Бернадет, – вежливо ответил капитан и предложил блондинке руку, чтобы сопроводить в столовую. – Тогда у меня будет время разогреть моторы нашего прогулочного аэростата.

Элли внезапно обиделась.

Ну вот, а она решила, что капитан как-то выделил ее из остальных пассажиров! Ничего подобного. Он обычный мужчина. Всегда готов

угодить дамочке с хорошенькой мордашкой и недолго противится, когда его атакует такая особа.

Ну и пожалуйста, ну и ладно!

Они прошли в столовую и заняли свои места.

Элли угрюмо смотрела в тарелку.

На столах среди приборов теперь стояли вазочки с роскошными орхидеями, которые доставила авиетка с небесных оранжерей.

Усатый Шнаппс вынул орхидею, брезгливо понюхал, вернул цветок в вазу и начал разглагольствовать. Он бурно выражал свое недовольство тем, что на «Горгоне» есть големы. Шнаппс был из тех людей, кто охотно пользуются благами цивилизации, но при этом называют себя защитниками традиций и противятся всему новому.

– Все же я считаю, что держать на борту этих чудовищ опасно, – говорил он, сердито тыкая вилкой в запеченную треску. – Капитан, как вы согласились взять их?

– Это было распоряжение компании. Если бы решение зависело от меня, я бы не стал их брать.

Элли сердито глянула на капитана. Он что, на стороне Шнаппса?

– Послушайте, нет никакой опасности! – взмолился Блоб. – Компания взвесила все «за» и «против». И если акционеры решат убрать их, мы, безусловно, согласимся!

– Да, лучше бы вам согласиться, – ворчливо сказал Шнаппс. – А то я дважды подумаю, прежде чем приобретать акции вашей компании.

– Почему вы считаете, что големы представляют опасность? – негромко спросила Элли. Она подняла глаза и на миг встретилась взглядом с капитаном.

– Опасность есть всегда, когда речь идет о механизмах, обладающих разрушительным потенциалом. Но мной движут иные соображения. Взяв пять големов в команду, я был вынужден уволить пять матросов. Хороших матросов, между прочим. Я предпочитаю иметь дело с людьми.

– Люди создали големов, чтобы облегчить труд людей.

– Верно. Наука движет прогресс. Но не всегда в ту сторону, в которую нужно.

– Люди несут ответственность за то, что создали. Особенно если их творения могут чувствовать, как люди.

– Големы чувствовать? – поразился Шнаппс. – Полно, сударыня! Они инструменты. Механизмы! У них в головах перфокарты вместо мозгов.

– В них также есть искра человеческой жизни – часть эфирной ауры. Если некое существо не может смеяться, говорить и беспрекословно подчиняется вашим приказам, это не значит, что оно не может чувствовать и думать. И даже любить!

Тетя Дженни следила за их спором, как зритель за теннисным матчем. Ее голова поворачивалась то влево, то вправо, а глаза горели яростным любопытством.

– Соглашусь с вами, – вдруг ворчливо сказал укротитель Буффорд. – Големы могут чувствовать. Но это-то и страшно. Големы работали в нашем цирке разнорабочими. Иногда мы выводили их на сцену, как часть номера. И знаете, что я заметил? Они живо интересуются животными. Если оставить голема без присмотра, он подойдет к клетке и будет стоять возле нее часами. Они охотно выводят тигров на сцену и загоняют их обратно, убирают слоновий навоз и кормят собачек. И знаете, животные их слушаются. Даже лучше, чем людей. Наблюдать это жутко. Как будто они общаются на телепатическом уровне.

Буффорда передернуло.

– Вы тоже не любите големов? – догадалась Элли.

– Терпеть их не могу, – ответил Буффорд брюзгливо. – Ходячие консервные банки. Кто знает, какие мысли булькают в их железных головах?

– Но вы имели с ними дело. Если наш груз или механические матросы вдруг взбунтуются, вы сможете их укротить, верно? – ехидно спросил Шнаппс.

Буффорд смутился.

– Надеюсь, мне не придется этого делать. Хотя у меня в каюте хранятся чистые перфокарты. Их надо передать покупателю за океаном. Но машинки для их пробивки у меня нет. Да и пользоваться ей не умею. Знаете, в затылке големов есть окошко, открывается специальным ключом, через него заменяют перфокарты. Когда хотят дать голему новую роль.

– Вот! – сказал Шнаппс снисходительно. – Перфокарты. И никаких чувств, никаких мыслей. Поняли, госпожа Селеста?

Элли упрямо помотала головой и горячо заговорила.

– Разве мы все не живем, как големы? Выполняем роль, предписанную обществом. Та же перфокарта, если подумать. Но мы все хотим вырваться на свободу. Не зависеть от чьей-либо прихоти. Не думать о правилах! А устанавливать свои!

Когда она это сказала, капитан досадливо поморщился, как будто услышал глупость.

– Да вы романтик и идеалистка, госпожа Селеста, – сухо сказал он с почти неразличимой иронией.

– Да, я романтик и идеалистка. Что в этом плохого?

Капитан пожал плечами и усмехнулся.

Он недоволен, догадалась Элли. Чем-то она его разочаровала!

– Вы думаете, я незрелая глупышка? – холодно поинтересовалась она.

Капитан коротко качнул головой.

– Вы красиво говорите. Но вы действительно верите в ваши слова? Или лишь повторяете то, что прочитали в левых газетах, потому что это модно?

Элли набрала полную грудь воздуха, чтобы сразить капитана метким и ядовитым ответом.

– Дорогая, не стоит, – тетя Дженни коснулась руки Элли.

Элли выдохнула и всерьез разозлилась. Пожалуй, ей все же не нравится капитан Ларсен. Ни капли!

Куда делся тот увлеченный мужчина, который рассказывал ей о небесных чудесах сегодня утром? Который решил выполнить ее мечту и дать ей крылья? Теперь напротив вновь сидел застегнутый на все пуговицы холодный капитан, жесткий и циничный.

Их взгляды скрестились. Точно две льдинки пронзили сердце Элли. Взгляд капитана потемнел, возле рта напряглись мышцы. Элли первой отвела глаза, сгорая от обиды.

Вздор! Не стоит выходить из себя. Это всего лишь пустой спор за обеденным столом!

– Рыба сегодня особенно хороша, – нейтрально заметила тетя Дженни. – Передайте мою благодарность коку.

И все взялись за вилки.

Обед закончился, и второй помощник объявил, что сейчас в концертном зале начнется репетиция номеров к завтрашнему развлекательному вечеру. Он пригласил всех желающих блеснуть талантами.

Желающих блистать было мало. Тогда в дело вступил Блоб. Он неплохо знал увлечения многих пассажиров. Знал, кто умеет петь, а кто декламировать или танцевать. Уговорами и лестью он заманил в концертный зал на четвертой палубе с полдюжины любителей-артистов.

Элли тоже пошла: она обещала выступить с номером.

Однако настроения выступить у нее не было. Она все еще переживала стычку с капитаном за обедом.

С чего он вдруг так на нее набросился с этими идеалами и красивыми словами? Как будто она задела его больное место. Странно. Утром на верхней палубе и во время полета ей показалось, что между ней и Эвклидом Ларсеном зародилось взаимопонимание, протянулась тонкая нить симпатии. Но теперь она будто оборвалась. И это ее расстроило.

Может дело в том, что она не совсем человек и не сможет до конца понять людей? Иногда Элли остро чувствовала свою непохожесть на остальных. Как теперь, когда не могла объяснить поведение капитана Ларсена.

Или она выдумывает? Может, ей показалось, что он неодобрительно принимает ее взгляды, и не верит в ее искренность? Но в его холодных глазах мелькнули насмешка и отчуждение.

Да с чего вообще это ее задевает? Не должно задевать! Ей нет до капитана Ларсена никакого дела.

И все же Элли сердилась и кипела, как перегретый двигатель.

Концертный зал был небольшой, но мог бы роскошью посрамить Королевский оперный театр. Тут имелись и позолоченные люстры, и бархатные сиденья, и пурпурный занавес, и сцена с хорошим освещением.

Блоб уселся за рояль, а Пулкинс начал выяснять у приглашенных, какими талантами они готовы поразить публику.

Артисты-любители смущались и всячески старались увильнуть от выступления.

Впрочем, были и те, кто рвались на сцену. Как всегда, это оказались самые бесталанные.

Госпожа Эмилия прочитала визгливым голосом под аккомпанемент рояля стихи собственного сочинения, где имелись рифмы «любовь – кровь» и «звезда – твоя навсегда».

Потом, к удивлению Элли, на сцену поднялся доктор Гризвольд. Он с невозмутимым лицом снял пенсне, вынул изо рта вставную челюсть и спрятал ее в специальный футляр. Отдал короткие распоряжения аккомпаниатору. Блоб грянул лихую мелодию.

Доктор Гризвольд вытянулся, сделал торжественное лицо и вдруг начал дробно отбивать зажигательную модную чечетку.

Верхняя часть его тела оставалась почти неподвижной, а ноги выделяли такие кренделя, что становилось страшно – как бы они не завязались морским узлом. Он выводил задорный, устойчивый ритм, который все убыстрялся и убыстрялся, и постепенно захваченные им зрители тоже начали постукивать каблуками о пол.

Когда доктор закончил, он молча вытер со лба пот и поклонился. Потом сунул челюсть в рот и пару раз клацнул ей, добиваясь, чтобы она встала на место. Стало понятно, зачем он ее снимал – иначе она, чего доброго, могла бы вылететь во время его бурного танца и шокировать публику.

Элли оглушительно захлопала.

– Браво!

Аплодисменты подхватили все вокруг.

– Поидете первым номером, чтобы разогреть зрителей, доктор Гризвольд! – сказал довольный Блоб.

Следующим вышел Красавчик Крис и исполнил свой знаменитый номер на два голоса. И справился очень неплохо. Он чередовал куплеты, исполняемые баритоном и сопрано. Баритон уговаривал красотку уединиться на сеновале, сопрано кокетливо отнекивалось, но потом устала ломаться и согласилось.

Зрители покатывались от хохота.

– Отлично, господин Майер! – воскликнул Блоб. – Пустим вас под финал. Ну а вы нас чем порадуете, господин Буффорд? Цирковыми номерами? Может, тигров выведете на сцену?

Укротитель не стал подниматься со стула. Он сидел со скучающим видом, сунув руки в карманы.

– Вы с ума сошли? – спросил он ворчливо. – Какие тигры в крошечном зале, на сцене без ограждения? Вам пассажиры надоели? Хотите пустить их на мясо?

– Да я пошутил. Но выступать-то вы будете?

– Выступлю, куда деваться. Покажу карточные фокусы.

– И все? Вы же циркач! Может, как-то еще повеселите зрителей?

– Повеселить? Чтобы они хохотали надо мной, как идиоты?! Ну уж нет! – вдруг взвился Буффорд и так гневно сверкнул глазами, что Блоб стушевался, растерянно пожал плечами и отстал от укротителя.

– Ну а вы, госпожа Селеста? Вы обещали нам танец. А спеть сможете?

– Да, – Элли вышла на сцену. – Я исполню музыкальный номер. Песня с танцевальными вставками. Но пока не знаю, какую выбрать.

– Исполните сейчас хоть что-то, – предложил Блоб. – А мы решим, пойдет или нет.

* * *

Элли задумалась. На развлекательном вечере для пассажиров не стоит показывать номера, с которыми она выступала в кабаре. Во-первых, нет реквизита. Во-вторых, все еще существует опасность быть узнанной. В-третьих, вряд ли изысканная публика готова к разнузданным трюкам, которые так любили посетители «Электрической стрекозы».

Значит, нужно выбрать что-то благопристойное. То, что исполняют светские скромные девушки на званых вечерах.

– Господин Блоб, вы знаете мелодию песни «Последний вал»?

Элли напела первые ноты.

– Хм, кажется, да.

Блоб поднес руки к клавишам, секунду подумал, а потом начал неуверенно играть.

Элли запела.

Она очень любила эту песню, быструю, но при этом печальную и лиричную, о морях, которые идут в родной порт и попадают в шторм.

Валы катятся на корабль, под килем разверзается бездна. Капитан считает валы и вспоминает дом, который уже не увидит.

И вот идет последний, самый страшный вал. Вот-вот корабль пойдет ко дну. Капитан видит в белой беснующейся пене цветущие яблони возле дома, а вместо рева ветра и грохота волн слышит пение птиц и голос любимой.

После каждого куплета Элли исполняла короткую танцевальную вставку со сдержанными, плавными движениями. Узкое платье не давало ей достаточно свободы. Но она испукала это выразительностью.

Она легко скользила по сцене, кружилась, показывала движениями тела и рук и качку волн, и отчаяние моряков, и борьбу корабля со стихией. И ласки возлюбленной капитана, и ее взгляд, и надежду.

Потом она возвращалась к роялю и начинала следующий куплет.

Любая другая танцовщица быстро бы запыхалась, но не артифиса.

Сначала Элли пела вполголоса, танцевала вполсилы, но постепенно ее захватила мелодия, и она перестала видеть зал и зрителей, которые сделались очень задумчивыми и тихими.

Когда Блоб в последний раз ударил по клавишам, в зале царила гнетущая тишина.

Потом второй помощник Пулкинс душераздирающе вздохнул и печально повесил голову. Тетя Дженни шмыгнула носом, достала кружевной платочек и вытерла глаза.

– Прекрасно, дорогая, прекрасно! – сказала она. – Потрясающее исполнение. Ты вынула из меня душу, выжала ее до капли и вложила обратно.

Остальные зрители неуверенно захлопали.

– Прекрасное выступление, госпожа Селеста, – сказал Блоб. – Но все же я попрошу вас выбрать другую песню. Понимаете, она... не подходит общему настроению нашего развлекательного вечера. Нам нужно заставить пассажиров смеяться. Забыть о том, что они болтаются над бескрайним океаном посреди воздушной бездны. А ваша песня и танец пробуждают меланхолию.

Элли обиделась.

– Ладно, – она пожала плечами. – Исполню другой номер. Танцевальную зарисовку «Не зови меня замуж, приятель». Она

веселая. Животики надорвете.

Она повернулась, спустилась со сцены и замерла как вкопанная, когда увидела, что, прислонившись к стене плечом и сложив руки на груди, незамеченный остальными, у дверей зала стоит капитан Ларсен.

– Позвольте пройти, – сухо попросила Элли.

Капитан выпрямился и отступил. Лицо у него было бесстрастное, но Элли показалось, что он необычайно задумчив.

Элли не удержалась и едко сказала:

– Решили посмотреть, как мы кривляемся на сцене? Вы же не любите подобные развлечения на борту.

– Не люблю, – сказал капитан. – Но рад, что заглянул на репетицию. Потому что увидел ваш танец и услышал вашу песню. Жаль, что на концерте вы будете выступать с другим, легкомысленным номером. Мне понравился этот.

Он задумчиво потер заросшую за день щеку, глядя Элли в глаза.

Она молчала, не зная, что ответить.

– Вы очень талантливы, госпожа Селеста. Совсем не похожи на любительницу. Вы могли бы блистать на сцене Королевского театра.

– Спасибо, – пробормотала Элли и поспешила к себе, чувствуя необычайное смущение.

Подвыпившие посетители «Электрической стрекозы» часто расточали ей комплименты. Целовали руки, закатывали глаза и называли несравненной.

Но ни один из тех комплиментов не согрел ее сердце так, как несколько скупых слов, произнесенных этим сдержанным мужчиной с ледяными глазами.

Глава 9

Второй день полета подошел к концу, небо за иллюминаторами потемнело. «Горгона» шла низко, но завтра должна была подняться выше. Пассажиры пока могли наслаждаться видом океана, который вечернее солнце зажгло фантастическими красками. Погода была тихой и ясной, но синоптик ходил хмурый и все бормотал про шторм, в который скоро предстояло войти «Горгоне».

После репетиции и короткого разговора с Ларсеном Элли была измотана. Даже железной выносливости артифисы есть предел. Но в каюту она не пошла, а отправилась побродить по палубам. Посидела у открытого окна в салоне, полистала журналы в библиотеке, заглянула в казино.

Там, как всегда, толпились пассажиры. Крупье метали карты не покладая рук и не жалея угодливых улыбок.

В дальнем углу Элли заметила Красавчика Криса в странной компании. Он сидел за одним столом с доктором Гризвольдом. Оба угощались ликерами, потом Крис потребовал бутылку игристого. Судя по его глуповатой улыбке, он уже был изрядно навеселе. А вот доктор Гризвольд не показывал признаков опьянения. Он цедил свой напиток и внимательно слушал Криса, изредка задавая вопросы.

Любопытно, о чем таком интересном они ведут беседу? Какие у них могут быть общие темы для разговора?

Мужчины заметили ее появление и одновременно глянули на нее: доктор внимательно и холодно, Крис виновато. Потом Крис отрицательно мотнул головой, что-то сказал доктору, торопливо встал и отошел к столу, где играли в «фараона». Доктор остался сидеть, задумчиво постукивая пальцами по столешнице.

Странное дело. Непонятно почему, но странное.

За два дня полета Элли куда ближе сошлась с тетей Дженни, чем с ее племянником. После того как Красавчик Крис понял, что его мужские доблести не привлекают Элли, он тоже утратил к ней интерес.

Однако как бы он не сболтнул лишнего о девушке, которая ворвалась в его каюту и спряталась под койку! Надо бы с ним

поговорить.

Элли спустилась на техническую палубу, прошла возле двери в трюмы и выхода на галерею, но скоро ее вежливо турнули механики и велели вернуться к себе.

Повздыхав, пошла в каюту.

И как только открыла дверь, насторожилась. Чутье, которым она обзавелась за три года проживания в «Электрической стрекозе», било набат.

В ее каюте кто-то побывал!

Она огляделась и успокоилась: приходила горничная. Вещи аккуратно разложены, пыль протерта, на крючке висит новое полотенце.

Но что это? Сердце Элли часто забилося.

На столике у иллюминатора лежал букет орхидей. Розовых, хрупких, с нежной фиолетовой сердцевинкой. В столовой выставляли более простые сорта.

Почему горничная принесла ей в каюту орхидеи? Неужто каждый пассажир первого класса получил такой дорогой подарок? Авиеткой доставили лишь два ящика, только и хватило украсить столовую и салон.

Да нет же: это был подарок лично для нее! От человека, который имел право взять лучшую орхидею из посылки. И уж точно, этим человеком не был жизнерадостный живчик Блоб.

Капитан Ларсен. Эвклид... Это подарок от него. Он прислал ей орхидеи.

Элли взяла букет, мысленно произнесла так не подходящее капитану имя и вдруг разволновалась.

Кто бы мог подумать, что капитан способен на такой поступок!

– Это лишь знак благодарности за приятную компанию в небе и красивую песню, – вслух сказала себе Элли и бережно погладила пальцем тонкий лепесток.

С цветами на столе каюта стала выглядеть куда уютнее.

Элли улеглась на койку, погасила свет, но опять не могла уснуть. Сначала она вспоминала события дня, и то счастливо улыбалась, то тревожилась. Тишина и одиночество по-прежнему угнетали. Она вновь подумала, не выбраться ли ей на ночную прогулку, но вспомнила о запрете капитана.

Элли ворочалась с боку на бок, взбивала ставшую горячей подушку. Сквозь стену соседней каюты время от времени доносилось тоненькое поскуливание. С наступлением ночи лисичка тоже начала волноваться и тосковать.

Было слышно, как вставала тетя Дженни, чем-то гремела, тихо говорила, но лисичка скулила, тьякала все громче и не желала успокаиваться – как будто тоже чувствовала приближение шторма.

Элли поднялась, оделась и отправилась в каюту соседки. Стрелки показывали два часа ночи.

Постучала в дверь и тихо произнесла:

– Это я, Элли!

Дверь открылась. В проеме показалось растерянное и чуточку сердитое лицо тети Дженни. Ее обычно идеально уложенные седые волосы были взлохмачены. А еще оказалось, что тетя Дженни спит в мужской полосатой пижаме.

Локтем она прижимала к себе лисенка. Зверек вертелся и пытался цапнуть руку острыми зубами.

– Фанни никак не успокоится, – пожаловалась тетя Дженни сиплым спросонья, низким голосом... – Уж не знаю, что делать. Вдруг услышат? Я собираюсь влить ей в пасть полрюмки ликера.

– Пожалуйста, не надо! Это может ей навредить. Ребенок истомился сидеть взаперти. Это же животное, ему нужно двигаться. Давайте дадим ей немного свободы. Я с ней поиграю.

Тетя Дженни не успела ответить: Фанни извернулась и вонзила зубки в подмышку своей временной хозяйки.

Тетя Дженни ойкнула и деликатно выругалась, а лисичка прыгнула на пол, прижала уши и юркнула через приоткрытую дверь в коридор. Секунда – ее и след простыл, лишь мелькнул в проеме кончик рыжего хвоста.

– Беда, катастрофа! – всплеснула руками тетя Дженни. – Надо ее поймать, пока ее не увидели!

– Я сейчас ее верну! – виновато сказала Элли и помчалась за беглянкой в коридор.

Ловить хитрого зверя в тускло освещенных коридорах дирижабля оказалось нелегким делом. Лиса удирала со всех лап. Юлила, запутывала следы, ловко перебежала от одного укрытия к другому. Ей нравилось это развлечение и она не хотела, чтобы оно быстро закончилось.

Элли приходилось бежать на цыпочках, чтобы не разбудить звуками шагов других пассажиров. Да еще она постоянно озиралась и прислушивалась – не попался бы кто из экипажа!

Однако понемногу ее охватил азарт охоты. Вряд ли кому раньше выпадало гнаться за лисой по ночному дирижаблю. Жизнь порой подбрасывает чертовски неожиданные приключения!

Дело осложнилось, когда лисенок нашел лестницу и ринулся на нижние палубы. Перебегал из отсека в отсек, все дальше углубляясь в лабиринты переходов. Оставалось надеяться, что рано или поздно попадет тупик с запертой дверью, и уж тут-то надо не оплошать.

Часть освещения была погашена, и коридоры наполнились тенями. Сейчас, когда пассажиры спали, в отсеках слышались лишь «дыхание» дирижабля – легкое потрескивание металла и целлулоида, поскрипывание резины, стук механизмов и ставший уже привычным гул моторов.

– Да чтоб тебя! – тихо выругалась Элли, когда лисенок нырнул в отсек, где располагались каюты матросов и механиков.

К счастью, здесь тоже было пусто. Из-за дверей доносился могучий храп. Но одна дверь в конце коридора была приоткрыта, оттуда лился неяркий свет, и лисичка, потянув воздух носом, нырнула в щель.

Элли скрипнула зубами от досады. Теперь точно крышка! Вот-вот раздастся ругань и крик, лисенка поймают, и тогда Пулкинсу не поздоровится!

Но пока все было тихо. В каюте негромко беседовали двое, смеялись, отпускали соленые шутки.

Элли на цыпочках подкралась к двери и заглянула внутрь.

В кубрике за длинным столом сидели два матроса и ужинали. Один из них был знаком Элли. Луц, вспомнила она.

Луц выложил на тарелку куски жареной курятины, поставил тарелку на край скамьи, а сам занялся термосом. Пыхтел, скручивая неподатливую крышку, и не заметил, как из-под скамьи показался

черный нос, жадно обнюхал тарелку и затем острые зубки деликатно ухватили самый жирный кусок.

Куриная ножка шлепнулась на пол и исчезла под скамьей.

Наконец, матрос справился с крышкой и налил в нее дымящегося чая.

– Будешь? – он предложил напиток своему товарищу. – Тильда плеснула туда грогу для сугрева.

– Не, – отказался второй матрос. – Капитан на обходе. Он мигом унюхает, чем мы тут согревались. А вот перекусить не откажусь. Что там у тебя, Луц?

– Бери, – Луц, не глядя, взял тарелку и протянул другу, но тут увидел, что ее содержимое уменьшилось вдвое.

Его рука застыла на полпути. Луц понес тарелку к лицу, придирчиво осмотрел ее и осторожно понюхал. Потом глянул на пол, но пропавшей ножки не нашел. Лисенок уже утащил ее в угол за шкаф.

– Что за дела? – озадачился матрос. – Кто спер мои харчи?

– Ты о чем?

– Тут было два куска курятины, – Луц ткнул тарелку в лицо напарнику. – Теперь один. Я не брал. Ты тоже. Вопрос: где он?

Второй матрос озадаченно заозирался, заглянул под стол, почесал макушку.

– Луц, ты слыхал байки про Голодного Юнгу? – спросил он полушепотом.

– Что за байки?

– Эта дурында – ну, «Горгона» – ужасно огромная, так?

– Ну.

– В ее переходах сам черт заблудится. Даже я плохо знаю все ее закутки.

– И что? – начал раздражаться Луц. – У меня тут снедь пропадает невесть куда, а ты мне про черта толкуешь.

– Вот именно, что про черта. Говорят, когда «Горгона» еще строилась и стояла в ангаре, один юнга с другого судна решил забраться внутрь и побродить по палубам. Он заблудился и не нашел выхода. Так и сгинул невесть где. Может, в трюме заплутал, может, в машинном отделении. Или залез куда не следует и не смог выбраться. Помер от голода. И теперь его призрак того... с нами летает. Но он вечно голодный, смекаешь? Тильда мне сама говорила, что слышала

его у себя на камбузе. Он ночью хлопал дверцами буфета, а утром там недосчитались печенья. Может, это он твоей курицей угостился? Ну, призрак?

– Да что ты мелешь! – рассердился Луц. – Ясно кто печенье прихватил – Зиг, кто еще! Он прожора, каких поискать!

– Ну, а кто взял твою курицу? Не я же. И не Зиг. Тут кроме нас никого.

Матросы замолчали прислушиваясь. В этот момент лампы мигнули, раз, другой, потом и вовсе погасли. В полной темноте из угла кубрика раздалось тихое, грозное урчание. Лисичка наслаждалась куриной ножкой.

Матросы задыхались часто и испуганно. Элли зажала рукой рот, чтобы не захохотать.

– Что это? – прошептал Луц с ужасом.

Через секунду спирали налились красным, мерцающим светом, а потом лампы вспыхнули на полную мощность. Мимо Элли промелькнула юркая тень и припустила дальше по коридору.

Элли тут же помчалась за ней, но успела услышать, как Луц сказал неуверенно:

– Это всего лишь генератор засбоил! Это бывает!

А его напарник ему ответил зловеще:

– Да? А кто тогда урчал? Тоже генератор, скажешь? Нет, брат, тут дело нечисто! Это призрак Голодного Юнги твоей курицей подкрепился! Глядишь, в следующий раз матросом закусить решит.

* * *

Насытившаяся лиса удвоила скорость. Она резво неслась по темным коридорам. Элли следовала за ней с упорством гончей.

Шалишь, не уйдешь!

Но лиса ушла – очень ловко и умно, как и подобает зверькам ее вида.

Она подбежала к двери, которая вела на внешнюю галерею. Элли воспрянула духом: дверь крепко-накрепко закрыта на замок. Теперь Фанни некуда деться: попалась, плутовка рыжая!

Лиса скреблась о дверь и тихонько скулила, чувствуя, что от свободы и свежего воздуха ее отделяет лишь лист железа. Элли приближалась к ней медленно, стараясь не спугнуть.

– Ну чего ты, дурашка! Иди сюда... Хорошая лисичка, хорошая! – приговаривала она.

Но тут щелкнул замок. Кто-то возвращался с галереи. Элли едва успела отскочить в сторону и съежиться в тених под лесенкой.

Дверь скользнула вбок, впустив поток холодного воздуха. Вошли двое матросов после обхода – оба румяные, оживленные, в предвкушении конца вахты и уютных посиделок в кают-компани за кружкой чая.

Лисенок незамеченным проскользнул между их ног и был таков. Матросы заперли дверь, шумно протопали по отсеку и скрылись в коридоре.

Элли осталась внутри дирижабля, а лиса – снаружи, на открытой галерее, нос к носу с небесной пучиной.

Что ж, придется еще раз нарушить запрет капитана. Элли поднялась к двери, вытащила шпильку, сунула в замок и через несколько секунд вышла на галерею. Кожу покалывало от напряжения, сердце отплясывало канкан.

Ее сразу окутали темнота и шум двигателей. Холодный ветер впился в лицо. Температура за бортом была низкой, как поздней осенью – не помешал бы теплый плащ. У Элли же на плечах поверх платья была лишь шаль. Скоро она продрогнет – хоть и не так скоро, как замерз бы человек. Но надо поторопиться!

Она пошла по галерее и время от времени звала тихим голосом:

– Фанни! Фанни! Иди сюда глупышка, пока не свалилась!

Впереди, в слабом красноватом свете сигнальной лампочки, на железной дорожке показалась распластанная тень. Лиса прижалась к полу, ошеломленная тем, что нашла снаружи.

Пустота, чернота, бездна! И запахи – странные, пугающие!

Элли крадучись пошла к ней. Мельком глянула на небо и море и обомлела. Красота невероятная! Луна еще не взошла, и небо усыпали крупные как пятаки звезды. Казалось, они висят совсем близко – протяни руку и ухватишь одну. Звезды перемигивались, как будто знали какую-то тайну.

Она замешкалась, и тут же попалась.

– Кто здесь? – послышался знакомый голос и решительные шаги.

Лиса, почуяв новую опасность, вскочила на лапы и юркнула за ящик, установленный на небольшой площадке.

Ох, какой нежелательный поворот событий!

Элли повернулась и застыла в свете яркого луча фонаря, который ударил ей прямо в лицо.

Она заморгала и обреченно сказала:

– Это я, капитан Ларсен. Простите, что нарушила ваш приказ.

– Да вижу, что вы, – ответил капитан ворчливо, но без гнева. И даже, пожалуй, добродушно. – Вопрос в том, как вы сюда выбрались. Кто вас выпустил? Или дверь была открыта? Это непорядок.

– Нет, дверь была заперта! – Элли не желала, чтобы по ее вине пострадали члены команды. Как же ей надоело врать! – Я открыла замок. Взломала. Шпилькой. Я готова понести любое наказание. Но мне ужасно хотелось посмотреть на ночное небо. Вот втемяшилось в голову, и все тут. Мне очень стыдно.

– Шпилькой? – недоверчиво переспросил капитан. – Наши замки такие ненадежные? Что ж, спасибо, что указали на слабое место. Когда «Горгона» вернется в порт, я напишу доклад с требованием заменить их.

Тяжело ступая, он опустил фонарь и приблизился к ней. Плотный длинный плащ придавал ему роста и стати. На капитанских скулах ходили жесткие желваки, взгляд был строгий.

– Вы на меня сердитесь? – спросила Элли нерешительно.

– Разумеется, сержусь. Вы что, глупый подросток, чтобы совершать такие выходки? Чего вам в каюте не сидится?

– Видите ли, капитан... – Элли замялась, а потом призналась на одном дыхании:

– Мне неудобно в маленькой каюте. Я ненавижу тесные замкнутые пространства. Чувствую себя, как в тюрьме. Стены давят... воздуху не хватает. Особенно ночью... ночью становится хуже. Когда я одна...

Элли прикусила губу. Она не любила признаваться в собственной слабости. Сейчас капитан скажет что-нибудь насмешливое. Заявит: «Ерунда какая! Как можно бояться стен? Надо взять себя в руки, не поддаваться глупым фантазиям!»

Но капитан лишь сказал негромко:

– Вот как? Да, такое бывает. Порой одиночество пугает сильнее явной опасности.

Элли прерывисто вздохнула. Она не ожидала такого ответа. И все же ей было стыдно.

– Вы были правы сегодня за обедом. Порой я действительно веду себя импульсивно и незрело. Мне есть над чем работать.

Капитан озадаченно прищурился.

– Вы на меня обиделись? Но я вовсе не это имел в виду. Вы сами сделали такие выводы. В этом вы типичная женщина.

– Ну вот, вы опять меня судите.

– Как с вами тяжело разговаривать! Вам бы защищаться, а вы нападаете.

– Простите.

Элли покосилась на ящик: лисенок сидел тихо и не высовывался. Но что теперь делать? Капитан не оставит ее одну гулять по галерее. Как ей поймать Фанни?

* * *

– Что ж, раз уж вышли посмотреть на звездное небо, давайте смотреть, – вдруг сказал Ларсен и погасил фонарь. – Сегодня необычная ночь. Ожидается поток Гаэлид. Это редкое и красивое зрелище, особенно если наблюдать его с дирижабля над морем.

– Звездопад?

– Да. Сможете загадать желание на падающей звезде. Вот, смотрите!

Капитан взял ее за плечи и развернул лицом к морю, и Элли успела увидеть, как на небе сверкнул яркий росчерк, а за ним второй и третий...

Метеоры вспыхивали и сгорали один за другим. И звезды, и золотые росчерки отражались в черном море внизу, отчего казалось, что там, под толщей вод, подводные жители устроили фейерверк.

– С ума сойти! – прошептала очарованная Элли.

Капитан придвинулся ближе, и она спиной ощутила токи энергии, исходящие от его крупного тела.

– Вы замерзли, – сказал он. – Вот, возьмите мой плащ.

Он набросил ей на плечи тяжелый плащ, еще сохранивший его тепло. И его запах – свежести и моторного масла.

Капитан поправил воротник, его рука коснулась шеи девушки. Элли стремительно повернулась и глянула в лицо Ларсену. Его глаза казались темными, и в них тоже вспыхивали, отражаясь, небесные золотые искры.

– Капитан Ларсен... спасибо, – сказала Элли и судорожно сглотнула. – И за цветы тоже. Это ведь вы прислали орхидеи? Зачем?

– Я вас обидел этим подарком?

– Вовсе нет! С ними моя каюта стала куда приятнее.

– И все же вы из нее сбежали, чтобы бродить в одиночестве по галерее.

– Теперь я не жалею об этом поступке. Ведь тогда бы я не увидела этого!

Элли повела рукой, показывая на небо.

Капитан осторожно перехватил ее за запястье и легко сжал.

Элли затаила дыхание, ожидая, что будет дальше. Капитан явно задумал что-то! Он чуть наклонился, едва заметно улыбнулся – и вновь от его улыбки у Элли жарко вспыхнуло в груди.

– Элли, послушайте, – начал он тихо, – Вы...

Но договорить не успел.

Элли вздрогнула и чуть не взвизгнула от неожиданности – ее щиколотку больно царапнули острые зубки.

Она совсем забыла о лисенке, который прятался под ногами!

Капитан мгновенно замолчал, нахмурился и выпустил руку Элли. А потом отодвинулся.

– Простите... – пробормотала она. – Я... оступилась.

Она скосила глаза и увидела блестящие черные глаза и острую мордочку. Лисенок прижался к ее ногам и затих.

Фанни надоела свобода. Теперь ей хотелось, чтобы ее взяли на ручки, унесли в теплую каюту и накормили гусиным паштетом.

Элли осторожно стянула с плеч шаль, но поскольку теперь на ней был сверху тяжелый плащ, ей пришлось извиваться всем телом.

Капитан с легким удивлением наблюдал за ее телодвижениями. Только бы он не глянул вниз!

– Ногу свело судорогой, – пробормотала Элли и поморщилась. Великий Механикус, что она несет! И как себя ведет! Капитан

подумает, что она припадочная.

Но Ларсен спокойно принял это объяснение.

– Думаю, нам пора обратно, – сказал он.

– Да, пожалуй.

Элли прицельно уронила шаль на пол, постаравшись, чтобы плотная ткань упала на лисенка. И не промахнулась. Попав в ловушку, Фанни завозилась и коротко тьякнула.

Элли громко чихнула, чтобы скрыть шум, наклонилась и подняла шаль, полностью закутав лисенка. Сверток сунула под мышку, глубже под плащ. Второй рукой она крепко сжимала мордочку беглянки, не давая тьякать. К счастью, Фанни не делала попыток высвободиться. Она замерла, но локтем Элли чувствовала, как часто ходят ее бока. Не задохнулась бы, мерзавка рыжая!

– Идемте же!

Элли направилась к люку.

Капитан взялся проводить ее до самой каюты.

У каюты Элли неловко сбросила плащ одной рукой – вторая была занята свертком с лисенком. Хорошо, что в коридоре возле каюты было темно, и Ларсен не мог рассмотреть странные очертания свертка и не задался вопросом, почему он шевелится.

Капитан забрал плащ и сказал:

– Элли, если вам опять вздумается погулять снаружи или в трюмах – пожалуйста, не делайте этого тайком. Предупредите меня. Если я буду свободен, пойду с вами. Так вы будете в безопасности. Договорились?

Элли недоуменно подняла брови.

– Вы будете моим провожатым?

– Я так понимаю, что остановить вашу тягу к приключениям можно, только если запереть вас в каюте и заковать в кандалы. Но кандалов в хозяйстве «Горгоны» не предусмотрено. Поэтому это наилучший выход.

– Спасибо, – смутилась Элли. – Мне неловко отрывать вас от ваших обязанностей.

– Ради вас я охотно оторвусь от них на часик. Покажу вам и другие чудеса неба. Лунную радугу, северное сияние, перламутровые облака.

– О! – только и сказала Элли, восхищенная его предложением. Поразмыслив, добавила: – Наверное, другим пассажирам лучше не знать о нашей договоренности. А то они все захотят таких привилегий – прогулки в обществе капитана.

– Не думаю, что пожелаю делиться небесными красотами с кем-то, кроме вас, – сказал он. – Это мои сокровища, и я вправе распоряжаться ими так, как захочу, и с кем захочу.

Он вежливо склонил голову, прищелкнул каблуками и ушел.

Глава 10

Утром Элли проснулась в необычном настроении. Каждая ее жилка трепетала в радостном ожидании, а шестеренки в сердце отстукивали задорный ритм.

Что-то новенькое! Давненько она испытывала такого вдохновения и жажды жизни.

«Почему мне так весело? Ах да... сегодня концерт. Я буду выступать. Однако я соскучилась по сцене за эти дни! Но есть еще и другая причина. Капитан Ларсен. Эвклид».

Элли собиралась, умывалась, поглядывала на букетик орхидей на столике и улыбалась, вспоминая вчерашнюю гонку за лисой по коридорам, встречу с капитаном, ночное море, звездопад и разговор.

Ее ждут чудеса неба. Капитан поделится с ней своими сокровищами!

Оказывается, Эвклид Ларсен совсем не такой, каким она увидела его в первую встречу. Он добрый и романтичный.

Внешне суров и грозен – это да. Но как иначе? Он же капитан огромного судна. У него в подчинении уйма людей, и он отвечает за их безопасность. Капитан и должен быть властным. Но когда Эвклид не на службе, он может позволить себе быть другим.

Он знает и любит свое дело. Он сильный и надежный. Не пустозвон – говорит мало, но слушать его ужасно увлекательно.

Но он себе на уме. Когда они разговаривают, капитан смотрит на нее с интересом, но испытующе, и как будто видит ее насквозь. И от его взгляда сердце бьется быстрее, и хочется блистать и быть задорной, и умной, и ничего не скрывать о себе!

Удивительный мужчина.

Она уставилась на свое отражение и прикусила губу.

Удивительный. Да. А она его обманывает.

«Я расскажу ему, – вдруг решила она. – Хотя бы часть правды. Пусть знает, что я – беглянка и безбилетница. Нет, лучше потом. После остановки в Сен-Бернадет, когда капитан уже не сможет вернуть меня в столицу».

Элли крепко стукнула себя по лбу. Ее раздирали противоречия.

«Глупая кукла! От твоей лжи зависит твоя жизнь. Капитан снисходителен, поскольку считает, что ты – приличная девица. Но неизвестно, насколько глубока его симпатия. Одно дело – шастать по палубам по ночам, и совсем другое – лететь первым классом без билета. Тут его симпатия может растаять без следа. Романтик пропадет, в дело вступит суровый капитан. Или же нет? Выходит, план тети Дженни сработал? Я вскружила Эвклиду голову, и теперь он готов идти на уступки? Ох, как нехорошо!»

Элли поморщилась и даже замычала от стыда. Она не испытывала угрызений совести, когда врала Борову Лазарусу. Но Эвклид. ей не хотелось ему врать.

«Нет, скажу сейчас. После концерта. И сделаю страшную глупость! Бывает ли честность глупостью? Если скажу правду, подвергну себя опасности. Но отчего-то я готова на этот риск».

Волнение росло в груди Элли. Она отправилась на завтрак, задумав так: посмотрим, как встретит ее капитан и что он скажет. И тогда она примет окончательное решение.

От ожидания новой встречи у нее покраснели щеки. Она не шла – летела по коридорам легким шагом.

Но в столовой ждало разочарование. Капитан не явился на завтрак.

Пассажиры болтали о судовой жизни, порядках на «Горгоне» и вечернем концерте. Не раз звучало имя капитана Ларсена, и каждый раз, когда Элли слышала его, она вспыхивала.

Тетя Дженни наблюдала за ней с понимающей улыбкой. Элли поделилась с ней подробностями вчерашнего приключения, когда вернула беглую лису в каюту.

– Капитан еще не пригласил тебя на обещанную прогулку? – спросила тетя Дженни, наклонившись к самому уху Элли.

– Мы не виделись сегодня.

– Может, он пришлет тебе записку. Или пригласит после концерта. Предупреди меня, когда пойдешь на свидание, хорошо? Я помогу тебе собраться. И дам парочку советов, – тетя Дженни лукаво улыбнулась.

Элли неопределенно пожала плечами.

Конечно, здорово, что госпожа Майер во всем ей помогает, но все-таки излишней интерес к ее отношениям с капитаном Ларсеном ее смущал.

А ведь так и живут девушки, у которых есть любящие родители, бабушки и тетушки. Они следят за каждым их шагом, интересуются их сердечными делами. Выслушивают, поддерживают. Но к такому нужно привыкнуть. Она всю жизнь сама по себе.

После завтрака пассажирам разрешили выйти на открытую площадку, и Элли пошла с ними в тайной надежде увидеть там Эвклида. Но и на площадке его не было.

Тогда Элли отправилась прогуляться по палубам.

Сначала бродила близ отсека, где помещались каюты командования. Потом спустилась к техническим палубам. И все высматривала, не мелькнет ли знакомая широкоплечая фигура в форме с блестящими пуговицами, и не донесется ли низкий строгий голос, отдающий команды.

Ей так и не повезло: капитан, вероятно, был на мостике. Разочарованно вздохнув, Элли вернулась наверх.

Концерт назначили на семь вечера. Элли оделась и причесалась для выступления очень быстро. Три года работы на сцене дали ей хорошую практику.

Да и чего тут собираться! Ни грима, ни реквизита. В «Электрической стрекозе» она выходила на сцену, обвешанная оборудованием для электрических спецэффектов. Весьма опасных, между прочим. Но когда она танцевала на проволоке, рассыпая каблучками фонтаны искр, публика бесновалась от восторга!

Эх, вот бы Эвклид увидел ее такой!

Она спустилась в концертный зал и прошмыгнула в гримерку за кулисами. Там царила нервная атмосфера.

Красавчик Крис подбадривал себя перед выступлением бутылкой ликера. Курносая госпожа Эмилия, накрашенная, как кукла, капризничала и ломалась. Все ей не нравилось: ни освещение в зале, ни настройка рояля, ни умения гримерши, судовой горничной.

Лишь доктор Гризвольд, как всегда невозмутимый, сидел у стены неподвижно и чему-то улыбался уголком тонких бескровных губ.

Элли подошла к Крису и решительно отобрала у него бутылку.

– Спиртное портит голос, – строго сказала она. – Ты должен выступить с блеском. Не подведи свою тетю. Она должна тобой гордиться.

– Да ей плевать на меня, – махнул рукой Крис. – Зато она носится с тобой, как с чирьем на королевской заднице.

Элли поморщилась.

– Прости! – Крис примиряющим жестом поднял руки. – Я просто ревную. Тетя Дженни очарована тобой, но ты этого заслуживаешь. Ты загадочная и интересная. А тете Дженни всегда хотелось иметь дочку. Папаша намекнул, что мне нужно заслужить расположение тетки, чтобы она отписала мне свое состояние. Но, похоже, этого не произойдет. Да и ладно! Не в деньгах счастье. За тебя, Элли!

Крис осушил бокал.

Элли утешающе похлопала его по плечу, прошла к кулисам и выглянула из-за занавеса.

Зрители уже собрались. Элли улыбнулась им, хотя они и не видели ее улыбки.

Публику она любила. Даже ту, которая собиралась в кабаре.

Первые дни в «Электрической стрекозе» ей было противно смотреть на жующие красные физиономии гостей за столиками. Ты выкладываешься на сцене, а они дымят сигарами, пихают в рот закуски, ощупывая тебя при этом маслянистыми глазами.

Но потом наступал тот миг, когда все лица оказывались обращенными к сцене, и на них появлялось удивление и ожидание чуда.

Игристое шипело в забытых стаканах, сигары тлели в пепельницах. А публика, затаив дыхание, восторженно следила за сказкой, которую творила для них на сцене тонкая танцовщица с крылышками за спиной.

А она старалась даже в самый разухабистый кабацкий номер принести сказку и вдохновение. И то, что получала взамен, стоило всего – и унижений, и ругани Борова Лазаруса, который вечно требовал «повыше задирать юбку» и «здорнее махать ногами».

Она видела, как потрепанные жизнью гангстеры и их прожженные спутницы на миг сбрасывали маски. Они вспоминали свои детские мечты и надежды. Вспоминали, что в мире есть не только барыш, борьба за власть и игра с опасностью. Они вновь открывали для себя простую истину: в мире полно чудес.

Элли становилась их волшебной королевой, а они – ее подданными.

О да, это стоило всего!

Здесь публика другая. Пожалуй, более сложная. Пресыщенная, циничная. Примут ли они ее подарок? Поймут ли его?

Элли пробежала взглядом по рядам, но капитана не увидела. И вновь разочарование кольнуло ее очень больно. А вдруг он так и не придет? Вдруг дела задержат его у штурвала?

Настроение испортилось, но тут же взмыло до небес, когда в зал, сжимая фуражку в руке, торопливо вошел Эвклид Ларсен.

Элли жадно рассматривала его загорелое лицо, внушительный разворот плеч, строгую линию бровей и решительный подбородок. Ее вдруг обдало жаркой волной, а сердце заколотилось так быстро, что Элли даже приложила руку к грудной клетке, словно желая удержать его на месте.

Позади капитана плелся встревоженный чем-то Пулкинс. Он на ходу глянул на тетю Дженни, и они обменялись быстрыми взглядами и едва заметными жестами – Пулкинс неопределенно двинул рукой, тетя Дженни кивнула.

Видимо, Пулкинсу доложили о ночном призраке в кают-компании и странной пропаже куска курицы, и он сделал верные умозаключения и теперь беспокоится о судьбе своего питомца.

Капитан прошел к оставленному для него почетному месту в первом ряду. Собираясь сесть, он поднял голову и тут заметил лицо Элли сбоку от занавеса. Его глаза вспыхнули, а губы тронула улыбка.

Элли чуть не умерла на месте от восторга. Капитан кивнул ей, и она помахала в ответ, а потом поскорей спряталась за занавесом, потому что там появился Блоб и громким шепотом приказал готовиться.

* * *

В зале притушили свет, на сцену направили маленький прожектор. Публика притихла в ожидании.

Концерт начался. Блоб вел его с мастерством опытного конференсье.

Первым делом он похвалил «Горгону» и судовладельца – собственную компанию. Не забыл упомянуть и лучшего аэронавта

королевства, капитана Эвклида Ларсена.

Публика похлопала капитану, а Элли вдруг стало очень приятно, словно хлопали ей самой.

Первым, как и было запланировано, выступил доктор Гризвольд. Он так лихо топал и скакал по сцене, что заставил вибрировать стулья, сиденья и пол в зале, а висюльки в люстре раскачивались и тонко звенели. Закончив, доктор спокойно принял бешеные аплодисменты и с достоинством удалился.

После Гризвольда Блоб выпустил госпожу Эмилию. Господа и дамы выслушали ее душещипательные стишки с выражением терпеливой покорности на лице, а когда она закончила, хлопали с облегчением.

Следующим шел номер Буффорда.

Циркач без улыбки поклонился и посмотрел на публику, как на врагов.

Он лентой пускал колоду карт из одной руки в другую, потом широко открыл рот, проглотил одну карту, тщательно прожевал и потребовал стакан игристого, чтобы запить.

Пока он жевал, с его физиономии не сходило выражение глубокого отвращения.

– Приятного аппетита, – пожелали ему из публики.

– Не подавитесь, – заботливо посоветовали с другой стороны зала.

Зрители засмеялись. Буффорд ответил весельчакам злобной гримасой. На его щеке дергалась жилка.

– Дама в третьем ряду, встаньте, – потребовал Буффорд. – Карта, которую я только что съел, сейчас в вашей сумочке.

Дама заполошно полезла в сумочку, вытащила двумя пальцами трефовый туз, удивленно вскрикнула и показала карту публике.

– Простите, карта попала в сумку, побывав в вашем пищеварительном тракте? – брезгливо осведомился супруг дамы.

Дама поскорей бросила карту на пол и вытерла пальцы платком.

– Господа, это всего лишь фокус! К чему эти физиологические уточнения! – замахал руками Блоб и загнал циркача за кулисы.

Настал черед Элли выступить. Она глубоко вздохнула и прикрыла глаза, как всегда делала перед выходом на сцену. И при этом постаралась представить что-то приятное и радостное, то, что давало ей толчок вдохновения.

Раньше она представляла: она стоит на пороге собственного дома – в котором живет одна, сама по себе! – а потом выходит в сад и босиком идет по зеленой траве, а впереди длинный солнечный день, полный приятных встреч и событий.

Но в этот раз представилось другое. Элли вдруг увидела, как она стоит плечом к плечу с Эвклидом Ларсеном возле штурвала, внизу расстилается поле облаков, и легкий ветер ласкает лицо. А потом Эвклид поворачивается к ней, и она касается его щеки кончиками пальцев. Обводит линию его жестких губ, и...

– Госпожа Элли Селеста с номером «Не зови меня замуж, приятель!» – объявил Блоб и ударил по клавишам.

Элли вздрогнула, открыла глаза и выпорхнула на сцену.

Блоб повторил вступление. Зал заполнили задорные аккорды.

Элли запела, сопровождая пение одновременно скромными и игривыми жестами.

Песня, которую она исполняла, была сомнительной, на грани пошлости. Но Элли дала ей другое звучание.

В ее исполнении история портовой подавальщицы вина, которая перебирает женихов и не может остановиться ни на одном, превратилась в рассказ наивной девушки, которая ищет и не может найти свое счастье.

Интонации и правильные ударения – великая вещь! Но Элли даже не задумывалась о том, как поет шаловливые куплеты. Она рассказывала публике о своих мечтах. И показывала их танцем между куплетами.

Наверное, она исполняла хорошо, потому что публика притихла и слушала ее очень внимательно. Элли кружилась по сцене, прижимала руки к сердцу, исполняла па нежно и чувственно, и все время чувствовала на себе взгляд капитана Ларсена.

Она пела и танцевала для него одного.

А когда она закончила и замерла посреди сцены, покрасневшая и взволнованная, публика молчала еще несколько секунд, а потом бурно заплодировала.

НЕБЕСНАЯ ТАНЦОВЩИЦА И КАПИТАН «ГОРГОНЫ»

Элли посмотрела в зал. Эвклид Ларсен поднялся со своего места и размеренно хлопал в ладоши, и улыбался ей, и его глаза больше не напоминали льдинки – они горели ярким, обжигающим светом.

Но вдруг капитан отвернулся и нахмурился. К нему подошел невысокий человек в кожаной куртке и вручил ему бумажную ленту. Капитан сначала отмахнулся от него, но человек настаивал. Капитан забрал из его рук телеграмму и прочитал. И пока он читал, его лицо менялось.

Сначала на нем проступило недоверие. Потом его на миг исказил тяжелый, глубокий гнев. А потом оно опять стало бесстрастным.

Капитан спокойно, двигаясь как автомат, сунул радиограмму в карман и направился к выходу. У двери задержался и жестом подозвал к себе доктора Гризвольда. Они обменялись короткими репликами и вышли. Капитан больше ни единого раза не взглянул на сцену, где Элли продолжала посылать публике благодарные улыбки.

Она повернулась и поспешила за кулисы и там обхватила себя руками. Ее бил нервный озноб, а грудь сдавила мучительная тревога.

Что случилось? Что за сообщение принесли капитану? Почему он позвал доктора Гризвольда?

Кто-то заболел? Кто-то, кто ему дорог? Или что-то случилось с дирижаблем? Может, на них напали пираты? Им всем грозит опасность? Эвклиду грозит опасность? Нужно скорее узнать!

Но концерт продолжался. Блоб выпустил Красавчика Криса.

Тот исполнил свой номер с огоньком, только в конце запутался: спел мужской куплет женским голосом, а женский – мужским. Но так получилось даже смешнее, публике понравилось, и Крис получил бурю аплодисментов.

Элли стояла за кулисами и не знала, что ей делать. Ей нужно увидеть капитана, узнать, что произошло!

Блоб вышел на сцену и начал благодарить публику за поддержку, а артистов за отличное выступление. Еще немного, и концерт закончится.

– Госпожа Селеста?

Перед ней стоял угрюмый матрос Луц.

– Капитан Ларсен просит вас пройти в библиотеку. И вас тоже, господин Майер.

– Зачем? – удивился Крис, растрепанный и запыхавшийся после выступления.

– У него есть к вам вопросы.

– Какие еще вопросы! – возмутился Крис.

– Не могу знать. Мне велено вас сопровождать.

– Слушайте, капитан не может обождать? Мы сейчас идем в салон, отмечать наш триумф!

– Велено доставить вас срочно.

Сердце на миг перестало биться, а затем застучало глухо и тоскливо. Элли догадалась, зачем их вызывает капитан, и что за телеграмму он получил.

Все кончено. Ее раскрыли. Капитан Ларсен знает правду.

* * *

Луц, топая тяжело и сердито, повел Элли и Криса по коридорам на палубу ниже, в библиотеку.

Элли приказывала себе не паниковать.

Что будет, то и будет. Она знала, на какой риск шла. Еще не все потеряно. Главное – не поддаваться страху.

Но больше, чем страх, Элли терзали стыд и растерянность.

Неважно, как капитан выяснил правду. Важнее другое: что он о ней сейчас думает? Кем считает? Наглой авантюристкой, обманщицей? Или натуральной преступницей? Какая часть правды ему известна? Что ее ждет?

Луц открыл дверь библиотеки, зашел первым и доложил:

– Госпожа Селеста и господин Майер доставлены.

Элли задрала подбородок и шагнула внутрь.

Капитан стоял посреди библиотеки, заложив руки за спину и хмуро смотрел на прибывших.

У Элли упало сердце. Увы, она не ошиблась. Ларсен вызвал их вовсе не затем, чтобы похвалить за прекрасное выступление на концерте.

– Капитан, зачем вы нас пригласили? – со спокойным любопытством поинтересовалась тетя Дженни. Она зашла следом за Элли в сопровождении стюарда, выбрала самое удобное кресло,

уселась в него и достала вязание, как будто заглянула на дружеские посиделки у камина.

– Грег, закройте дверь и проследите, чтобы нас никто не беспокоил, – приказал капитан стюарду, не отвечая на вопрос тети Дженни.

Затем окинул троицу уничижительным взглядом и холодно велел:

– Садитесь.

Элли и Крис опустились в кресла.

Капитан уселся за стол и сцепил руки. Больше в библиотеке никого не было: даже старый библиотекарь куда-то делся.

Тишина казалась зловещей. Капитан не спешил начинать разговор. Из-под насупленных бровей он смотрел на сидящих перед ним людей, и взгляд его не обещал ничего хорошего.

– Капитан, я требую объяснений, – сказала тетя Дженни с достоинством. Ее нервозность выдавало лишь то, что она начала теревить брошь у горла. – Почему нас привели под ваши ясны очи как арестантов?

– Нет, это я требую объяснений! – вдруг громыхнул капитан и хлопнул тяжелой ладонью по столу. Тут же его ледяное спокойствие вернулось к нему, но оно было страшнее его гнева.

– Итак, госпожа Майер, потрудитесь объяснить следующее, – заговорил Ларсен размеренным, официальным тоном. – Вы утверждаете, что эта особа – он коротко кивнул в сторону Элли, – ваша внучатая племянница. И вы приобрели для нее билет в аэровокзале.

– Конечно! – удивилась тетя Дженни. – Какие могут быть сомнения!

– Ваше объяснение показалось мне странным. Я послал радиogramму в офис компании. Но по какой-то причине ответа не получил. Признаться, я не придал этому внимания. Моя ошибка. Был слишком загружен другими делами в первые дни полета.

Тетя Дженни невинно улыбнулась.

Ну да, она обещала поговорить с радистом, вспомнила Элли. Госпожа Майер – мастерица шантажа. Видимо, она каким-то образом хитрилась перехватить неудобную радиogramму.

– Однако сегодня я имел разговор с доктором Гризвольдом, – угрюмо продолжал капитан, все еще избегая смотреть на Элли. – Он попросил встречи и сообщил, что у него есть для меня важная

информация. А именно: по его словам, в пансионате святой Урсулы никогда не училась некая Элли Селеста. Доктор Гризвольд раньше пользовал учениц пансионата. Также ему известно, что у господина Майера, крупного бизнесмена, с которым он сталкивался в благотворительном комитете, нет племянницы с таким именем. Доктор Гризвольд посоветовал мне лучше присмотреться к вам. Еще и потому, что вчера он коротал вечер с господином Майером, и тот за рюмкой рассказал ему историю о своем приятеле, который однажды во время рейса нашел под койкой в каюте безбилетницу. Доктор Гризвольд заподозрил, что история имела место на самом деле, и совсем недавно. И вовсе не с выдуманным приятелем.

Крис втянул голову в плечи и зажмурился, сгорая от стыда.

Глупый болтливый мальчишка, горько подумала Элли. Так и есть: хватил вчера лишку и распустил язык.

– И тогда я лично отправился в радиорубку и послал запрос в контору компании. Велев радисту передать мне ответ немедленно. Я получил его полчаса назад. Итак, ответ компании таков. Билеты на имя госпожи Элли Селесты не приобретались. Она не значится ни в каких списках пассажиров. Вывод напрашивается однозначный.

Элли в отчаянии глянула на своих сообщников. Крис, будучи опытным картежником, быстро пришел в себя и теперь старался держать мину, но у него это плохо получалось. Его глаза бегали из стороны в сторону, кадык дергался вверх и вниз.

Тетя Дженни печально улыбнулась, а потом тяжело вздохнула и заговорила.

– Что ж, капитан, вопросов у вас много и отвечать на них будет непросто. Но я попытаюсь. И прошу: не поддавайтесь гневу и не судите сгоряча. Вы умны и не будете действовать опрометчиво. Попробуйте понять, почему обстоятельства сложились... вот так.

– Пока понимаю одно: вы, почтенная госпожа Майер, решили обвести меня и компанию вокруг пальца. Вы и ваш племянник покрывали преступницу. Нарушили закон. У вас были сообщники в экипаже. Мне нужно знать их имена. Впрочем, я уверен: это второй помощник Пулкинс. И кто-то из стюардов. А также хотелось бы знать: кто вы на самом деле такая, госпожа Селеста? Актриска? Авантюристка? Или, может, воровка, скрывающаяся от полиции? Как вам удалось заставить госпожу и господина Майер помогать вам?

И он, наконец, посмотрел прямо на Элли.

Под его пронизывающим взглядом Элли захотелось стать маленькой и невидимой. Ей никогда в жизни не было так плохо и страшно! И вместе с тем она испытала облегчение.

Ее карта бита. Игра окончена. Но есть шанс! Капитан не знает, что она – беглая артифиса!

Главное – выдержка и хладнокровие.

– Вы рассержены, капитан, и вы правы, – заговорила она спокойным голосом. Но как тяжело давалось ей это спокойствие! – Я действительно обманула вас. Но не только вас. Я обманула второго помощника Пулкинса. Я упростила госпожу Майер и ее племянника помочь мне. Если они в чем-то и виноваты, так только в том, что привыкли делать добро. Пожалуйста, не надо их наказывать. Я готова отвечать за свои поступки.

Она говорила, и в ее груди поднималась мучительная обида.

Выходит, капитан все это время подозревал ее. Он явился на концерт, уже выслушав Гризвольда и отправив радиограмму. Но он улыбался ей, он сделал вид, что рад ее видеть! Он смотрел ее выступление, ни словом ни жестом не дав понять, что считает ее преступницей.

Он тоже вел свою игру и вел очень ловко.

Обман. Все обман.

Не было никакой симпатии. Не было желания пустить ее в свой мир, показать ей его сокровища. Не было и нет никакого романтика Эвклида Ларсена.

Капитан исполнял свой долг. Он присматривался к ней, пытался выяснить, кто она такая на самом деле. И теперь он знает... почти все.

* * *

Капитан внимательно выслушал ее оправдания. Его лицо не смягчилось, и глаза оставались жесткими. Он пододвинул к себе журнал и взял карандаш.

– Элли, послушай... – начала тетя Дженни, но Ларсен поднял ладонь и приказал:

– Помолчите, госпожа Майер. Итак, госпожа Селеста... или как вас там зовут? Рассказывайте все с самого начала. Кто вы, откуда, и с какой целью пробрались на дирижабль.

Элли поежилась от волны холодного гнева, которая шла от капитана.

О, она его понимала – кому понравится, когда его водят за нос! А она поставила под угрозу его авторитет хозяина судна. Целый преступный сговор организовала. Теперь Ларсен не будет знать пощады.

И ей придется продолжать его дурачить. Потому что она будет сражаться за свою свободу и жизнь до последнего.

Элли лихорадочно прикидывала шансы.

Итак, что мы имеем?

Капитану пока неизвестна вся правда о ее природе. Он может дать радиogramму в полицию, чтобы выяснить ее личность.

Это не страшно. Боров Лазарус вряд ли написал заявление о пропаже артифисы. С полицией он не дружит и не захочет привлекать внимание к своему кабаре. А значит, продолжаем игру.

– Элли Селеста – мое настоящее имя, – начала она, тщательно подбирая слова. – Я не преступница и не воровка. Я танцовщица. Выступала в кабаре и на ярмарках. Например, в знаменитом шоу маэстро Морвилля. Можете обратиться к владельцам шоу, они подтвердят.

Пускай посылает радиogramмы хозяйке шоу, Кассандре Моррель! Шоу укатило на гастроли и вернется в столицу не раньше чем через месяц.

– Закон я ни разу не нарушала. Да, у меня нет документов. У меня их украли прямо из гримерки. Восстановить я их не успела, потому что мне пришлось срочно бежать из столицы. Я случайно оказалась в гуще гангстерской разборки и испугалась, что меня захотят убрать как свидетельницу. Поверьте, это более чем реальная угроза.

– Допустим. И что дальше? Как вы пробрались на судно?

– Легко, – Элли пожала плечами. – Вместе с провожающими. Попала в каюту господина Майера. Он и его тетя выслушали мою историю и прониклись ко мне сочувствием. Я сумела их растрогать и сама придумала выдавать себя за племянницу госпожи Майер. Они

поддержали мою выдумку, но лишь потому, что они хорошие люди, капитан...

Крис смотрел на Элли, открыв рот. Тетя Дженни поджала губы и едва заметно покачала головой.

– Второй помощник Пулкинс ничего не знает, – отчаянно продолжала Элли. – Он лишь выполнял свой долг – потакал капризам пассажиров первого класса, как велит ваша транспортная компания. Но он сомневался и хотел поставить вас в известность. Однако я сумела убедить его, что билет у меня есть, он был проверен в аэровокзале при посадке. Я сказала ему, что во время взлета выронила в открытое окно салона сумочку со всеми документами и билетом.

Она искоса глянула на тетю Дженни – догадается ли та предупредить Пулкинса о новой версии, прежде чем капитан будет его допрашивать? Тетя Джейн едва заметно кивнула.

– Я актриса. Я умею быть убедительной, – закончила Элли с отчаянием.

– Да, я это уже понял, – Ларсен, так ничего и не записав, отбросил карандаш и с треском захлопнул журнал.

– Что вы собираетесь со мной делать? – Элли умоляюще посмотрела на капитана.

Какое у него неумолимое лицо! Но он не только рассержен. Он уязвлен. В его светлых глазах плескалась и обида, и гнев, и разочарование.

– Господин Ларсен, прошу, позвольте ей перелететь через океан! – заговорила тетя Дженни. – Вы теперь знаете правду.

– Знаю ли? – обронил Ларсен. – Откуда вы можете быть уверены, что она – та, за кого себя выдает сейчас? Что она говорит правду?

– Поверьте моему опыту и возрасту. Вы еще юноша...

– В первую очередь, я капитан, который отвечает за это судно. И потому я буду действовать согласно предписаниям. Госпожа Селеста отправится под арест. В Сен-Бернадет она покинет «Горгону». Разумеется, я сообщу полиции. Дальше пусть они разбираются.

– Не считаете же вы, что она может представлять угрозу! Это смешно. Она хрупкая девушка, жертва обстоятельств! Капитан, я оплачу ее проезд в каюте первого класса.

– Об этом не может быть и речи. Каковы бы ни были ее обстоятельства, я не собираюсь потакать обманщице и позволять ей

дальше наслаждаться привилегиями первого класса. Она сама выказала желание отвечать за свои поступки – пусть и отвечает.

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

– Грег, отведите госпожу Селесту в каютерку на третьей палубе и запирайте. Там нет иллюминаторов, и обстановка самая скромная.

– Подождите! – Элли вскочила на ноги. – Капитан, позвольте, я отработаю свое пребывание на «Горгоне». Буду делать все, что вы прикажете! Мыть, драить, убирать за животными в трюмах! Пожалуйста, не запирайте меня. Я не выношу закрытых помещений без окон.

Элли стиснула зубы. К глазам подступали слезы. Артифисы редко плачут, но сейчас она была готова разразиться слезами.

– Придумали себе клаустрофобию?

– Нет. Вы же знаете... я вам говорила. Помните, тогда... на галерее.

Ларсен смотрел на нее несколько мучительных секунд, а потом его веки едва заметно дрогнули, а мускулы возле рта напряглись. Он всеми силами старается сохранять хладнокровие, поняла Элли.

Однако он не так невозмутим, каким хочет казаться.

Он тоже вспоминает ту ночь под звездами, догадалась она. Вспоминает и думает: что из того, что я говорила ему, было правдой? Что было игрой, а что истиной? Он думает, что я притворялась и продолжаю притворяться.

– Вы не верите ни одному моему слову, так? – горько сказала Элли. – Что ж, я это заслужила. Но пожалуйста, позвольте мне искупить свой проступок трудом. Я готова делать все что угодно. Мыть, убирать, стирать! Я могу быть горничной и судомойкой. Пожалуйста, дайте мне добраться до Федеративных Земель. Не высаживайте меня в Сен-Бернадет!

Капитан отвернулся и дал знак стюарду увести ее.

Глава 11

Стюард открыл дверь и сделал приглашающий жест. Чуть менее любезный, чем обычно. Он означал: «Пожалуйста на выход, презренная обманщица!»

Элли направилась в коридор.

Капитан холодно наблюдал за ней.

И тут ее как толкнуло.

Она обернулась, приложила руки к груди и горячо заговорила.

– Эвклид... капитан Ларсен, – поправилась она, увидев, как дернулся уголок его рта. – Пожалуйста, простите меня. Мне очень, очень жаль. Поверьте, я не хотела... если бы обстоятельства сложились иначе...

– Блестящая речь, сударыня, – оборвал ее капитан. – Великолепно сыграно. Какая мелодрама в голосе! Вы, безусловно, талантливая артистка.

Элли обожгло презрением, которое прозвучало в его последнем слове.

– Но довольно. У стюарда много дел. Не задерживайте его. И не вздумайте пудрить мозги экипажу, пока будете сидеть под арестом. Не пытайтесь открыть замок шпилькой и сбежать. Иначе переведу вас в карцер в трюме.

– Идемте, барышня, – стюард потянул ее за локоть. Элли сердито вырвалась и пошла вперед, глотая слезы.

Они шли по коридорам и переходам на нижнюю палубу, и встречные члены экипажа поглядывали на Элли безо всякого сочувствия, со скрытым злорадством. Видимо, они уже узнали о позорном разоблачении пассажирки первого класса. Ну надо же, светская дамочка оказалась проходимкой! Вот умора! Ее сдадут полиции! Что ж, поделом ей.

– Сюда, – стюард открыл узкую дверь.

Элли вошла в свое новое пристанище и содрогнулась.

Комнатка оказалась крошечной и пустой. Кроме койки, застеленной жестким матрасом и грубым одеялом, в ней ничего не было. Под потолком гудела и моргала тусклая лампочка.

Дверь захлопнулась, отрезая свет и голоса в коридоре.

Элли повернулась направо, налево, посмотрела вверх. Мышцы живота сжались, под ложечкой противно засосало.

Элли зажмурилась и помотала головой.

Тесное, унылое помещение... без окон. Это ее тюрьма. Ей придется сидеть здесь, пока капитан не передаст ее полиции.

Все кончено. Она попалась.

От этих мыслей в ушах зазвенело, а легким стало не хватать воздуха.

Элли поскорей открыла глаза. За эти несколько минут стены как будто сдвинулись теснее, а потолок опустился.

Ее начала захлестывать паника. Она метнулась к двери и уже занесла кулак, чтобы стучать, кричать, звать на помощь, умолять выпустить!

...Но сдержалась.

– Спокойно, – сказала она вслух. – Это всего лишь комната без окон. Мир за ее стенами никуда не делся. Небо, океан, облака, солнце, люди – они там, и я к ним скоро вернусь.

Стараясь дышать спокойно и размеренно, она легла на койку и закрыла глаза.

Ничего. Это не темный подвал в «Электрической стрекозе», где однажды ее запер Боров Лазарус в наказание за дерзость.

Все работники кабаре знали, что в тот подвал Боров приглашает недругов для ведения переговоров. Гостей приводили в наручниках, с мешком на голове. И далеко не все они покидали подвал на своих двоих. Некоторые из них так и остались лежать под земляным полом.

В тот раз Элли чуть с ума не сошла. Ей казалось, что ее похоронили заживо.

Но теперь она в небе! Пусть в темнице – но в небе, а не под землей! Сквозь переборки доносится гудение моторов. Мирное, успокаивающее. «Горгона» – она ведь почти живая. Она несется среди облаков.

Потом Элли думала о бескрайних просторах, изумрудных волнах. Представляла дуновение ветерка на лице, свежий аромат ветра. И прикосновение дружеской руки.

Крепкой, сильной руки Эвклида Ларсена.

О, он больше ей не друг! Будь он ее другом, разве стал бы он запереть ее под арест? Подумаешь, ужасное преступление – пробралась на борт без билета! Она же никого не убила и не ограбила.

Она всего лишь обманула.

Но у нее не было выхода! И она до сих пор не может рассказать правду. Если станет известно, что капитан сознательно укрывал беглую артифису, его тоже накажут. У него будут серьезные неприятности на службе.

Но, может, все же рассказать? Понадеяться на его человечность, хладнокровие и умение держать язык за зубами?

Надо подумать. Результат может быть катастрофическим. Капитан не любит артифисов. Все станет еще хуже, если он узнает о ее истинной природе.

Элли закрыла лицо ладонями и крепко стиснула зубы. Плохо. Все очень-очень плохо.

Ничего у нее не выйдет. Ее вернут хозяину. Она никогда не вырвется от Борова Лазаруса. В ее истории не будет счастливого конца. Однажды она навсегда останется в подвале кабаре.

Элли натянула жесткое одеяло на голову и закрыла глаза. Что толку теперь терзаться! Утро вечера мудренее. Надо заснуть.

* * *

Утром Элли проснулась с огромным ощущением беды. А когда вспомнила, что произошло вчера, чуть не заплакала. Впервые ей не хотелось выбираться из койки. Да и зачем?

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, из коридора позвал голос матроса Луца:

– Эй, вы! Как вас там... госпожа Селеста?

– Элли. Зови меня Элли. Никакая я не госпожа.

Она села и пригладила волосы.

– Капитан решил отправить вас на камбуз, – Луц сунул лицо в проем и ухмыльнулся. – Вы три дня бесплатно со всеми летели, капитан сказал, пусть отрабатывает. И сказал, если откажетесь – переселит вас из каптерки в холодный трюм и урежет порцию.

Элли мигом вскочила.

– Я не откажусь! Я буду усердно работать! Значит, капитан решил позволить мне лететь до Федератов? Я буду частью экипажа?

Луц глянул на нее оценивающе.

– Не знаю. Вряд ли. Какой из вас член экипажа! Вы же мошенница. Нам проходимцы не нужны. Своих хватает.

Элли горько вздохнула.

– Ничего, поработайте немного ручками. Посмотрите, каково приходится тем, кто вас обслуживал, пока вы в салоне цветочки нюхали да по сцене порхали.

– Я не заслужила вашей грубости, Луц, – мягко сказала она. – И я очень рада, что капитан дал мне шанс выйти из темницы. Передайте ему мою благодарность!

– Вы сначала поработайте смену на камбузе под присмотром Тильды, а потом благодарите, – куда добродушнее заметил Луц. – Там работенка не сахар. По мне так лучше без дела в каптерке сидеть, хоть и под замком.

* * *

Пока Элли умывалась и переодевалась, Луц терпеливо ждал в коридоре. Он принес саквояж с ее вещами. Элли надела самую простую одежду, которая у нее была: юбку и белую блузку.

Вышла из каптерки и радостно улыбнулась. Казалось, вечность прошла с того момента, как ее заперли. Как хорошо вновь очутиться на свободе! Пусть свобода и ограничена узкими коридорами.

– Идем на камбуз! – объявил Луц. – Там вас накормят завтраком и приставят к делу. Рук на дирижабле не хватает. Вчера судомойка и горничная слегли с простудой. Вы работать-то хоть умеете?

– Я не боюсь работы.

– Ну-ну...

Двери распахнулись, и на Элли обрушилась лавина кухонных запахов.

Звучали отрывистые команды, ножи грозно стучали, клокотала вода в котлах. Шум, гам, суета!

Даже на кухне кабаре она не видела такого. Там готовили лишь легкие закуски, готовили не торопясь, с ленцой. Да чего в кабаре

готовить: нарезал сыр, насыпал орешки, подать побольше пива – клиентам сойдет!

Тут у кухонной команды задача посложнее – накормить триста пассажиров и команду, которая делает тяжелую работу и должна питаться хорошо.

– Это кто тут у нас такой красивый стоит, чистенький да беленький? – спросил зычный женский голос.

Элли повернулась, вздрогнула и отступила на шаг. Ей в грудь уткнулось острие огромного тесака.

Его держала мясистая рука госпожи Матильды. Распаренное лицо шеф-кока блестело от пота, черные глаза грозно сверкали.

– Доброе утро! – настороженно поздоровалась Элли. – Меня отправили к вам работать.

Госпожа Матильда убрала нож и, коротко размахнувшись, вонзила его в колоду для рубки мяса.

На кухне наступила тишина. Повара и судомойки изучали прибывшую.

Элли заробела. Заробела! Она, смелая и дерзкая артифиса!

Она не боялась выходить на сцену и перечить Борову Лазарусу. Присутствовала при гангстерских разборках и пьяных драках!

Но тогда ее не волновало мнение окружающих. А теперь ей отчего-то очень хотелось не разочаровать ее новых знакомых. А ведь в их глазах она – мошенница, жулик, любительница легкой жизни. Пустоголовая, наглая вертихвостка!

Шеф-кок уперла обе руки в бока, осмотрела Элли и выразительно цыкнула.

– Как же, слышаны. Артистка, которая морочила капитану голову и изображала из себя барыню в первом классе. Ну ладно. Посмотрим, на что ты годишься... артисточка. Тут тебе не по сцене скакать да ресничками хлопать. Тут работать надо. Надевай фартук и вставай к раковине. Будешь мыть посуду.

Элли вздохнула и не стала пререкаться. Завтраком ее накормить забыли, да и ладно – аппетита все равно нет.

Однако встретили ее недружелюбно. Как будто она Матильде личную обиду нанесла! Наверное, команда горой стоит за капитана. И теперь они будут на ней отыгрываться за его унижение.

– Перчатки надень, красотка. А то испортишь свои розовые ноготки, – на стол перед Элли шлепнулась пара каучуковых перчаток.

– Спасибо, – Элли медленно повязала фартук, натянула перчатки и встала к раковине.

Слева и справа возвышались колонны грязных тарелок. Жирные, с остатками подливы, и недоеденными кусками омлета. Первая смена пассажиров уже плотно позавтракала.

– Не вздумай разбить! – гаркнула ей в ухо госпожа Матильда и помахала у Элли перед носом толстым пальцем. – Отходы вываливай сюда.

Палец ткнул в жестяной бак, откуда несло тошнотворной смесью ароматов.

– Воду понапрасну не трать: набери раковину и мой. Потом добавляешь во вторую раковину каплю нашатыря, ополаскиваешь и вытираешь салфеткой. Поняла?

– Поняла.

– Работай!

Элли осторожно сжала щетку, взяла большую тарелку и покрутила ее перед глазами.

Конечно, ей доводилось раньше мыть посуду. Ну как, мыть... Когда она жила в доме мастера Фукса, иногда ополаскивала чайный сервиз. В доме Фукса не готовили – ему приносили еду из забегаловки, или он сам отпрашивался перекусить в таверну.

На кухню в кабаре она заглядывала, лишь чтобы поболтать с поварами.

Вокруг Элли все трудились в поте лица. Бегали, весело переговаривались, гремели посудой. На арестантку больше никто не обращал внимания – разве что бросали косые взгляды, как будто она была прокаженной. Элли стало совсем неудобно.

Но она вздохнула и мужественно принялась за работу.

Все правильно – надо трудом искупить обман. Хоть немного! И она больше не взаперти, не в одиночестве. Она среди людей – простых и честных работяг. Может, ей удастся потом обзавестись среди них союзниками!

Набрала полную раковину воды и принялась скрести тарелку.

– Быстрее! – приказал ей хмурый конопатый парень в белой шапке набекрень. – Чего возишься, как сонная муха!

И водрузил на поставку еще одну башню тарелок.
Элли начала усерднее возить щеткой.
Ничего сложного! Артифисы быстро учатся, и они ловкие.
И нечего на нее гаркать! Она им не светская белоручка.
Мыть тарелки даже весело! Нет времени думать о горьких вещах.
Ловким движением смахнуть объедки. Тарелку быстро под воду – поскрести щеткой. Окунуть во вторую раковину – сполоснуть. Чистой салфеткой протереть до блеска.

Руки Элли мелькали все быстрее и быстрее. Она ухватила ритм. Потихоньку напевала песенку и пританцовывала, чтобы дело шло веселее. Стопка чистых тарелок росла. Элли стало жарко, пот застилал глаза, но она улыбалась.

Вот как умеют работать артифисы!

Конопатый парень прикатил вторую тележку с посудой.

– А где грязные тарелки? – грозно спросил он. – Ты их что, не помыла и так убрала? Стоишь тут танцуешь, стрекоза рыжая!

– Все готово, – Элли показала на результат своих трудов.

– За десять минут?! – поразился парень. – Кончай заливать!

Он снял верхнюю тарелку, приблизил к глазам и провел пальцем по дну тарелки. Фарфор весело скрипнул.

– Чистая... – удивился парень. – Ладно, неси тарелки в буфет. Тут потом закончишь. Буфет там, за овощным цехом, – он показал в конец длинного зала.

* * *

Тележку ей не дали. Элли нагрузила поднос тарелками и смело двинулась вперед.

Ха, почти номер с балансированием шарами. Однажды она ассистировала гастролирующему жонглеру Мальволио и быстро ухватила некоторые основы его ремесла.

– Куда столько потащила! – упрекнул ее конопатый. – Уронишь!

– Я справлюсь!

Элли лавировала между кухонными работниками, продолжая мурлыкать песенку.

Слева скворчало, справа шипело, за спиной бранились из-за порезанной моркови. Жар от печей обжигал щеки, волосы слипались от пара, и нужно было следить, чтобы никого не толкнуть и поскользнуться.

Да, пожалуй, танцевать на сцене проще! Как повара выдерживают целый день в такой обстановке? А ведь они обычные люди, не артифисы. У них нет ее выносливости и ловкости.

Люди куда крепче, чем кажутся!

Элли почти достигла буфета, когда произошло несчастье. Мордатый повар за столом справа шинковал капусту. Увлечшись, он смахнул локтем на пол подгнивший капустный лист и тот упал прямо под ноги Элли.

Лист мерзко хрустнул под ее подошвой. Нога поехала вперед, и Элли потеряла равновесие. Тарелки на миг взмыли в воздух, поднос полетел в сторону.

– Лови, лови! – завопил кто-то сзади. – Растяпа криворукая!

Время словно остановилось. Повар замер с поднятым тесаком, его лицо исказил ужас. Конопатый парнишка втянул голову в плечи и присел, ожидая шрапнели осколков.

А Элли почувствовала себя на сцене. Вот жонглер бросает в нее шары, блестящие диски и горящие факелы. Канат ходит под ногами. Публика в восторге, публика рукоплещет!

Сейчас рукоплесканий не было. Были вздохи ужаса и произнесенные шепотом ругательства.

Не думая, Элли сделала выпад и поймала первую тарелку. Затем молниеносно перехватила вторую. Третья тарелка приземлилась на локоть – легкое движение, и тарелка скользнула в стопку. Четвертая, пятая, шестая...

Их Элли поймала, красиво упав на колени.

А последняя тарелка грохнулась на пол и со звоном разлетелась на осколки.

– На счастье! – растерянно произнесла Элли, тяжело дыша и стараясь не растянуться на полу носом вниз. В ее руках было две ровные стопки тарелок.

Она с трудом сдерживала желание поклониться публике.

Повар уронил тесак и захлопал.

– Bravo! – прогудел он.

Остальные отмерли и шумно заговорили.

– Ничего себе!

– Вот так фокус! Ну ты даешь, сестренка!

– Ловкая, чертовка!

– Повтори на бис!

– Я вот вам повторю! – вмешалась Матильда. Она широким шагом подошла к Элли и поцокала языком, глядя на осколки.

– Фарфоровая тарелка с позолотой! – трагично сообщила она. – Уже третья за рейс.

– Девчонка не виновата, – вступился за Элли конопатый. – Это Фриц, скотина криворукая, капусту упустил!

– Простите, – промямлил Фриц.

– Тебя не учили правильно шинковать, олух! – набросилась на него Тильда. – Уж я тебя поучу поварешкой по лбу! А ты... – она повернулась к Элли. – Быстро отнеси тарелки в буфет, и без своих кабацких фокусов! Потом бери веник и подмети. А потом... – она хмуро оглядела Элли. – Начистишь картошки.

– Хватит глазеть! – заорала Тильда на подчиненных. – Скоро механики обедать пойдут! Давай, жарь-вари, лентяи, половник вам в пасть!

Элли донесла тарелки до буфета без происшествий. Но сердце ее все еще громко колотилось.

Она нашла веник и совок, тщательно смела осколки, уворачиваясь от чужих ног, которые лихорадочно топали по кухне туда-сюда.

– А где картошку чистить? – спросила она у овощереза Фрица, которого уже считала хорошим знакомым. Ведь они вместе попали в переделку из-за его капусты. Ничто так не сближает людей, как выговор на двоих.

– Тут, – Фриц отвел ее в закуток, где стояло ведро с водой, и вручил тонкий ножик. – Вот этот мешок надо начистить. Завтра господам первого класса подаем на гарнир герцогский картофель со сливками и мускатом, а парням из экипажа – просто запеченную.

Элли в ужасе уставилась на мешок высотой ей по пояс.

– Э-э-э... все это почистить?

– Ну да! Тут немного. Чистить умеешь? – спросил Фриц с подозрением.

Элли никогда в жизни не имела дела с сырым картофелем.

– Да, умею! – браво ответила она.

Фриц вздохнул и с жалостью посмотрел на ее гладкие белые руки.

– Срезай тоненько, но не очень. Держи нож лезвием к себе. Двигай к большому пальцу. Палец только себе не отхвати, артистка.

– Я как-то жонглировала двумя ножами и танцевала канкан, – зачем-то сообщила Элли Фрицу.

– Подумаешь! – тот пренебрежительно махнул громадной рукой. – А я могу танцевать чечетку и при этом лепить пирожки с закрытыми глазами.

– Ого! – уважительно удивилась Элли и села на табурет.

Первые четыре клубня под ее ножом превратились в кубики, а Элли получила выговор от Тильды. Незаслуженный, потому что в тот момент она уже чистила пятую картошку и поняла технику. Картофелина получилась гладенькая, ровная, круглая.

Элли метко запульнула ее в ведро.

Хорошо, что у артифисов отлично развита мелкая моторика! Человеку понадобится куда больше времени, чтобы овладеть всеми тайнами снятия шкурки с овощей.

Но через час ловкие руки артифисы заболели, большой палец свело судорогой, ладони занемели от холодной воды, а спина заныла от неудобной позы.

– Ничего, – пробормотала Элли сквозь стиснутые зубы. – Вы еще не знаете, что такое механическая девушка из кабаре. Меня картошкой не возьмешь!

Она посидела минуту, выпрямившись и разминая пальцы.

– Устала? – спросил Фриц, хлюпая носом и вытирая слезы – он чистил лук. – С непривычки бывает. Ты встань, чисти стоя. Все разнообразие.

Элли послушалась. Да, неплохой совет – хоть ноги размять. Но нагибаться к мешку каждый раз неудобно.

Она вспомнила еще один трюк из танцевального номера. Артистка мыском туфли цепляет лежащий на сцене цилиндр, подбрасывает его в воздух и надевает. А потом таким же эффектным образом подхватывает черные очки и тросточку.

Интересно, с картофелем сработает?

Воровато огляделась – на нее никто не смотрел. Элли высыпала на пол несколько картофелин. Легко катнула картофелину к себе

подошвой, стремительно подцепила мыском туфли и толкнула вверх.

Оп-ля!

Картофелина как по волшебству взлетела в воздух и оказалась в ее ладони. Элли широко заулыбалась. Тело помнит нужные движения!

Через секунду картофелина лишилась шкурки и полетела в ведро с водой.

Дальше дело пошло как по маслу.

Чтобы было веселее работать, Элли добавила в трюк новые детали. Кидала очищенный картофель в ведро через плечо, через локоть. Очистив сразу три картофелины, вспомнила и выполнила и другие жонглерские трюки: фонтан, каскад, барраж...

Старый жонглер Мальволио был бы ей доволен!

Она так увлеклась, что не заметила, как голоса вокруг стихли.

Она бросила последнюю картофелину в ведро, шумно выдохнула и поклонилась ведру.

Грянули аплодисменты.

Элли растерянно огляделась.

Ей хлопали повара, судомойки, официанты. Только шеф-кок Матильда не хлопала. Она смотрела на нее с подозрением.

– Ну и цирк! – смеялись кухонные работники. – Кабаре «Жарь-вари»!

– А морковкой так можешь жонглировать?

– Морковкой каждый дурак сможет! Пусть попробует оладьями.

– Братцы, это что выходит – она за час пятьдесят фунтов картохи начистила? – удивился мордатый Фриц.

– Я видел, как она это делала – строчила, как заведенная! – засмеялся конопатый.

– Слушай, ты вообще человек? Или автоматон?

– Я человек! – испугалась Элли. – У нас в кабаре все такие. Работа на сцене развивает ловкость и сообразительность.

– Ты завтракала, ловкачка-циркачка? – мрачно спросила у нее Матильда. – Иди, отдохни. Садись туда и ешь – она показала на столик в углу, где на тарелке лежали бутерброды.

Элли с облегчением сняла фартук и отправилась мыть руки. Как же она устала!

И до этого она думала, что работа в кабаре – тяжелый труд! Выходит, не знала она пока тяжелого труда. На кухне никакой

автоматон не сдюжит. Тут нужны человеческая сообразительность, ловкость и терпение. И творческий подход!

Хорошо, что она все же почти человек. Иначе сдулась бы в первые же минуты.

Глава 12

Элли подкрепилась бутербродами, которые показались ей вкуснее изысканных яств, что подавали в столовой первого класса. Долго рассиживаться за чаем ей не дали – работы на кухне было невпроворот.

Но Элли взялась за нее с охотой. Ей внезапно понравилось крутиться среди одновременно веселых и сердитых поваров, слушать шутки и добродушные перебранки.

Кухонная суэта набирала обороты. Кастрюли клокотали, как вулканы. Вентиляторы яростно гудели, но не справлялись с чадом. Конопатый Ральф носился с подносами так быстро, что его конопушки за ним не поспевали. Мордатый Фриц яростно кромсал сельдерей. Матильда жарила блинчики сразу на пяти сковородах, и подбрасывала их в воздух так ловко, что Элли позавидовала.

Раньше Элли не приходилось быть частью команды и вместе с другими людьми делать тяжелую, но нужную работу, которая приносила немедленный результат. Новое чувство захватило ее.

К тому же после трюка с тарелками и картошкой отношение к ней изменилось. Над Элли весело подтрунивали, придумывали ей разные прозвища. Особенно ей понравились «картофельная жонглерка», «Элли – тарелки уцелели» и «быстромойка».

А Элли любое поручение выполняла быстро, с огоньком.

– Ты за десятерых работать можешь, – похвалил ее мордатый Фриц. – Чтоб мы без тебя делали!

Элли зарделась и с удвоенной энергией замахала тряпкой, протирая столы.

– Вот бы тебя у нас до конца рейса оставили, – продолжал рассуждать Фриц. – Мне помощница нужна. Я поговорю с Матильдой, а та пусть поговорит с капитаном.

– Да, пожалуйста! – взмолилась Элли. – Мне тоже хочется остаться с вами. Но капитан грозился высадить меня и передать полиции.

Фриц вздохнул.

– Если грозился – то так и сделает. Но если кто-то его сможет уговорить, так это наша шеф-кок. Он ее уважает. Ты старайся, работай! И все получится.

И Элли старалась. Подметала пол, мыла посуду, резала морковь и петрушку. Оптимизма прибавлялось с каждой минутой.

Теперь ее грела надежда, что все обойдется, и Ларсен смилостивится и позволит ей остаться на «Горгоне» до конца рейса.

Все-таки ей надо еще раз с ним поговорить! Но как это теперь сделать? Вряд ли капитан решит зайти на камбуз, чтобы сказать «привет» и проверить, как у нее дела.

Элли разговорилась со второй судомойкой, черноглазой смешливой Гильдой.

Пока отмывались кастрюля и соусники, Гильда успела поведать все о скрытой от пассажиров жизни «Горгоны»: кто из команды с кем дружит, с кем враждует, кто из горничных в кого влюблен, и где именно старший бортмеханик прячется во время вахты, чтобы дать храпака подальше от глаз капитана.

– Тебе нравится работать с Ларсеном? Он строгий капитан? – спросила Элли.

– Я с ним нечасто сталкиваюсь, – пожала плечами Гильда. – Наша начальница – Матильда. Его место на мостике, наше – на камбузе. Но капитан молодец. Строгий, но справедливый. Всех членов экипажа знает в лицо, знает, у кого какие проблемы. Он о нас заботится. Да, он отличный парень. И красивый! Да еще и неженатый.

Гильда озорно подмигнула Элли.

– Но горничным и судомойкам, конечно, рассчитывать не на что. А вот пассажирки – те в лепешку расшибаются, чтобы его окрутить. Одной удалось несколько лет назад. Знаешь певичку Като Лефевр?

– Да. Видела ее выступление в мюзик-холле, – у Элли дрогнула рука, и она чуть не разбила фарфоровое блюдо с птичкой. – Она была его возлюбленной?

– Была да сплыла! – Гильда выразительно махнула тряпкой, пустив Элли в лицо россыпь брызг. – Дала ему от ворот поворот прямо накануне отлета. Ларсен зашел к ней в гримерную и застал ее с богатым ухажером. А капитану наутро нужно было отправляться в сложный рейс...

– И что же случилось? – Элли затаила дыхание. Тарелка выскользнула из ее рук и утонула в мутной воде.

– Ничего хорошего. Ларсену поручили возглавить спасательную операцию – вести аэростат в горы и забрать аэронавтов, потерпевших крушение. Но руководство прознало, что он в расстроенных чувствах. Доктор дал ему отвод. Ларсена сняли с операции, хоть он и рвался в небо. Вместо него послали другого... и все кончилось плохо. Тот, второй капитан, был неопытный. Он и потерпевших не спас, и аэростат угробил, и сам погиб. Капитан потом долго молчаливый и злой ходил. Зря компания его заменила. Ларсен никогда не теряет хладнокровия. Даже если он влюблен. Даже если ему разбили сердце. Он бы справился. Долг для него превыше всего.

– Ужас, – пробормотала Элли.

– Но после той истории капитан Ларсен с пассажирками шурымуры не заводит. Ни-ни! Наверное, он сильно любил ту певичку.

– Если он умеет любить...

– Все люди умеют любить, – удивилась Гильда. – И не только люди! Наш бортмеханик Бумброк утверждает, что моторы его любят. И это верно! Они его слушаются и никогда не барахлят.

– Да. Механизмы тоже умеют любить. Я это точно знаю.

– Ты классная девчонка! – воскликнула Гильда. – Слушай, а научи меня жонглировать? Только не картошкой. Апельсинами! Это как-то благороднее.

– Обязательно научу, – пообещала Элли.

– Девчонки, а ну хорош болтать! Языки оторву! – пригрозила Матильда, и Элли снова впряглась в работу.

К концу дня у нее дрожали ноги и руки, но настроение было веселое.

Интересно, как там тетя Дженни и Крис? Пулкинс и Фанни?

Тетя Дженни не пришла проведать ее, а Крис не явился на камбуз, чтобы извиниться за свой длинный язык. Наверное, они уже про нее забыли. Элли стало досадно.

Ну и ладно. У нее теперь новая компания. И она ничуть не хуже, чем пассажиры первого класса.

У входа в камбуз разгорелась перебранка.

– Кому говорю, бери чан и иди! – грозно орала Матильда.

– Не пойду! – упрямылся матрос Луц. – У меня от големов мурашки по коже. Я не подряжался монстрам фураж таскать! Я вообще-то у тебя не на побегушках. Пусть вон Ральф или Фриц идет!

– Они мне на камбузе нужны. Не видишь, сколько у нас работы? А ты без дела по коридору шатаешься. Всем надо питаться – и людям, и големам! На судне Матильды никто не должен остаться голодным.

– Пусть тогда она идет! – Луц заметил Элли и ткнул в нее пальцем.

– Надо отнести в трюм еду? – догадалась Элли. – Для живого груза? Давайте, я сделаю. Мне несложно.

Шеф-кок посмотрела на нее с подозрением.

– А ты ничего эдакого не выкинешь? Ты же арестантка.

– Думаете, отращу крылышки и сбегу с дирижабля?

– Ну да, бежать тебе некуда. Ладно, бери, – Матильда показала на чан, в котором лежали коричневые кубики.

– Тигров уже покормили. Это для големов. Отнеси им. Луц объяснит, что к чему. Силенок-то хватит чан поднять?

Элли осторожно подняла чан. Тяжелый, неудобный, но нести можно.

– Я помогу, – хмуро сказал Луц и забрал у нее из рук чан.

– Одна нога тут, другая там. По коридорам не шлейся без дела! И капитану на глаза лучше не попадайся.

– Слушаюсь, – пробормотала Элли.

Луц шагал по коридорам с угрюмой сосредоточенностью. У входа в трюм он передал ей чан, содержимое которого пахло водорослями, и сказал:

– Дальше ты сама. У големов на пузе есть дверца. Нажмешь на край, она откроется. Пихнешь внутрь два кубика. Ртов-то у големов нет, видимость одна.

– Я знаю, как это делается.

Элли осторожно спустилась по узкой лесенке.

Красноватые спирали ламп не могли разогнать темноту, и она пряталась по углам. Отсеки казались мрачными пещерами. Элли поежилась, но мужественно продолжила путь.

Далеко гудели двигатели. Равномерно ухали поршни в моторах. Шаги Элли были почти не слышны на каучуковых дорожках.

Но тут донесся новый звук. Элли вздрогнула от неожиданности. Ей показалось, что кто-то громко и зловеще клацнул зубами.

Может, тигр вырвался на свободу? Элли не боялась диких зверей, но не стоит проверять, придется ли по вкусу тигру одна артифиса, или же он сломает зуб о ее шестеренки.

Из теней за поворотом выступила высокая тощая фигура в черном одеянии. В тусклом свете ламп лицо доктора Гризвольда казалось мертвенно-бледным.

– Что вы тут делаете? – осведомился доктор сухим тоном и опять щелкнул вставной челюстью.

– Отрабатываю провинность, – ядовито ответила Элли. – Меня выпустили из-под ареста и послали накормить големов.

Доктор неслышно приблизился, выудил коричневый кубик из чана и задумчиво растер тонкими пальцами.

– В будущем репликаторы смогут создать големов, не нуждающихся в белковой пище, – заметил он. – Когда найдут другие, мощные источники энергии.

– Прекрасная перспектива. Дайте пройти, господин Ябеда, – сердито перебила его Элли.

Доктор неторопливо стряхнул с пальцев коричневую пыль и достал платок.

– Не надо обзывать, сударыня. Я был обязан сообщить капитану о своих подозрениях.

– И теперь меня по вашей милости, того и гляди, выбросят вниз без парашюта.

– Вы обманули капитана, экипаж и компанию.

– Спасибо, что просветили!

Элли постаралась протиснуться мимо доктора. Гризвольд больно ухватил ее за запястье.

– Что вы делаете! Пустите меня!

Она толкнула его чаном в живот, но доктор даже и не поморщился. Он протянул вторую руку и крепко ухватил ее за горло. Его пальцы были жесткими и холодными. На его сухой физиономии застыло мирное, полное любопытства выражение, как у ребенка, который собирается оторвать бабочке крыло.

Элли сдавленно охнула и попыталась ударить его ногой.

Да он форменный псих!

Она открыла рот и приготовилась звать на помощь, но доктор внезапно отпустил ее и убрал руки за спину.

– Так я и думал, – сказал он и улыбнулся бескровными губами. – Характерный ритм пульса. Механическое биение отлично прослушивается на ваших ключицах. Вы артифиса!

Элли медленно поставила тяжелый чан на пол, выпрямилась и посмотрела на доктора в упор.

– И что с того? – сказала она яростно. – Что вы теперь будете делать? Опять побежите стучать капитану? Знаете, что со мной сотворит хозяин, когда меня вернут ему?

– Догадываюсь, что вам придется несладко, – спокойно заметил доктор. – Вы не первая артифиса, которая хочет получить свободу.

– Да! Я хочу быть хозяйкой своей судьбы! Потому что я не электробритва, не кофеварка и не ярмарочный автоматон. Я человек!

– Знаю. У вас есть некоторые механические органы, жизненную энергию вам дает кристалл с чужой аурой, но в остальном вы обычная девушка.

– Но не в глазах закона!

– Законы часто страдают от косоглазия. Послушайте, госпожа Селеста, я должен был рассказать капитану о том, что вы – безбилетница и мошенница. Но рассказывать ему о вашей природе я не собираюсь.

– Точно? – недоверчиво спросила Элли.

– Клянусь своим стетоскопом, – доктор криво улыбнулся. – Но я бы хотел попросить вас об одной услуге. Позвольте мне исследовать вас.

– Что?! В каком это смысле – исследовать?

– Меня всегда интересовали создания, подобные вам. В которых живое и неживое действуют, как одно целое. Големы, артифисы. Одно время я входил в команду, которая занималась разработкой таких существ. Мне пришлось уйти оттуда из-за разногласий с руководством. Но мой интерес не угас.

– Я не хочу быть объектом ваших исследований!

Элли подняла чан и собралась идти дальше. Доктор отступил, давая ей дорогу.

– Если передумаете, я буду ждать вас в медотсеке. Поверьте, такое сотрудничество в ваших интересах.

Элли ушла не оглянувшись. Она была так взволнована, что вряд ли могла продолжать разговор. Ей нужно было побыть одной и обо всем хорошенько подумать.

Были ли последние слова доктора угрозой? Если она не придет к нему и не даст исследовать себя, он на нее донесет? Что ей теперь делать?

Вот еще вопрос: почему доктора занесло сюда, в трюмы? Чем он здесь занимался, когда встретил ее?

* * *

Проходя через отсек с цирковыми животными, Элли ненадолго задержалась у клеток.

У тигров после обеда был тихий час. Но Раджа почувствовал присутствие гостыи: он дернул ухом и приоткрыл желтые глаза.

– Кис-кис-кис, – тихо позвала его Элли с улыбкой. – Ах ты мой красивый!

Тигр перевернулся на спину и лениво потянулся, давая полюбоваться мехом на пузе.

Ну точь-в-точь как кот Фил, который жил у мастера Фукса! Интересно, что с ним случилось? Кто его забрал после того, как дом мастера был продан? Может, Фил сейчас живет на улице, голодный, бесприютный...

Элли тяжело вздохнула и отправилась дальше. Кот Фил – еще один друг, которого она потеряла. Не так уж много у нее было друзей в жизни.

– Привет, ребята! – Элли со стуком поставила чан у отсека и заглянула за перегородку.

В тених зашевелились крупные фигуры. Големы один за одним медленно подошли к перегородке и выстроились в очередь. Они покорно ждали. Как нищие дети в приюте. И такие же беспомощные, несмотря на всю их мощь.

– Сейчас, сейчас... – засуетилась Элли. – Ешьте, ребята, набирайтесь сил.

Она быстро выполнила все необходимые операции. Ей часто приходилось помогать мастеру Фуксу, когда тот обслуживал големов в

своей мастерской.

Големы один за другим отходили от перегородки и замирали у стены. После того как они получали свою порцию, в их внутренностях начинало тихо жужжать и постукивать.

Но один голем остался стоять лицом к лицу с Элли. Она его узнала – у него на нагрудной пластине была длинная царапина, которую никто не утрудился заполировать. Именно с этим големом она общалась в день экскурсии.

Элли похлопала его по плечу.

– Можно, я буду звать тебя Миком? – спросила она. – Так звали другого моего друга, голема. Он служил охранником в кабаре. Он очень храбрый. Ты тоже храбрый парень, да?

Стеклянные глаза голема смотрели прямо на Элли, и ей казалось, что железный монстр всматривается в нее с любопытством, пытаясь понять, кто перед ним – друг или враг.

Издали донесся низкий рык – тигры проснулись.

Голем медленно протянул руку и вопросительно склонил голову к плечу.

– Там везут цирковых животных, – объяснила Элли. Наверное, она правильно истолковала его жест? Мику любопытно. – Ты с ними знаком. Ты же служил в цирке, да?

Голем едва заметно кивнул.

Он сказал ей «да»! Ну как можно утверждать, что големы не мыслят и не испытывают эмоций? Все они понимают!

– Ты по ним скучаешь, – сказала Элли. – Понимаю. Тебя везут неизвестно куда... и неизвестно, что тебя ждет.

Она со вздохом села на корточки и прислонилась плечом к переборке.

– Ничего, Мик, все будет хорошо...

Голем переступил с ноги на ногу и немного наклонился, чтобы лучше видеть Элли.

– А у меня беда, Мик, – продолжала Элли. – Меня скоро высадят с дирижабля и сдадут полиции.

Она горько покачала головой и продолжала говорить. Мик терпеливо слушал.

– Капитан Ларсен очень сердит на меня. И мне от этого плохо. Понимаешь Мик, сначала он показался мне добрым. Мне нравилось с

ним разговаривать. И я ему нравилась... мне так казалось. Я даже думала, что мы подружимся, представляешь? Мне хотелось с ним подружиться. Я раньше не встречала таких мужчин. Но я его обманула. И теперь ничего не исправить.

Элли устало потерла лоб и встала.

– Вот такие дела, Мик.

Голем протянул руку, как будто желая коснуться Элли, но его железная конечность зависла в воздухе, а потом безжизненно упала.

– Спасибо, что выслушал мое нытье. Можно, я буду приходить к тебе и разговаривать?

Голем кивнул!

Элли улыбнулась.

– Ты славный парень, Мик. Спасибо тебе.

Элли подняла чан и отправилась обратно.

Она сделала лишь несколько шагов, как послышался шорох, и от затененной стены отделился высокий силуэт, который она тотчас же узнала.

Точно бездна разверзлась у Элли под ногами. Она встала, как вкопанная, и попыталась успокоиться.

Она же сама хотела этой встречи, разве нет? Вот и получила ее. Даже не пришлось крутиться возле командного отсека.

Капитан Ларсен пересек коридор и остановился прямо перед ней.

– Почему вы тут, а не на камбузе? – спросил он сурово.

– Меня отправили покормить големов, – ответила Элли, облизав пересохшие губы, и качнула в руках чан, показывая – вот, видите! Я не вру.

– Понятно, – ответил Ларсен. Он смотрел на нее долгим пронзительным взглядом, от которого у Элли возникла уверенность, что Ларсен может читать ее мысли.

– Мне запрещено ходить по судну? Но я не праздну шатаюсь. Я работаю. Как вы велели.

– Вам не запрещено ходить по судну, если вы выполняете распоряжения госпожи Матильды.

Элли молча кивнула, вцепившись в чан, как в спасательный круг.

– С кем вы разговаривали? Я слышал голос.

– С големами. И много вы слышали?

– Кое-что.

Кое-что! И какие же он сделал из этого выводы?

Ларсен больше ничего не добавил к своему замечанию. Он так и не сдвинулся с места и не дал ей пройти. Возможно, он вознамерился стоять здесь всю ночь как столб.

В течение дня Элли не раз репетировала разговор с Эвклидом, но теперь все заранее придуманные слова куда-то делись.

– Как вам на камбузе? Справляетесь? – спросил капитан. – Как прошел день?

Элли иглою кольнула обида.

Он посадил ее под арест, обвинил невесть в чем, а теперь мило интересуется, как прошел ее день!

Но злиться долго не получилось: в голосе капитана вовсе не слышалось злорадства. В нем слышалась забота. И даже, пожалуй, его тон был слегка виноватый!

Элли медленно подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Капитан держал под мышкой толстый кожаный тубус, и был одет тепло, как будто собрался выходить наружу – в свитере и толстой куртке нараспашку поверх кителя.

А китель под курткой у него был застегнут неправильно – капитан пропустил петлю! Ей вдруг стало смешно, и у нее аж руки зачесались – так ей захотелось исправить допущенную им небрежность.

Она улыбнулась.

– Я отлично справляюсь. Спасибо, что выпустили меня из заточения. В каютке довольно неудобно.

– Госпожа Селеста, вы же понимаете, что... – начал он сухо.

– Я и правда вам очень благодарна! – горячо перебила она его. Хватит с нее его капитанских выговоров! – Мне нравится на камбузе. Там работают милые люди. С ними веселее, чем в салоне первого класса! В жизни так не веселилась, как сегодня.

– Тут я с вами соглашусь, – сказал Ларсен и осторожно опустил тяжелый тубус на пол. – С госпожой Матильдой не соскучишься. Мне уже рассказали о вашем бенефисе с картошкой и тарелками.

Ей понравилось, как он ответил. Кажется, он настроен на диалог. Нельзя упускать такую возможность! Но вести серьезный разговор с пустым чаном в руках не получится.

Она поставила чан рядом с капитанским тубусом, выпрямилась, сцепила руки и решительно заговорила:

– Господин Ларсен, пожалуйста, оставьте меня в экипаже до конца полета! Неужели вам обязательно нужно сдать меня полиции? Я не преступница, честно-честно! Я просто девушка, которая... – она прерывисто вздохнула и закончила скомкано: – девушка, которая попала в сложную ситуацию и не знает, что делать дальше.

Капитан недобро прищурился, а потом стремительно подался вперед, наклонился и уперся рукой о стену над плечом Элли.

Элли изо всех сил вжалась в переборку. Прямо перед ней нависло внезапно ожесточившееся лицо капитана. Его мускулистая рука, затянутая в толстую кожу куртки, почти касалась ее щеки.

Элли ощутила себя в ловушке. Ее сердце заколотилось – но не только от страха. Ее вдруг охватило горячее, болезненное волнение.

– В сложную ситуацию, вот как? – сказал Ларсен с тихой угрозой. – И какую же именно? Можете сказать на этот раз правду? Или будете настаивать на версии с гангстерами, которые на вас охотятся?

Элли судорожно сглотнула и мотнула головой.

– Нет. Я не буду настаивать на этой версии, раз она вам не нравится.

Она прикусила язык, не решаясь продолжать. Когда капитан вот так прижал ее к стене и ведет допрос, того и гляди, выложишь все как на духу.

– Другую версию еще не сочинили?

– Времени не было сочинять. Работы, знаете ли, много, – выдавила Элли, чувствуя, что ходит по грани.

– Ясно. Правды я от вас не услышу.

– Если скажу правду, вы обещаете, что доставите меня до Федератов?

– Не смейте ставить мне условия, госпожа Селеста. По инструкции я должен передать вас полиции.

Она содрогнулась от его неумолимого тона.

– Хорошо. Поняла вас. Инструкция так инструкция. Пустите меня. Пойду на камбуз. Мне еще кастрюли драить. Больше не буду досаждать вам с глупыми просьбами.

Капитан не шелохнулся.

– Знаете, госпожа Селеста, а ведь вы мне поначалу понравились, – вдруг заявил он негромко. – Вы нравитесь мне и сейчас. Вы мошенница. Но мне показалось, в вас есть стержень, огонь...

благородство. Искренность. Но нет. Ваша искренность была игрой. Вы решили меня охмурить ради своих целей. Выставить идиотом. Вы чертова артистка!

Он стиснул челюсти так, что выступили желваки. На виске у него пульсировала жилка.

Элли смотрела на него с недоумением. Он говорил обидные слова, но его короткая речь прозвучала почти страстно. Что поразило ее до глубины души.

Эвклид Ларсен, такой хладнокровный, сейчас едва сдерживал гнев. И, возможно, какие-то другие сильные чувства. Элли даже на миг ощутила странное удовольствие от того, что она стала их причиной и заставила этого человека изо льда вскипеть.

Впрочем, возможно, его горечь и его страсть были направлены на другую девушку из его воспоминаний. Артистку, которая когда-то обманула его своей искренностью и разбила ему сердце.

– Эвклид, пожалуйста... не злитесь на меня, – тихо сказала она. – Я не замышляла дурного. Вы вовсе не идиот. Вы умный и рассудительный человек. И хороший капитан. Жаль, что мы не познакомились с вами в других обстоятельствах. А впрочем... нет. – Она вздохнула. – У вас не может быть ничего общего с такой, как я. Вряд ли бы мы с вами подружились.

Она крепко стиснула губы. Хватит болтать – и так уже много лишнего наговорила.

Скрипнула кожа куртки. Ларсен убрал руку, выпрямился и отступил на шаг.

Элли перевела дух. Она попробовала представить, о чем он сейчас думает – и не смогла.

Нет, ей никогда не понять людей! Особенно мужчин. Легче найти общий язык с големами или автоматами, чем с капитаном Ларсеном.

Можно, конечно, придумать еще какую-нибудь душещипательную историю – объяснить, почему ей грозит опасность, почему ей жизненно необходимо оказаться за океаном! Но он не поверит ни одному ее слову. Элли жгло желание рассказать ему правду прямо сейчас. И что тогда? Он и вовсе перестанет считать ее человеком.

– Эвклид, послушайте, – начала она неуверенно. – Дело в том, что я...

– Что? – обронил он сухо и взял тубус под мышку.

– Нет... ничего. Слушайте, у вас пуговицы неправильно застегнуты. Вот...

Она легко коснулась пальцем его груди. Капитан, чертыхнувшись, схватился за китель, а Элли прикусила губу и нагнулась за чаном.

Ларсен молча смотрел, как она пристраивает тяжелую посудину под мышкой и сдувает со лба прилипшую прядь.

Потом пошел за ней до лесенки в конце коридора.

Они вместе поднялись на следующий уровень; он молча шел рядом с Элли, плечо к плечу. Элли было горько и неловко, и в то же время ей не хотелось расставаться с Ларсеном. Они еще недоговорили. Ее мучили эта недосказанность и его неудовольствие.

Капитан остановился; остановилась и Элли. Тусклая лампочка освещала его сзади, оставляя лицо в тени.

– Я еще не принял окончательное решение насчет вас. Мне нужно подумать.

Элли чуть не ахнула.

– Что мне сделать, чтобы ваше решение было благоприятным?

Он пожал плечами.

– На судне действительно не хватает рук. А вас хвалят. Если вы готовы отработать вашу поездку... посмотрим.

– Как бы то ни было... спасибо.

Он молча кивнул и удобнее перехватил кожаный тубус под мышкой.

– Что это у вас?

– Телескоп. Сегодня хорошая ночь, чтобы наблюдать планеты. Небо ясное. Пирозйс в противостоянии. Можно даже увидеть его спутники.

– Это нужно для навигационных расчетов? – спросила Элли, подавшись вперед от любопытства.

– И да, и нет, – капитан мотнул головой и вдруг признался: – Астрономия мое хобби. Я купил телескоп перед рейсом. Давно о нем мечтал. Лучшая модель оптической мастерской «Штирмен и сыновья».

Он усмехнулся и добавил:

– На что еще тратить жалованье капитана, как не на пустые прихоти.

– Вы изучаете тайны неба! – благоговейно прошептала Элли. – Какая же это пустая прихоть? Карты, скачки – вот пустые прихоти. А

вы... только представьте: а вдруг скоро инженеры построят дирижабль, который сможет летать между звезд? И вы его поведете! Прямо по потоку Гаэлид!

Ларсен глянул на нее с подозрением – возможно, заподозрив насмешку. Но Элли и не думала насмехаться. Она и правда была потрясена и потому смотрела на капитана с новым, возросшим уважением.

На лбу Ларсена появилась морщинка, как будто он мысленно спорил сам с собой. Он кашлянул и спросил:

– А вам... хотелось бы посмотреть в телескоп на звезды?

– Очень! – вскричала Элли.

Ларсен собирается пригласить ее на прогулку! Несмотря ни на что, он все еще хочет показать ей чудеса неба!

Но капитан не спешил озвучить приглашение.

Он посмотрел на чан, который она все еще держала в руках, и Элли тут же устыдилась своего энтузиазма.

Теперь у нее обязанности. Она не может гулять полночи по галерее, как любая другая пассажирка-бездельница.

– Да... это было бы интересно, – пробормотала она. – Но... наверное, мне нужно скорее вернуться на камбуз? Вечером там много работы. Тильда, должно быть, меня потеряла.

– Да... вам пора, – сказал капитан деревянным голосом. – Да и я, пожалуй, пойду на мостик. Проверю навигационные расчеты. Впереди шторм. Нужно его обойти. Еще будет время для астрономических наблюдений. Спокойной ночи, госпожа Селеста.

– Спокойной ночи, капитан, – вздохнула Элли ему вслед и побрела наверх.

Она явилась на камбуз в мрачном настроении. Молча выполнила последние поручения Тильды: протерла полы, вынесла мусор.

Наконец, шеф-кок ее отпустила.

– Явишься завтра в пять утра, – велела она ей на прощание.

– С удовольствием, – ответила Элли, ни капли не покривив душой и отправилась в каютку. Но теперь ее никто не сопровождал, и дверь за ней не заперли. Выходит, ей удалось добиться кое-какого доверия.

Но у нее не было сил радоваться этому достижению. Она так устала, что сразу рухнула на койку, подгрестила под голову подушку и моментально провалилась в сон.

Глава 13

Утром Элли явилась на камбуз в боевом настроении. Она была полна желанием продолжить блестящую карьеру судомойки и доказать всем свою незаменимость.

В первую очередь капитану Ларсену!

Она будет работать так, что он поймет: без нее «Горгона» просто-напросто не дойдет до порта назначения. Камбуз утонет в море грязной посуды, а живой груз в трюме зачахнет от голода и скуки.

Пассажиры еще видели сладкие предутренние сны, но кухонная команда уже собралась на камбузе.

Вокруг зевали и терли глаза. Ножи стучали лениво, вполсилы. И даже вентиляторы вращались еле-еле, словно не проснувшись.

Но стоило появиться шеф-коку, как все оживилось. Матильда зычным голосом прочитала меню на день и раздала обязанности.

Элли поручили резать хлеб. Плевая работа после вчерашнего! Она орудовала огромным ножом и успевала болтать с новой подружкой Гильдой.

Точнее, болтала Гильда. Она настырно расспрашивала Элли о ее прошлой жизни и работе в кабаре. Элли отвечала расплывчато. В конце концов, Гильда рассердилась.

– Ты такая загадочная, просто ужас! Из тебя клещами слова не вытянешь. Ну скажи, а парень-то у тебя хоть есть? В кабаре ходят разные шикарные мужчины, у тебя наверняка кавалеров пруд пруди!

– У меня нет парня, – мотнула головой Элли. – Прости, я не умею о себе рассказывать.

– Со мной уж могла бы поделиться. Я тебе уже много про себя наболтала... а про тебя ничего не знаю. Разве так можно с друзьями?

Она отвернулась и стала сортировать тарелки. И гремела ими громче, чем обычно – обиделась.

Элли почувствовала себя виноватой.

С друзьями! Приятно, что Гильда уже считает ее подружкой. А были ли у Элли когда-нибудь настоящие друзья?

В кабаре она общалась с другими девчонками. Она называла их подругами. Ей нравилось слушать других людей, наблюдать за ними.

Сравнивать их с собой. Но по-настоящему она ни с кем не сближалась. Как тут сблизиться, когда ты понимаешь, что ты не такая, как другие? И не всем известна твоя тайна. И ты боишься, что окружающие в любой момент могут посмотреть на тебя брезгливо, а то и с ужасом?

Дружба строится на взаимности и честности – но Элли не могла дать то, что давали ей.

Сможет ли она стать другой, когда окажется за океаном, и над ней не будет висеть угроза разоблачения? Получится ли тогда найти друзей, с кем она сможет поделиться всем, что ее тревожит? Сможет ли попросить совета, помощи? Сможет ли быть открытой и искренней? Говорить то, что думает?

Вряд ли. Ведь даже с тетей Дженни у нее не получалось откровенничать – а уж пожилая дама знала ее секрет.

Размышления Элли были прерваны громким спором.

Спорили два самых важных человека на судне после капитана: шеф-кок и шеф-стюард, которого за каким-то делом занесло на камбуз.

Шеф-стюард был высоким, седовласым, и держался с таким величием, что посрамил бы любого пассажира первого класса.

Но Матильду было не запугать высокомерными манерами. Она махала перед орлиным носом шеф-стюарда скалкой и грозно говорила: – Нет, нет и нет! Ничем помочь не могу, любезный мой!

Шеф-стюард страдальчески поморщился, отвел скалку длинным холеным пальцем.

– Войдите в мое положение, госпожа Матильда. Уже три горничных слегли с простудой. Как прикажете поддерживать на судне порядок? Мы с вами в одной команде и должны помогать друг другу.

– Черта с два я вам должна, – Матильда сложила фигу и сунула ее шеф-стюарду под нос.

– Капитан сказал, что госпожа Селеста может поступить в мое распоряжение, – парировал тот, брезгливо дернув губой.

И тут они оба замолчали и посмотрели на Элли.

– Вы обо мне говорите? – удивилась она и прижала к груди мокрую тряпку.

– Да, – кивнул шеф-стюард. – У нас не хватает горничных. Хочу забрать вас к себе, а Матильда не отпускает.

– Я могу до обеда помогать горничным, а вечером вернуться на камбуз.

– Ладно, – ворчливо согласилась Матильда. – Но если капитан новую безбилетницу поймает, она моя, поняли, Финеас?

– Могу прислать на камбуз голема, – предложил шеф-стюард. – Поручите ему простое дело. Мыть пол, например, или выносить мусор.

Госпожа Матильда в ужасе замахала руками. Элли сняла фартук, перчатки и поступила в распоряжение шеф-стюарда.

Ух ты, повышение! С должности судомойки она поднялась до горничной. Так, глядишь, до конца рейса дослужится до помощника капитана!

Удивляясь этой мысли, она пошла за господином Финеасом.

* * *

Шеф-стюард привел ее в служебное помещение, где хранились орудия труда судовых горничных – тележки с тряпками, ведрами и метелками.

– Вам понадобится форма, – объявил шеф-стюард и окинул ее придирчивым взглядом. – У меня остался один свободный комплект. Надеюсь, он вам подойдет. Вот, переоденьтесь. Только быстро.

Вытащил из шкафчика стопку сложенной одежды и вручил Элли, а потом вышел в коридор.

Элли торопливо надела серое мешковатое платье, накинула сверху передник, натянула нарукавники.

Спрятала волосы под шапочку и критически изучила свое отражение в узком зеркале.

Фасон формы горничной был призван превратить девушек в серые тени, которые скользят по коридорам и каютам и выполняют свою работу, не мозоля глаза пассажирам.

Но на Элли форма смотрелась по-другому. К великой досаде, в зеркале она увидела игривую горничную из оперетки, которая не прочь оказывать услуги иного рода, кроме протирания пыли.

Подол едва прикрывает колени, ткань обтягивает грудь, фартучек пикантно топорщится.

Элли расстроилась. От стыда пульс застучал в ушах.

В кабаре ей приходилось надевать фривольные наряды. Но там была сцена, другая обстановка!

Тут она будет ходить в этой дурацкой форме по каютам и салонам, убирать мусор за пассажирами первого класса, которые совсем недавно видели ее в другом качестве! Они будут отпускать скабрзные шуточки, потешаться!

Элли сделала несколько глубоких вдохов.

«Не выдумывай глупостей, – велела она себе и сжала кулаки. – В труде нет ничего постыдного. Плевать, что думают остальные! Ты сама хотела приносить пользу, делать все, что велит капитан. Поэтому делай и не ной!»

Элли заправила под шапочку рыжую прядь и вышла из подсобки, гордо задрав голову.

Шеф-стюард нахмурился, но удержался от замечаний по поводу ее вида.

– Вот список заданий. Вам нужно убрать салон, казино и библиотеку... и еще некоторые помещения. Это несложно. Берите швабру и тряпку. Без вас нам не справиться. Очень рассчитываю на вашу помощь!

Элли кивнула. Вот она дурочка! Ей просто дали рутинную работу, которую больше некому выполнять. Никто не хотел ее унижить. А наряд... что ж, другого не нашлось. Не будет же она махать метелкой в вечернем платье с боа. Вот это точно было бы унижительно!

Элли вчиталась и присвистнула. Прохлаждаться не выйдет. Список длинный – последние строчки шеф-стюард написал совсем мелко, чтобы они поместились на лист.

Начали с салона. Там пока было пусто. Элли выслушала последние инструкции шеф-стюарда, и как только он ушел, с охотой взялась за дело.

Споро протерла пыль на всех поверхностях, расправила шторы на окнах.

Выглянула наружу – в заточении она ужасно соскучилась по открытым пространствам. «Горгона» шла высоко, утреннее небо наливалось фантастическим розовым светом, разреженные сгустки тумана проплывали мимо, как привидения.

Но далеко с северо-запада наступала гряда облаков – грозных и темных, как морской вал.

Там бушевал шторм. Капитану придется выстраивать новый маршрут или вступить в схватку со стихией.

Должно быть Ларсен уже в командном отсеке – изучает показания приборов, читает синоптические сводки, вслушивается в сигналы радиопеленга.

Элли хотелось посмотреть на него за работой. Интересно, кто поддерживает чистоту в командной рубке? Может, ей попросить шеф-стюарда отправить ее вытирать пыль с приборов и штурвалов? Она бы делала свою работу тихонько и наблюдала за капитаном. Это интереснее, чем смахивать пыль в салоне.

Элли огляделась. Кажется, тут работа закончена. Впрочем, нет – нужно полить цветы!

В тележке с инструментами и тряпками Элли нашла лейку, наполнила ее водой и начала обходить горшки. И обнаружила, что первоклассные пассажиры, такие важные, утонченные, частенько бросают в цветы окурки. Элли выуживала их и складывала в специальный пакет.

А в кадке с кактусом, с колючками которого Элли близко познакомилась в первый день полета, скопились целые горы мусора. Рваные салфетки, скомканные счета и какие-то круглые кусочки бумаги, похожие на конфетти.

Элли набрала горсть бумажных кругляшков, задумчиво пересыпала их из руки в руку. Откуда это взялось? Кто-то отпраздновал начало полета хлопнушкой?

Никакое это не конфетти! Картон плотный, сероватый. Такие кругляшки остаются, когда пробиваешь специальной машинкой перфокарты. Перфокарты вставляют в механические арифмометры. Возможно, кто-то из пассажиров решил подсчитать свои доходы на бирже и ввел в арифмометр новую программу.

Элли припомнила, что представитель компании Блоб таскал похожую счетную машинку. Устроившись в углу салона, он изучал отчеты, делал выписки, стучал по клавишам указательным пальцем, бормоча под нос и потея от усилий.

Находка имела простое объяснение, но она отчего-то насторожила Элли. Она высыпала кругляшки в карман передника.

Перфокарты используют не только финансисты и математики. Перфокарты нужны, чтобы отдавать приказы големам. Они заменяют

Элли изучила список заданий и покатила тележку в кают-компанию судового командования. Перед тем как войти, поправила шапочку и по-новому завязала фартук.

На задворках билась мысль: вдруг в кают-компании сейчас отдыхает сам командир «Горгоны»? Что он скажет, когда увидит ее в роли горничной? А что она скажет ему? Как сегодня пойдет их разговор?

С некоторым трепетом отодвинула дверь и шагнула внутрь. И испытала одновременно облегчение и разочарование.

Ларсена в кают-компании не было. За столом сидели двое – второй помощник Пулкинс и старший радист. Они коротали время до вахты за чаем и болтовней.

– Доброе утро, – пробормотала Элли и принялась опустошать корзину для бумаг, вытряхивая содержимое в специальный мешок.

Радист кивнул и улыбнулся. Второй помощник метнул на нее настороженный взгляд и нервно дернул плечом.

Он наверняка получил нагоняй от капитана, заключила Элли. Но о самой большой тайне второго помощника Ларсен не прознал, иначе вчера упомянул бы об этом. Значит, лисенок продолжает путешествовать зайцем.

Элли протирала пыль на полках и прислушивалась к беседе, надеясь узнать что-нибудь о капитане Ларсене.

Второй помощник и радист обсуждали новый курс «Горгоны». Они гадали, удастся ли обогнать шторм и как поведет себя дирижабль, если все-таки придется вступить в схватку с бурей.

Слушать было интересно. Элли хотелось быть причастной ко всему, что происходило на «Горгоне». Ведь теперь она была членом ее команды, а не случайной пассажиркой, не бесполезным балластом.

– Лучше бы нам пришвартоваться на Скаррене и там переждать ураган, – говорил Пулкинс, медленно болтая ложкой в кружке.

– На Скаррене? На острове, где раньше была воздушная база? – заметил радист.

– Теперь она заброшена, – подтвердил Пулкинс. – Но там есть маяк, аэродром, и ангар, и причальная мачта найдется. При аэродроме живет зритель.

Радиот скорчил гримасу и покачал головой.

– В прошлом году над Скарреном пропали два частных аэростата. Газетчики писали, их захватили воздушные пираты. Следов так и не нашли. Капитан не станет рисковать «Горгоной». Скаррен – нехорошее место.

– По-твоему, проходить по краю шторма – меньший риск?

– Капитан поднимет «Горгону» в спокойные слои атмосферы. Мы пройдем шторм верхом. Мазнем его по макушке. Но подождем, что скажет синоптик. Ураган и правда серьезный. «Горгона» – не военный корабль, ее предельная высота ниже.

– И все же я не согласен с капитаном, – угрюмо проговорил Пулкинс. – Я бы на его месте переждал на земле.

– Именно поэтому ты второй помощник, а не капитан. Если ждать на земле, мы потеряем два-три дня, а это убытки для компании. Ларсен умеет принимать правильные решения. У него чутье. Он никогда не ошибается. Я давно с ним летаю, могу это подтвердить.

– Все рано или поздно ошибаются.

Радиот пожал плечами и сменил тему. Теперь он нудно вещал о рыбалке и преимуществах мотыля перед червем.

Пулкинс слушал его вполуха и внимательно следил за тем, как Элли протирает иллюминаторы.

Она послала ему ободряющую улыбку, но второй помощник нахмурился и отвернулся. Наверное, он все-таки обижен на нее за то, что они с тетей Дженни втянули его в свою авантюру. Его послужной список мог серьезно пострадать.

Элли собрала принадлежности и тихо выскользнула из кают-компании.

Теперь по списку казино. Надо поспешить, пока его не заполнили посетители.

Но когда она вошла в полутемное помещение, пропахшее сигарным дымом, увидела, что один ранний посетитель там все-таки был.

У бильярдного стола стоял укротитель Буффорд, согнувшись в три погибели, и гонял одинокий шар. Он заставлял его проделывать

разные хитрые трюки – отскакивать от стенок, выписывать пируэты и прыгать от бортика к бортику.

Заметив появление Элли, Буффорд выпрямился, посмотрел на нее из-под насупленных бровей и принялся тщательно натирать конец кия мелом.

– А, госпожа мошенница! – приветствовал он ее ворчливым тоном. – Искушаете свой проступок честным трудом?

Элли раздраженно дернула плечами.

– Я не мошенница.

– Ну да, а я – министр финансов, – язвительно ответил Буффорд, достал платок, плюнул на него и взялся протирать шар.

Элли решила не обращать на него внимания. Станный он все-таки тип! Мрачный, нервный. И как будто ненавидит всех и вся. Даже своих зверей.

Она огляделась. В игровом зале царил порядок. По окончании рабочей ночи крупье собирал карты и фишки и прятал их в специальный сейф под замок.

Элли изучила инструкции шеф-стюарда.

Нужно почистить сукно бильярдных столов. Смахнуть пыль и мел щеткой, потом протереть влажной салфеткой. И еще раз пройти щеткой. Затем отполировать лакированные бортики ветошью.

Она занялась свободным столом. Буффорд продолжал катать шары. Костяной стук и молчание укротителя действовали Элли на нервы.

– Вы служите в цирке «Абрус-макабрус»? – спросила она, чтобы разбавить неловкость. – Знаете жонглера Мальволио? Я ему ассистировала однажды, а он научил меня разным трюкам.

Буффорд вздрогнул, промазал по шару и выругался.

– Мальволио? Косоглазый, с козлиной бородкой? Как же, знаком. Оборотистый тип.

– Я ведь почти ваша коллега, – сообщила Элли, радуясь, что разговор завязался. – Выступала в кабаре. Ходила по проволоке и даже выполняла трюк «Человек-ядро». Мне нравилось. Я бы не прочь выступить с животными. Но не с тиграми. Мне жалко диких зверей. Другое дело – собачки. Собаки рады служить людям. Я бы хотела сделать номер с дрессированными собачками. А вы когда-нибудь работали с лисами?

– С этими вонючими, хитрыми созданиями? Нет, – отрезал Буффорд.

Как можно быть таким нелюдимым, поразила Элли. Ну уж нет, я вас разговарю, господин Буффорд!

Ее очень интересовало все, связанное с цирком, и она не хотела упустить возможность узнать больше об этом удивительном мире.

– В кабаре мне неплохо удавались комические номера, – сообщила она. – Я собиралась стать учительницей танцев, но если с учительством ничего не выйдет, думаю устроиться в цирк. У вас в цирке выступают женщины-клоуны?

Буффорд повернулся к Элли.

– В клоуны идут самые никчемные люди, – сказал он едко. – А те, кто смеется над ними, еще более никчемные и невыносимые личности. Понятно? Нет ничего отвратительнее идиотского гогота, который вызывают клоунские ужимки.

– По-моему, клоуны бывают очень милые... – пробормотала ошарашенная Элли.

– Вы испортили мне утро своей болтовней, – прервал ее Буффорд, с грохотом бросил кий на стол и стремительно вышел.

Элли проводила его изумленным взглядом. Ну и тип! Не выпался он, что ли? Или вчера проигрался в пух и прах?

Она пожала плечами и взялась за щетку.

* * *

Когда с уборкой в казино было покончено, Элли вышла в коридор, посмотрела направо, налево, вздохнула.

Коридор показался ей бесконечным колодцем. Однообразная перспектива уходила вдаль, тускло блестели ряды дверных ручек, колпаки ламп горели неярким светом.

Согласно указаниям шеф-стюарда, теперь ей предстояло заняться коридорным хозяйством: протереть лампы, надраить алюминиевые полосы, скрепляющие панели, почистить дверные ручки.

Предстояла скучная и однообразная работа.

Н-да, это вам не кабаре и не цирк. И даже не камбуз, где, оказывается, можно неплохо развлечься.

Решительно стиснув губы, Элли взялась за дело. Вскоре из кают стали выходить пассажиры, желающие совершить утренний моцион перед завтраком: поработать с гантелями в гимнастическом зале, выкурить сигару в салоне или выпить чашку кофе в баре.

Когда они проходили мимо, Элли поворачивалась к ним спиной и низко наклоняла голову.

Но, как выяснилось, предосторожность оказалась лишней. Пассажиры первого класса обращали на горничных не больше внимания, чем на развешенные по стенам огнетушители. Ее никто не узнал, никто не остановился позубоскалить, прочитать нотацию или выразить фальшивое сочувствие.

Постепенно она перестала обращать внимание на бредущие деревянной походкой полусонные тела.

Работа неожиданно ее увлекла. Она с азартом отмывала заляпанные алюминиевые ручки и панели и радовалась, когда поверхность начинала блестеть, как зеркало.

Пыхтя от усилий, с бешеной скоростью натирала мягкой тряпкой алюминиевую задвижку – даже пальцам стало горячо. Еще немного, и тряпка начнет дымиться.

За спиной послышались почти неразличимые на каучуковой дорожке шаги. Человек остановился, потоптался на месте, неуверенно двинулся дальше. Элли отметила это краем сознания – в тот момент она мысленно костерила неподатливое пятно.

Но вдруг ее обхватили со спины крепкие руки, и мужской голос, дохнув смородиновым ликером, покаянно прошептал ей в ухо:

– Элли! Прости меня, идиота!

Еще не успев сообразить, что произошло, Элли изо всех сил ударила напавшего локтем в живот и лягнула каблуком в голень.

Руки моментально разжались.

Замахнувшись тряпкой, Элли повернулась и увидела согнувшегося пополам Красавчика Криса.

Выпучив глаза, он хватал воздух широко открытым ртом. Но вдохнуть у него получилось не сразу.

Элли хладнокровно подождала, пока Крис придет в себя.

Скоро он со стоном погладил пострадавшее колено и выпрямился.

– Больше не делай так, пожалуйста, – с ледяной вежливостью попросила Элли. – Ненавижу, когда ко мне подкрадываются со спины

и лезут обниматься.

– Ничего себе у тебя удар поставлен! – наивно удивился Крис.

– Да, знаю. В кабаре есть на ком практиковаться. Что-то еще желаешь сообщить? Если нет – иди, куда шел. Мне работать нужно.

Крис скорчил такую несчастную гримасу, что ей стало смешно. Но она презрительно фыркнула, свела брови и взяла в тележке чистую тряпку.

Крис внезапно рухнул на колени, и, морщась от боли, быстро и мелко, как таракан, подполз к Элли и схватил ее за край юбки.

– Пожалуйста, прости меня! Я тебя подвел! – он поднял к ней свое красивое лицо, на котором застыло выражение нашкодившего ребенка. – Этот докторишка – Гризвольд – напоил меня и выведал все, что ему было нужно. Знаю, я никчемное трепло! Можешь треснуть меня еще раз – давай, не жалей сил! Отхлещи меня мокрой тряпкой! Я заслужил.

Он зажмурился, ожидая, что Элли немедленно воспользуется его предложением.

Элли тяжело вздохнула и выдрала юбку из цепких рук парня.

– Хватит кривляться. Вставай! Тебя могут увидеть. И ругать за эту сцену будут меня, а не тебя.

Крис покорно поднялся.

– Ты больше не сердись? – спросил он заискивающим тоном.

– Нет.

Наверное, я слишком мягкосердечная, мысленно упрекнула она себя. Но я и правда не могу на него сердиться всерьез. Как на такого сердиться! Стоит, красавчик писанный, свесив повинную голову, щеки пунцовые, как помидоры, и даже слезы на глазах блестят.

– Элли, я искуплю свою вину! Сделаю все, чтобы ты добралась за океан! Поговорю с капитаном! Как только он немного остынет. Пока мне страшно к нему подходить.

– Трус несчастный.

– Еще какой трус, – горестно подтвердил Крис. – Но ты не переживай. Все будет хорошо. Видишь, капитан уже выпустил тебя на волю.

– Он еще ничего не решил. Он собирается передать меня полиции, когда мы сделаем остановку.

– Ларсен этого не делает! Он в тебя влюбился.

– Что?! – Элли повернулась к Крису и выронила тряпку. – Что за бред? С чего ты взял?

– Вижу, – пожал плечами Крис. – Я же мужчина. Сам влюблялся раз двадцать. Поэтому догадываюсь, что у него в голове творится. Влюбился, точно тебе говорю! Он на тебя так смотрит... Ну да, Ларсен сейчас злится на тебя. Но это нормально. Дай ему спустить пар.

– Не городи чепухи! Ларсен не такой, как ты.

Элли отвернулась и принялась полировать алюминиевую полосу на панели.

Но Крис не ушел.

Он шел за ней, останавливался, когда она останавливалась, и говорил, говорил, говорил...

– Да, я не такой, как Ларсен. И никогда таким не буду. Порой я себя ненавижу, – делился он скорбно. – Я всех разочаровал: отца, мать, сестру. Когда меня вышибли из университета за карты, отец так взбеленился, что лишил меня наследства. Сказал, что поставит управлять семейным бизнесом сестру, а не меня. А сестра обозвала меня тупоголовой овцой. Мамаша со мной до сих пор не разговаривает...

Крис с упоением предавался самобичеванию. Слова лились из него потоком. Скоро Элли перестала вслушиваться и сосредоточилась на работе и собственных мыслях.

Для светильников эта тряпка не подойдет, думала она, перебирая содержимое тележки. Вот эта мягкая в самый раз.

– ...обрадовался, когда приехала тетя Дженни, – продолжал исповедоваться Крис. – Она одна от меня не отвернулась. Слушала меня, не ругала. Давала советы. Я ее в театр водил, на выставки...

– Крис, отойди от этого ящика. Мне нужно протереть тут пыль.

– ...в детстве я ее ужасно любил. Она такая – ух! Ласковая, но и трепку могла задать. Однажды надрала мне уши. Она левша, у меня потом правое ухо все распухло. Но я на нее был не в обиде. Заслужил потому что. Она мне объяснила...

Элли слушала вполуха, пропуская целые куски из его покаянной тирады. Согласно мычала, издавала нужные звуки, показывая сочувствие или недоумение.

– ...теперь и тетка во мне разочаровалась. Я это вижу. Черт, меня это расстраивает больше, чем то, что она не упомянет меня в своем

завещании...

Так, а где специальное средство для стекла? Вот оно. Сколько пыли скопилось на светильниках!

– ...отец немного оттаял, когда я нашел богатую невесту. Думаешь, мне хочется жениться? Ни капли. Лили страшная, как крокодил. Ну, она не виновата, конечно, что не родилась красавицей. Но с ней не о чем говорить. Она ни одной моей шутки не понимает. А однажды взяла и сделала мне предложение. Сама! Сказала, что хочет замуж за меня и ни за кого другого. И что сделает из меня человека. Признаться, я струхнул. Но деваться было некуда. Вот так я обзавелся богатой невестой.

– Ты ее совсем не любишь? – спросила Элли, начиная раздражаться от его болтовни.

– Ну, может, самую каплю. Лили решительная. Люблю решительных девушек. Они меня пугают, но и притягивают. Стерпится – слюбится, как ты думаешь?

– Что тут происходит? Господин Майер? – нахмурился шеф-стюард, который возник в коридоре, как призрак.

– Ничего! – Крис подскочил от неожиданности и вытянул руки по швам, как солдат. – Я... ей помогаю.

Шеф-стюард неодобрительно покачал головой.

– Ваша тетя уже отправилась на завтрак. Думаю, она ждет вас в салоне, – намекнул он.

Крис намек понял, кивнул Элли, прошептал: «Еще поговорим!» и ушел.

Шеф-стюард прошелся по коридору. Провел пальцем по поверхностям, чуть не обнюхал каждую дверную ручку и одобрительно кивнул.

– Вы много сделали. Можете возвращаться на камбуз. Матильда вас ждет. Но сначала отвезите тележку в каптерку.

Элли быстро сложила тряпки и собралась идти, но в этот момент коридор трянуло. Только навыки канатоходца позволили ей удержаться на ногах; тележка покатила в сторону и ударила о переборку.

Лампы мигнули. Из-за дверей кают послышался грохот падения предметов и встревоженные возгласы.

Шеф-стюард пошире расставил ноги и взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие.

– Что это?! – испугалась Элли.

– Сильный боковой ветер. «Горгона» идет по краю шторма. Винты на судне мощные, мы справимся. Однако нас может немного покачать. Ничего страшного, до морской болезни не дойдет. Пойду успокою пассажиров.

Глава 14

Остаток дня прошел в трудах. Но Элли не жаловалась: она видела плюсы в своем положении.

Например, освоила новую профессию. Если она все же попадет за океан, то сможет выбирать: не понравится работать учительницей танцев, устроится горничной. Или судомойкой. Ну или в цирк, как мечталось!

Ух, сколько дорог открывается! Хочется все попробовать.

Ее мечты развернули крылья и рванули совсем уже на недостижимую высоту.

А вот возьмет и поступит в школу воздухоплателей! И будет сама водить аэропланы. И вот тогда-то Ларсен узнает... посмотрит на нее совсем иначе!

От таких мыслей работа горела в руках. Элли подмела камбуз, вытерла столы, расставила кастрюли, успевая парировать неуклюжие шутки овощереза Фрица.

Время от времени камбуз потряхивало и качало, тарелки звенели, а содержимое кастрюль выплескивалось и шипело на раскаленной плите.

Но повара знали, что делать: они закрепили кастрюли специальными растяжками, а тарелки сразу убирали в буфет. Качка никого не пугала.

Осталось последнее задание: отнести еду големам в трюме, и можно идти отдыхать.

Ей вручили чан с коричневыми кубиками. Элли бодро зашагала по коридорам. Качка усилилась, время от времени Элли швыряло из стороны в сторону, и ей приходилось прыгать и балансировать, как будто она исполняла безумный танец. Ну, к такому мы привычны, этим нас не испугаешь, думала она весело.

В трюмах она зорко оглядывалась и прислушивалась: ну, кого она сегодня здесь встретит? Только бы не Гризвольда! А вдруг капитан опять решит сделать обход с телескопом под мышкой? Нет, он сейчас на мостике. Он целый день несет бессменную вахту. Теперь без его навыков и чутья не обойтись. Он ведет «Горгону» через ураган.

И все же у отсека с големами кто-то стоял.

Шеф-кок Матильда плотно прижалась к перегородке, всматриваясь в обитателей отсека, и негромко говорила.

Услышав шаги Элли, она отскочила с прытью, которую нельзя было заподозрить в ее крупном теле. Матильда испуганно моргнула, но тут же спохватилась и грозно нахмурилась. Руки она спрятала за спиной, но Элли успела заметить, что хозяйка камбуза что-то сжимает в кулаке.

– Что вы тут делаете? – изумленно спросила Элли, припомнив, что на камбузе вечером было необычно тихо, потому что Тильда отсутствовала и ее громовой голос не сыпал проклятиями и приказами.

– Проверяю, как ты выполняешь свою работу, – тут же набросилась на нее Матильда. – Где шлялась, я спрашиваю? На полчаса опоздала! Раз уж взялась следить за грузом, корми его вовремя!

– Простите.

Тильда бочком прошла мимо девушки, стараясь не поворачиваться к ней спиной и не показать руки.

Элли проводила ее изумленным взглядом.

Пол под ногами качнулся и ушел вниз, на миг наступил момент невесомости. Шпангоуты издали тоскливый стон, переборки задрожали, животные в соседнем отсеке начали бесноваться и рычать.

Големы синхронно скрипнули суставами, расставили ноги шире и замерли.

– Чертова качка! Ну и ночка предстоит, – выругалась Матильда, сунула загадочный предмет за пазуху поварского кафтана и затопала по лестнице наверх.

Элли поставила на пол чан и почесала затылок.

Занятно. Трюм манит многих членов команды. И доктор Гризвольд тут вчера ошивался, и вот теперь повариха...

Голем легко стукнул в перегородку, привлекая ее внимание.

– Сейчас, сейчас, ребята! – засуетилась Элли.

* * *

Возвращаясь на камбуз, Элли мимоходом глянула на часы.

Уже шесть вечера. Неудивительно, что она еле ноги волочит. Она беспрестанно трудится почти двенадцать часов с короткими перерывами на завтрак и обед.

Обычный человек уже давно лежал бы пластом. На камбузе работала вторая смена, и часть горничных отправилась отдыхать.

Конечно, если бы Элли попросила, ее бы тоже отпустили – она работала за двоих, а то и за троих! Но ей очень хотелось выслужиться, показать свою незаменимость, заработать репутацию и обеспечить себе место на судне до конца путешествия.

Хорошо, что у нее есть дополнительный источник сил – механическая начинка, синтетические органы и алхимический состав крови!

Но вдруг Элли пронзило страшное подозрение.

Артифисы выносливее людей. Но ее механизмы требуют подзавода – только потому, что кому-то взбрело в голову иметь средство контроля над полулюдьми.

Ключ остался у Борова Лазаруса. В последние дни она тратила куда больше энергии, чем обычно. Хватит ли сил, чтобы продержаться до конца полета, до заокеанской страны, где ей сделают другой ключ?

Элли прислушалась к себе и успокоилась. Пока все в порядке: сердце бьется ровно, руки-ноги действуют, ни следа вялости и апатии. Мышцы немного болят – это понятно, попробуйте драить тарелки и светильники несколько часов подряд! Все-таки у нее есть и обычные человеческие органы, которым нужно давать отдых.

Отпрошусь у Матильды, решила она. Надо и о себе позаботиться. Вернусь в каюту и лягу спать, как примерная девочка.

У камбуза ее ждали. Тетя Дженни степенно прохаживалась по коридору и с интересом изучала развешанные на стенах инструкции для персонала.

Увидев Элли, она бросилась к ней и схватила ее за локти, чуть не выбив пустой чан из рук.

– Дорогая, как ты? – спросила она с глубоким сочувствием. – Боже, как мне жаль, что так вышло! Мы тебя подвели. Но Крис распустил язык не со зла. Глупый мальчишка так и не научился пользоваться головой!

– Я на него не сильно сержусь, – Элли вымученно улыбнулась. – Все складывается не так уж плохо.

Тетя Дженни посмотрела на чан в ее руках и покачала головой.

– Вместо того чтобы блистать в салоне, ты убираешь за пассажирами и живешь в каптерке. Разве этого ты заслуживаешь?

– Раз я нарушила закон, то заслуживаю сурового обращения. Капитан Ларсен обошелся со мной довольно мягко.

– Я полна надежды уговорить его оставить тебя на судне. Элли, я не брошу тебя в беде. Сделаю все возможное. Сегодня я имела долгую беседу с Ларсеном. Увы, не очень продуктивную. Капитан выслушал меня, но не дал ответа. Выпроводил меня из кают-компания, а сам сбежал на мостик. Но он так просто не отделается! Если потребуется, я и на мостик проберусь.

Пожилые дамы – страшная сила, подумала Элли с легкой улыбкой. Они могут брать города, пользуясь жизненным опытом и привилегиями, которые дает им возраст.

Элли была тронута.

– Спасибо, тетя Дженни. Не переживайте. Я справлюсь. С капитаном вполне можно договориться. Сегодня он очень занят, не стоит его отвлекать. Подождем спокойного момента.

– Потом может быть поздно.

Госпожа Майер вместе с Элли зашла на камбуз. Там было пусто, лишь у стола Гильда нагружала поднос посудой.

– Несу кофе штурманам и помощникам, – объяснила она. – Сегодня у них хлопот полон рот, они даже на ужин не явились. Но буря-бурей, а подкрепиться им надо.

– Капитану Ларсену вы тоже несете кофе? – спросила тетя Дженни. Ее глаза загорелись. Сразу стало ясно, что ей пришла в голову какая-то блестящая идея.

Элли забеспокоилась. Все блестящие идеи тети Дженни имели кучу непредвиденных последствий.

– Нет, потому что капитан на мостике, и...

– Бедный мальчик несет сложную вахту! Наш капитан заслуживает самой большой кружки самого крепкого кофе.

– Да, он уже давно в командной рубке, но я должна...

– Мы сами отнесем ему его кофе, – прервала Гильду тетя Дженни.

– Но...

– Элли справится. Милочка, спокойно идите в кают-компанию или куда вам велено.

Тетя Дженни взяла с подноса Гильды кружку и термическую флягу.

– Элли, пойдем, – позвала она властно. – Позаботимся о нашем капитане.

А потом понизила голос и прошептала:

– Ему нужно видеть твою заботу.

Элли переглянулась с Гильдой. Та пожала плечами и кивнула.

– Хорошо. Относить кофе капитану – обязанность госпожи Матильды, а она куда-то запропастилась. Что поделывать! Неси ты. Надеюсь, Ларсен не будет сильно ругаться.

* * *

Элли пошла за тетей Дженни, испытывая некоторые сомнения.

Но ей вдруг до смерти захотелось увидеть капитана Ларсена. Сегодня она постоянно о нем думала и представляла себе их новую встречу.

Что плохого в том, если она придет к нему на мостик и принесет подкрепиться?

Чтобы попасть в командную гондолу, пришлось идти в нос судна, потом перейти в технический коридор. Элли здесь еще ни разу не бывала, и все казалось ей интересным.

За открытыми дверями виднелись разные машины и аппараты, опутанные проводами. Бледным светом горели лампочки. Моторы громко гудели. Шторм усиливался, и из-за этого «Горгона» шла полным ходом, чтобы ее не снесло. Элли всем телом чувствовала, как судно сражается со стихией.

Переборки дрожали, пол ходил под ногами. Время от времени Элли и тетю Дженни ощутимо кидало от стены к стене.

На звук шагов из каморки выглянул усталый механик. Увидев двух женщин, недовольно нахмурился, но, разглядев форму Элли, кивнул и спрятался обратно.

Тетя Дженни изучила схему на стене коридора и показала на узкую дверь:

– Теперь сюда и вниз.

За дверью обнаружилась крутая лесенка; Элли преодолела ее легко, тетя Дженни не отставала.

– Может, вам лучше вернуться к себе? – спросила ее Элли.

– И упустить возможность побывать в командной гондоле? Ни за что! – бодро ответила тетя Дженни, хотя она изрядно побледнела и то и дело хваталась рукой за горло; качку она переносила плохо, но не желала показывать слабость.

– Как там Фанни? Капитан не обнаружил ее?

– Нет! Она продолжает ехать зайцем. Пулкинс отделался легким выговором за то, что нам помогал...

Тетя Дженни решительно потянула последнюю дверь, и они оказались в святой святых судна – в командной гондоле.

Это было длинное помещение, разделенное на три части.

В задней части, куда вошли Элли и тетя Дженни, имелся небольшой стол и несколько скамей, привинченных к переборкам. Здесь штурманы и капитан записывали наблюдения и отдыхали.

Дальше шла штурвальная рубка. Элли поразило разнообразие приборов и аппаратов, которые свисали с потолка, крепились к щиткам, стояли на подставках...

Возле них возились сосредоточенные штурманы. Некоторые приборы Элли угадала: регуляторы высоты, пульт управления клапанами, альтиметр, кренометр.

С ума сойти, как капитан в этом всем разбирается!

Дальше располагался мостик и штурвал направления.

Вся передняя часть кабины была прозрачной, запотевший плексиглас крест-накрест пересекали алюминиевые рамы. А снаружи бушевал ад: свистел ветер, рвал на клочья плотный туман, на алюминиевых рамах вспыхивали голубоватые разряды – огни святого Эразма.

Капитан, одетый в плотную шинель и свитер, расхаживал по рубке, заложив руки за спину, поглядывал на показания приборов и командовал отрывистым голосом:

– Сбавить обороты! Три градуса лево руля. Давление в резервуарах?

– В норме! – сообщил штурман, утирая лоб.

– Надо бы уйти выше, – подал голос первый помощник. – Шторм усиливается.

– Третий и пятый двигатель искрят. Мощности не хватает. Ждем, когда механики исправят.

В кабине было холодно, пахло металлом и усталыми мужчинами. Напряжение находившихся в ней людей передалось и Элли: она попятилась и наткнулась спиной на госпожу Майер.

– По-моему, нам лучше уйти, – пробормотала она. Но тетя Дженни мягко позвала:

– Господин Ларсен!

Ларсен обернулся; в первый миг на его лице мелькнуло недоумение, а затем он пришел в ярость.

– Какого дьявола! Кто вас сюда пустил?!

– Мы принесли вам кофе, – сказала Элли, вздрагивая от страха. – Простите, мы не думали, что...

– Вход пассажирам в командную гондолу строго запрещен! Вон отсюда!

– Капитан, кофе пусть оставят! – взмолился штурман.

– Ставьте кружки и термос на стол и выметайтесь!

Элли смотрела на него со смесью ужаса и восхищения. Капитан Ларсен был грозен и прекрасен. От усталости его щеки осунулись, на висках лежали синие тени, а лицо было таким властным и решительным, что у нее даже коленки задрожали.

– Молнии по левому борту! – выкрикнул рулевой, и кабина осветилась мертвенным, ослепительным светом. Коротко, оглушительно грохнуло, дирижабль тряхнуло. Элли втянула голову в плечи.

– Входим в грозовой фронт!

– Давайте максимальный угол подъема! – капитан отвернулся от нарушителей и стремительно ушел к переднему стеклу. – Повисить обороты!

Элли торопливо поставила термос и кружки на стол и попятилась. Стыдно признать, но ей стало жутко. Гроза над городом – это романтично, красиво и безопасно. Но одно дело любоваться молниями из окна квартиры, и совсем другое – оказаться в их гуще. Сейчас дирижабль несется навстречу рычащему чудовищу, и оно может сделать с ним все что угодно. От басистых раскатов волосы на затылке встают дыбом и холодеет в желудке.

Тетя Дженни жадно рассматривала рубку, и на ее лице застыл восторг, как у ребенка, которого впервые взяли на ярмарку.

Элли потянула ее за рукав, но уйти они не успели: за спиной на лестнице послышались гневные крики, грохот, и в кабину ввалился красный и растрепанный укротитель Буффорд, которого хватал за руки матрос Луц.

Черноту за окнами вновь осветила яркая вспышка, белый огонь высветил фигуры мужчин на мостике и капли на стекле.

– Капитан! – закричал Буффорд, брызгая слюной и потрясая кулаками. – У вас на судне черт знает что творится! Вы обязаны принять меры, разобраться! Шеф-стюард сказал, что...

– Это еще что за цирк?! – произнес капитан таким громовым голосом, что даже заглушил бурю и укротителя. – Вы тут что делаете?

– Я пытался не пустить его, – оправдывался Луц, – но он меня пнул и вырвался. Он хотел говорить только с вами! У него что-то случилось в каюте!

– Штурман Ройс!

На зов капитана повернулся угрюмый мужчина с габаритами тяжеловеса.

– Вывести посторонних и запереть в каптерке!

Штурман Ройс двинулся к ним медвежьей походкой, на ходу закатывая рукава свитера и обнажая волосатые предплечья.

– В каптерку! За что! – взвыл Буффорд. – Я просто требую разобраться и наказать виновных!

Штурман схватил его за шиворот.

– Мы уже уходим! – торопливо сказала тетя Дженни, тоже струхнув.

А Элли молча собралась дать стрекача.

– Капитан! Неопознанный аэростат по правому борту! Терпит бедствие! – крикнул помощник, и капитан мигом отвлекся от нарушителей.

* * *

Обстановка в кабине резко изменилась.

Все всполошились. Градом посыпались команды. Штурманы, бледные от напряжения, орали в переговорные трубки и передавали сведения капитану.

Ларсен стоял у окна и пристально всматривался во тьму, время от времени протирая запотевший плексиглас рукавом.

Элли увидела, как в размазанном луче бокового прожектора мелькнула среди лохмотьев тумана тень. Мелькнула и пропала.

– Ушел ниже, – доложил первый помощник.

Штурман, не выпуская переговорную трубку, докладывал сведения от наблюдателя:

– Небольшой аэростат. Одноместный. Три двигателя. Работает только один. Стабилизатор сорван. Его несет параллельным курсом. Близко, не больше десяти футов. Возможно столкновение.

– Сигнал?

– Не отвечает. Неизвестно, есть ли внутри авиатор.

– Придется бросить трос с крюком, взять его на бордаж, притянуть к «Горгоне» и крепко принайтовать, – решил капитан, и его скулы заострились от напряжения. – Ветер усиливается. Если его бросит на «Горгону», он может повредить нам оболочку и моторы. Ройс! Общий сигнал готовности. Пять человек на галерею, два на наблюдательный пункт. Страховку, теплую одежду, крюки, канат. Подготовить лебедку.

Вспыхнула еще одна молния, и сразу же в «Горгону» ударил такой сильный шквал, что она содрогнулась всей тушей.

– Капитан! – крикнул штурман. – Боковой ветер усилился.

Ларсен подошел к штурвалу направления, чтобы скорректировать курс.

– Три градуса влево. Держимся высоты. Нас может немного потрепать. Спокойно! Мы вытянем.

Загудел тревожный зуммер, рассылая команду по местам.

О незваных гостях в кабине все забыли, и они под шумок поднялись в коридор вместе со всеми.

В коридоре мигала красная лампочка. Промчалась группа механиков. Элли прижалась к переборке, чтобы их пропустить.

На Элли налетел матрос Луц и сунул ей в руки кипу теплых комбинезонов.

– Неси в наблюдательный пункт у люка на галерее! – приказал он и бросился дальше.

Элли кинулась за ним по качающемуся проходу. Она была полна решимости выполнить данное ей поручение.

«Горгона» попала в переplet! Но Элли не боялась – теперь, увидев Ларсена за работой, она не сомневалась, что он справится. Он раздавал команды уверенным, властным тоном, и точно знал, что делает.

Но она также понимала: каждая секунда на счету, и не все зависит от капитана и его умений. Команда должна действовать слаженно и точно. Любая помощь не будет лишней.

Поэтому она бежала, спотыкалась, чуть не падала – ее бросало на стены, руки сжимали тяжелую кипу одежды.

В тусклом коридоре то и дело раздавались ругательства механиков, которым было еще труднее держаться на ногах – им ведь не приходилось раньше танцевать на проволоке, как Элли! Тут у нее было преимущество.

Вместе со всеми она вбежала в наблюдательный пункт с широкими иллюминаторами. Они выходили на внешнюю галерею.

В кабине сразу стало тесно. Луц выхватил одежду из рук Элли, принялся раздавать комбинезоны, канаты и крюки. Элли помогала матросам одеваться.

– Быстрее, быстрее! – торопил Пулкинс, который нес вахту на наблюдательном пункте.

Тем временем буря лупила и молотила судно мощными порывами ветра, как боксерскую грушу. «Горгона» подсакивала и вздрагивала. Пошел дождь: струи горизонтально хлестали по оболочке.

Прожектор за окнами кабины освещал мятущиеся тени испарений. И тут что-то вырвалось из темноты – огромный темный силуэт косо помчался прямо на «Горгону».

Это был терпящий бедствие аэростат: он шел так близко, что Элли отчетливо увидела в луче прожектора блестящий черный бок, длинную прозрачную кабину, обрывки снастей, клепки на креплениях моторов.

И вдруг «Горгону» потряс мощный толчок и она накренилась. Матросы и механики повалились; вокруг кричали и ругались. Элли, выронив последний комбинезон, успела ухватиться за поручень.

Раздался длинный, тоскливый скрежет металла. Свет заморгал, а потом и совсем погас. Теперь дирижабль вслепую пробирался сквозь бушующее море непроницаемого тумана. Кругом стояла пещерная тьма.

– Братцы, что это?

– Он в нас врезался! Зацепил моторную гондолу и галерею! А потом оторвался, и его унесло назад!

Свет вспыхнул, но теперь он горел тускло и постоянно моргал. Люди поднимались, отряхивались, выглядывали наружу и беспомощно чертыхались.

– Дьявол, вот незадача!

Пулкинс снял переговорную трубку и выслушал доклад из другого наблюдательного пункта, а потом переключился на мостик и получил распоряжения от капитана.

– Чужой аэростат нанес нам сильные повреждения, – мрачно сообщил он, повесив трубку. – Снес третью моторную гондолу. Она сейчас висит на одной стойке. С внешней галереей тоже беда; среднюю часть срезало, как ножом. Проблемы с выбросной антенной. Радиосвязи на длинных волнах у нас теперь нет. Но хуже всего то, что он сильно порвал оболочку. Большой лоскут висит. Оболочку надо залатать, иначе разрыв пойдет дальше. Для этого придется выйти наружу и подцепить край полотнища; он запутался на остатках галереи. За работу, парни! Ветер усиливается. Рядом центр шторма. Капитан спустит судно ниже, пока мы будем работать, но времени у него немного. Потом нужно подняться, там будет тише. Нас здорово потрепало. Четыре мотора вышли из строя.

Глава 15

Команда встретила новость в гробовом молчании.

– А что с тем аэростатом? – спросила Элли. – Люди в нем погибли?

– Не знаю, – ответил Пулкинс, не глядя на нее. – Не наша забота. Сейчас наша задача – свести к минимуму повреждения «Горгоны». Надо заштопать разрыв на оболочке. Если получится, спасти двигатель – он висит на соплях. Подцепим его и притянем. А там что-нибудь придумаем.

– Не переживай, дочка, – шепнул Элли старый механик Бумброк. – Если у того аэростата хорошая плавучесть, он поболтается в буре, как дерьмо в проруби, сбросит балласт и взлетит выше. Но если его баллоны пробито при столкновении, тогда пиши пропало. Однако мы больше ничего не можем сделать. Самим бы выжить.

– Капитан справится, – ответила Элли, стараясь подбодрить себя.

– Факт, справится, – согласился Бумброк. – Но и нам надо не оплошать.

Второй помощник тем временем провел короткое совещание с капитаном по переговорной трубке и принялся передавать команде его приказания.

– Трое идут на галерею. Надо подойти ближе к двигателю и подцепить его на крюк. Потом осторожно освободить край оболочки. Лоскут втянут изнутри и прихватят. Оторвать рискованно – разрыв может пойти дальше.

Пулкинс назвал двоих механиков, которым предстояло выйти на галерею, и добавил к спасательной команде матроса Луца.

Работа закипела. Хмурые и собранные, мужчины застегнули комбинезоны и шлемы, опустили на глаза защитные очки, закрепили страховочные тросы на поясах.

Штурман Ройс открыл дверь. Внутрь ворвался холод.

– Поторопитесь! Ветер стих. Нужно воспользоваться передышкой.

– А чего это он стих? – обеспокоенно спросил Бумброк. – Сдается, мы вошли в центр урагана. В его «глаз»!

– Именно так. Поэтому работаем быстро. Когда «Горгона» выйдет из «глаза», трепать нас будет крепко.

Механики вышли на галерею. Остальные открыли иллюминаторы и стали наблюдать.

Элли удалось проскользнуть на галерею вместе с Бумброком и вторым помощником. На нее не обращали внимания: теперь ее считали членом экипажа, и как будто молчаливо признали ее право быть вместе с остальными. Даже несмотря на то, что она была облачена в форму горничной, а не матроса.

Но возможно, всем просто было не до нее.

Элли обдало ледяным воздухом, словно душем. Она вцепилась рукой в покрытый тонкой коркой льда поручень и огляделась.

Буря затаилась. Слева, справа под ногами разверзлась мрачная темнота. Над головой сквозь пелену светит размытый круг луны. Ключья тумана ползут, как щупальца. Влажно и холодно: на волосах тут же осела морось и превратилась в лед.

Перевела взгляд на галерею и ахнула. В белом свете прожектора все повреждения были отлично видны.

От галереи остался лишь кусок. Дальше металлическая дорожка отрывается от перил, загибается вниз и заканчивается лохмотьями. Как будто гигантская рука небрежно дернула бумажную ленточку, оставив неровные края! Штыри поручней перекошились и торчат во все стороны, но перила каким-то чудом оказались почти не повреждены – только одна короткая секция сорвана.

Перила уцелели, а дорожка нет. Где была секция, теперь зияет провал длиной в пять футов. Чтобы пересечь его и попасть на следующий участок, придется встать на перила, как на трамплин, пройти несколько шагов, а затем прыгнуть. Секции после провала тоже досталась: часть креплений сорвана, но она пока держится.

И ведь кому-то это придется сделать, осознала Элли. Пробраться до разрыва и перепрыгнуть его. Потому что дальше расположена площадка, а с нее отходит мостик к моторной гондоле. Мотор висит на одном креплении. По нему хлопает полотно, вырванное из бока «Горгоны». Оно зацепилось за штырь и крепко его опутала.

– Луц, пойдешь ты. Ты самый молодой и шустрый, – распорядился Пулкинс и объяснил, что надо делать – Элли правильно догадалась о порядке действий.

– Есть! – ответил Луц, сильно побледнев. Он подошел к краю провала, крепко держась за перила, глянул вниз, быстро отступил на шаг и прерывисто вздохнул.

– Ты на страховке. Если что, мы тебя вытянем, – успокоил его Бумброк. – Лишь бы ветер опять не поднялся.

– А не лучше спустить человека сверху на канате?

– Нет. Оболочка порвана. Ему придется сползать по ней, он порвет ее сильнее. Отсюда удобнее и безопаснее.

Из ртов вырывался пар. Негромко гудели оставшиеся моторы, но кроме этого не было никаких других звуков. Гроза затихла, ветер умер, густой туман гасил плеск волн.

Луц с обреченным видом пристегнул к поясу трос с крюком, который ему придется бросить вниз, чтобы зацепить мотор. Проверил наличие ножа. Сплюнул три раза через левое плечо и отважно пошел вперед.

Он дошел до края галереи, затем ему пришлось забраться на уцелевшие перила, потому что настил дальше был сорван. Он лег на перила животом, цепляясь за вертикальные брусья руками и ногами, и пополз вперед, как лемур.

– На ноги вставай! – крикнули ему. – Тебе же все равно прыгать придется, чудила! Там дырка впереди!

Луц принялся неуклюже подниматься. Кое-как разместил ступни на поручне, и долго не решался оторвать руки и выпрямиться.

Элли морщилась, глядя на него.

Он все делает неправильно! Совершенно не умеет держать равновесие, и ноги у него слабые.

Опорную ногу нужно ставить прямо, четко прямо! Спину ровно, но мышцы расслабить. А у Луца от напряжения лопатки торчат, и сам он весь скособочился. Никакого понятия у человека о динамике равновесия!

Руками машет, хватает воздух. И то и дело смотрит вниз. И от страха его колени стучат друг о друга!

– Он сейчас упадет, – пробормотала она под нос.

– Не каркай! – легонько толкнул ее Бумброк.

Луц тем временем, двигаясь мелкими шагами, махая руками как мельница, дошел до обломанного края перил.

– Прыгай! – кричали ему.

А Бумброк сказал негромко:

– Дай бог, чтобы тот край галереи не обвалился от его прыжка. Там часть креплений тоже вывернуло. Может не выдержать его веса.

Луц замер в луче прожектора, не решаясь сделать прыжок над разломом.

И тут не вовремя ударил короткий порыв ветра – ударил и тут же стих, но этого хватило: Луц дрогнул и потерял равновесие. Изогнулся, отчаянно замахал руками, опрокинулся на спину и полетел вниз.

Страховочный канат натянулся; все закричали и перегнулись через перила, всматриваясь в темноту.

– Ты жив, Луц?

– Жив! Тяните меня скорее!

Луца вытянули на галерею; разболтавшиеся крепления страшно трещали и скрипели. Пулкинс загнал всех внутрь.

Луц постанывал, хлопая себя по бокам оледеневшими руками. На его щеке была кровь: при падении он зацепился за снасть. Его усадили в угол кабины и сунули в руки фляжку.

– Простите, братцы, – жалобно говорил он. – Не смог я. Перила оледенели, да и ходят туда-сюда – винты-то повывлетали. Да еще ветер, будь он неладен!

– Никто не сможет, – угрюмо ответил Ройс. – Ладно. Спустим человека сверху. И при этом попробуем не порвать оболочку ко всем чертям. Но время поджимает. «Горгоне» надо уходить выше, набирать скорость. Капитан ее придерживает из-за нас. А мы тут возимся!

– Дайте мне пройти по галерее, – сказала Элли. – Я смогу. Это же совсем просто.

По случайности в этот момент в кабине все замолчали, и поэтому слова Элли в тишине прозвучали громко. На нее уставились скептические, усталые лица. Пулкинс нахмурился и, подражая капитану, попробовал рывкнуть:

– Кстати, что тут делает горничная? А ну брысь в каюту!

– Она и правда сможет, – сказал Луц из угла, слабым, но твердым голосом. – Я видел, что она вытворяла на камбузе. Она ж циркачка!

– Танцовщица кабаре, – поправила его Элли. – Но по канату ходить умею. А тут даже не канат – перила. Это все равно, что гулять по проспекту. Прыгнуть тоже смогу – тут же совсем ничего, пять-шесть футов! Перешагнуть можно. Я легче вас всех. Крепления меня

выдержат. Только расскажите подробно, пожалуйста... что мне потом делать, когда я окажусь на том конце галереи?

* * *

– Барышня, иди отсюда, – посоветовали ей без юмора.

– Я смогу! – Элли повысила голос. – Луц, скажи!

Но вместо Луца заговорил старый Бумброк:

– Братцы, пусть попробует, – он тяжело вздохнул и почесал подбородок. – Если она и правда по канату ходить умеет. Чего нам терять? Тут нужен человек ловкий, легкий. Привяжем ее как следует страховкой и пусть идет. Упадет – вытащим.

– Ты свихнулся, старый хрыч? – возмутился штурман Ройс. – Девчонка пойдет чинить оболочку и двигатель? Где такое видано?

– Бумброк поумнее вас всех, – отрезала Элли. – А что не видано – так увидите.

– Я не могу этого позволить, – Пулкинс взялся за переговорную трубку, чтобы связаться с капитаном. Приложил ее к уху, выругался, постучал по рычагу, еще раз выругался и повесил трубку.

– Что-то с внутренней связью! Чертова статика. Я иду на мостик доложить капитану. А ты не дури и немедленно отправляйся к себе, – велел он Элли и стремительно вышел.

Как же, так она и послушалась.

Элли повернулась к команде.

– Я сделаю все, что нужно, – сказала она твердо. – Я умею ходить по канату. Умею держать в руках монтировку и знаю, как ей пользоваться. Вам без меня не обойтись.

Схватила комбинезон и стала решительно его натягивать прямо на платье. Ей помогал Бумброк. Остальные мужчины пристыженно молчали и прятали глаза. На галерею вместо нее не хотелось выходить никому.

Ройс вздохнул, как рассерженный медведь.

– Ладно, слушай, – заговорил он. – Пройдешь до двигателя. Подцепишь его крюком. Потом возьмешь нож и срежешь край оболочки. Матросы втянут лоскут и прихватят его изнутри. Так-то

ничего сложного. Главное – перепрыгнуть с одного участка галереи на другой.

– Перепрыгну, – уверила его Элли, путаясь в рукавах комбинезона. Он был рассчитан на высокого мужчину, но Бумброк закатал штанины и закрепил их ремнями. Застегнул страховочный пояс. Вручил Элли тяжелый крюк и нож.

– Давай, дочка, – он похлопал ее по плечу. – Не подведи. И поторопись: времени мало.

Элли застегнула шлем, натянула очки на глаза и вышла на галерею – быстро, пока остальные не опомнились и не остановили ее.

Снаружи все еще было относительно тихо. Далеко в черном как смола небе изредка вырастали извилистые ветки молний, подсвечивая рваные края облаков.

Влажный холодный воздух ожег легкие, но и взбодрил. Элли почувствовала прилив энергии. Сердце билось ровно и азартно, и все казалось простым и выполнимым.

Такой подъем случался с ней каждый раз, когда она собиралась делать рискованный трюк на сцене. Сейчас ее сцена – небо и океан. Зрителей немного, но они стоят целого зала.

Элли сразу же забралась на перила, выпрямилась, раскинув руки, и оказалась в белом круге прожектора. Знакомое ощущение! Но сейчас прожектор не нужен. Он сбивает с толку

– Освещайте цель, а не меня! – крикнула она. Луч покорно переместился на дальний край галереи, куда ей предстояло добраться. Да, так лучше.

Элли сделала первый шаг и сразу поняла, как неудобно идти по тонким перилам в ботинках на толстой подошве. Надо было разуться, идти в одних носках.

Нет, перила скользкие. Не помогло бы. Да еще страховочный канат мешает: он тянется за ней как змея и сбивает баланс.

Вдох-выдох: голова освобождается от лишних мыслей. Спина прямая, как струна. Глаза сфокусированы на одной точке. Еще шаг, и еще.

Все просто! Перила не проседают под ногами, как канат. Они твердые и надежные.

Элли перенесла вес с левой ноги на правую, и тут-то что-то громко скрипнуло, вниз полетел болт, перила дрогнули и чуточку

покосились. Одновременно с этим ударил порыв ветра, резанув холодным лезвием по щеке.

Стоя на одной ноге, Элли поймала равновесие, изящно взмахнув руками. Глянула вниз и замерла. Сердце подпрыгнуло и бешено заколотилось.

Внизу – клокочущая черная бездна. Не сцена, не сетка, а пучина! В старину пираты так казнили пленников – заставляли их пройти по доске над океаном.

Высота – тысяча футов или больше. Если она упадет, то повиснет на страховке, как кукла.

Не погибнет, нет. Но все же от острого ощущения высоты ей стало страшно.

Брус под ногами вибрирует. Мышцы ног чувствуют, как ненадежны крепления. Вот-вот передышка кончится, на дирижабль обрушится стихия.

По спине скатилась струйка ледяного пота.

– Давай, давай! Хорошо идешь! – подбодрили ее из кабины. – Молодец, девчонка!

Она вытянула руки. Пальцы лишь чуть-чуть не дотягивались до бока «Горгоны». Но это почти-касание успокоило ее.

Она дошла до конца перил. Обломанный конец подался под ее весом и ушел вниз. Не давая себе времени на страх, Элли сильно оттолкнулась и прыгнула.

Ноги ударились о загнутый вниз край настила; подошвы заскользили, как на горке, Элли упала на четвереньки и быстро добралась до ровной поверхности. И только здесь позволила себе перевести дух.

В кабине радостно закричали.

– Давай к мотору!

Дальше Элли действовала на автомате. Прошла по мостику до скрипящей, покореженной махины мотора. Тут нужна осторожность: он висит на одном креплении, если она ошибется, винты сорвет, мотор рухнет вниз, а вместе с ним и мостик.

Зажимы на крюке оказались неподатливыми. Пришлось повозиться. Холодный металл обжигал кожу. Она забыла перчатки, разиня!

Наконец, зажим щелкнул. Теперь освободить край оболочки.

Дело оказалось не таким простым. Ветер проснулся, и проснулся в дурном настроении. «Горгона» выходила из полосы затишья. Теперь шквалы налетали один за другим, холодные и злые. Оболочка хлопала и бесновалась. Край прорезиненной холстины ударил Элли по лицу, щека вспыхнула так, что на глазах выступили слезы.

Элли орудовала ножом, крепко стиснув зубы. Последний удар, и холст сразу же подскочил наверх. Изнутри «Горгоны» его тянули сильные руки, чтобы потом прихватить железными скобами.

– Назад! Скорее!

Вспыхнула молния, такая яркая и близкая, что Элли на миг ослепла и съежилась, ожидая удара грома, но он почему-то не последовал.

И тут она осознала, что обратный путь будет куда сложнее. Теперь придется прыгнуть с настила сразу на перила, зацепиться, выпрямиться, потом пройти до уцелевшей части дорожки.

Элли стояла на краю и не решалась. Так и эдак изучала покореженную арматуру, оценивала, прикидывала, а ветер бил ей в спину и подгонял.

– Давай, давай! «Горгоне» нужно подниматься!

И Элли прыгнула – рыбкой, как акробат с трапеции. Она рассчитывала ухватиться руками за перила.

Ладони коснулись ледяного железа и заскользили. Брус застонал и согнулся. Сердце бешено колотилось. Элли изгибалась, перебирала ногами в поисках опоры, и не находила ее.

Сейчас Элли как никогда хорошо чувствовала свое тело. И чувствовала, какое оно живое – пусть и не все оно состоит из податливой плоти.

Мышцы и их синтетические заменители гудят от напряжения. Шестеренки в сердце бешено крутятся, гонят по сосудам кровь и алхимические жидкости, сокращаются мускулы. Все действует, как единое целое. В плече похрустывает – кости или металлические суставы? Неважно. Ее тело сильное и гибкое. Она не просто человек – она больше, чем человек!

«Давай! – мысленно приказала Элли себе. – Ты артифиса! Ты почти циркачка. Ты справишься!»

Она подтянулась на руках; в глазах заискрило от напряжения. Страхочный канат дернулся; команда не зевала. Ее готовились

втащить наверх.

Элли разжала руку, чтобы ухватиться поудобнее, но тут ей в спину с размаху ударил мощный порыв ветра. Удар был настолько силен, что стальные балки натужно застонали, а дирижабль страшно качнуло.

От толчка руку вывернуло, пальцы разжались, и Элли полетела вниз.

Она не успела по-настоящему испугаться. Страховочный пояс впился ей в грудь, канат щелкнул и натянулся. Элли бешено закрутило, как мячик на веревочке.

Со всех сторон хлестал ветер, в ушах выло и стонало. Перед глазами мелькала то мокрая обшивка дирижабля, то клочья тумана.

Прошла почти вечность, прежде чем вращение замедлилось. Теперь Элли толчками двигалась вверх. Страховочный пояс больно врезался в грудь, вдохнуть едва получалось. Ее тошнило.

Полыхнула молния, грянул раздирающий перепонки гром. На миг туман вспыхнул белесым светом, бездна под ногами словно разверзлась: показалась мятущаяся поверхность океана.

Элли судорожно ухватилась за веревку, подняла голову и увидела над собой искаженное бешенством лицо капитана Ларсена.

И вот тут-то она испугалась – до оцепенения. Вот теперь ей точно конец!

Капитан перегнулся через край галереи и вместе со всеми тянул канат. За его спиной мелькали бледные лица матросов и механиков.

Наконец, ее схватили под мышки сильные руки и втащили на галерею.

– Элли! Глупая девчонка! Убить тебя мало! – рявкнул ей в лицо Ларсен и коротко втянул воздух сквозь зубы, моргнув от боли.

– Капитан, вы ранены! У вас кровь на шее, – заметил Бумброк, наматывая на трясущуюся руку страховку.

– Пустяки. Оцарапался об арматуру, – Ларсен коснулся шеи и сморщился. С удивлением глянул на ладонь: перчатка была мокрой от крови.

Элли не отрываясь смотрела на его подбородок, по которому стекали красные капли. Другой рукой Ларсен прижимал ее к себе, а Элли распласталась на его груди и часто дышала.

Какой он сильный, надежный! Он злится на нее – это чувствуется. Но когда злишься на человека, хочешь оттолкнуть его. А капитан

обнимает ее крепко, отчаянно, хоть и одной рукой.

– Ларсен, похоже, вы плечо вывихнули, – заметил Ройс. – А девчонка как?

– Ты как? – Ларсен заглянул ей в лицо.

– Я цела! – слабо ответила Элли. – А ты ранен! Тебе надо к доктору!

Пол дрогнул под ногами и заскрипел.

– Капитан, настил может оторваться, – сказал Бумброк. – Винты повывлетали. Скорее в кабину! Теперь мы возьмемся за дело.

* * *

Элли вдруг стало дурно. Пожалуй, впервые в жизни. Что-то разладилось в ее механизмах – а может, ее человеческая часть не выдержала напряжения. Окружающий мир помутнел, голоса слились в глухой шум, под веками вспыхивали яркие круги и взрывались болью.

Кто-то ощупал ее, отстегнул страховочный пояс, усадил на пол.

Вокруг нее топали люди, гремели инструментами. Гудела лебедка, кабина мелко вибрировала.

Среди беспорядочных возгласов и гула она различала лишь голос Эвклида. Он громко и спокойно отдавал команды, один раз рассердился и выругался, потом коротко рассмеялся в ответ на какую-то шутку.

Среди механиков колыхалась черная, похожая на призрака фигура. Доктор Гризвольд упорно приставал к капитану с бинтами и марганцовкой, а тот отмахивался и раздавал указания.

Потом ее ухватили под мышки, закинули руку через чье-то плечо и повели. Ноги ступали сначала по ровной поверхности, голос Бумброка ласково велел:

– Тут лесенка. Ну-ка, ну-ка, одну ножку подними, теперь вторую! Умница, дочка! Вот и дошли.

Элли устроили на кушетке, дали в руки горячую кружку, накинули на плечи плед. Она помотала головой, отпила густого какао. Туман перед глазами развеялся.

Проморгалась и выяснила, что она находится в каюте с белыми стенами. В шкафчике за стеклянной дверью дребезжат склянки, на

столе разложены блестящие инструменты. Лампы сияют ослепительным белым светом, ноздри щекочет едкий запах карболки.

Она в медотсеке.

– Элли! – доктор Гризвольд тронул ее за плечо. – Мне нужно вас осмотреть.

– Нет! – она мотнула головой и отставила кружку. – Я в полном порядке.

– И все же осмотр не помешает.

Гризвольд снял сюртук и надел халат.

– Вы спасли судно, – рассуждал он, намыливая руки. – Любопытно было за вами наблюдать. Вы поразительно держите равновесие. Проприоцептивная система артифика более совершенна, а ваши рецепторы и мышечный тонус...

– Что с «Горгоной»? Мы справились? – прервала его Элли.

– Справились. Дирижабль поднимается выше. Шторм стихает. Капитан нашел хороший воздушный поток. Еще немного потрясет, а дальше пойдем как по маслу. Раздевайтесь, пожалуйста. У вас может быть перелом ребра.

– А капитан? Он тоже ранен!

Гризвольд вытер руки и подошел к Элли.

– Когда вас тянули наверх, сорвалась балка на галерее. Он ее перехватил и удерживал, иначе вы могли пострадать. Ларсену повредило кожу на шее куском арматуры. Вывихнут плечевой сустав. Ему нужен покой, но я еле прогнал его с мостика.

Доктор заставил Элли встать и помог спустить верх комбинезона и платья. Он быстро ощупал ее холодными руками, приложил ухо к груди, послушал и довольно хмыкнул.

– Все в порядке. Сердце бьется как часы. На теле и руках даже царапин не осталось. Принимаю это как комплимент, потому что именно я в свое время занимался разработкой кожи для артифика. Она пронизана сосудами в точности, как обычная, и способна к росту и регенерации. В будущем ее можно будет приживлять и обычным людям.

Элли передернуло. Доктор говорил о ней, как о каком-то предмете. Но она пересилила отвращение и задала вопрос, который так волновал ее в последнее время:

– У меня нет ключа от моего сердца. Как вы думаете, долго я еще протяну?

– А! Я и забыл, – доктор нахмурился. – Действительно. Эта идиотская мера предосторожности. Механизм подзавода.

Он завел руку ей за спину, нащупал бугорок между лопаток и легко надавил. Элли дернулась – не больно, но неприятно.

– Мне должны изготовить дубликат ключа в Федератах. Если я туда доберусь. Вы можете пока что-то сделать с этим?

– Нет. Я не механик и не репликатор. А ваш... кхм... заводной механизм по их части. Посоветую вам поберечь себя. Меньше двигаться. Тратить меньше энергии.

– Вряд ли это возможно.

– Будем надеяться, что вы успеете к своему механику. Пока я не вижу признаков ослабления работы ваших органов.

Элли вздохнула и застегнула платье. Потом выбралась из комбинезона, аккуратно сложила его и пристроила на кушетку.

Доктор следил за ее движениями, и в его глазах было глубокое удовольствие – но не то, что испытывает мужчина, видя перед собой полуобнаженную девушку, а удовольствие мастера, созерцающего шедевр.

– Артифисы... поразительные создания, – сказал он мечтательно. – Со времен первых автоматов, которых изготавливал печально известный мастер Жакемар, люди мечтали создать гибрид человека и механизма. И вот, мастеру Фуксу это удалось. Благодаря манипуляциям с эфирными полями, благодаря его гению анатома и механика.

– Как вы думаете, доктор, чего во мне больше? Человеческого или механического?

– Вы человек, – ответил доктор без запинки. – Вам нужен сон, еда, отдых. У вас есть чувства. Вы злитесь, влюбляетесь. Можете иметь детей.

– Нет, не можем, – Элли печально усмехнулась. – Еще ни одна артифиса не стала матерью, насколько мне известно.

– Другая мера предосторожности ваших хозяев. Ученые и промышленники хотели получить сверхлюдей. Но когда создали вас, решили, что все же безопаснее иметь дело с очеловеченными механизмами. Им были нужны рабы. Они забрали вашу свободу.

Придумали механизм подзавода и ключ к нему. Ограничили вашу способность к репродукции. Для этого потребовались лишь некоторые простые манипуляции с эфирным дубликатом вашего тела.

– И что это значит?!

– То, что все ограничения можно снять. Если найти толкового специалиста. Вы не знали? – доктор Гризвольд глянул на нее с любопытством.

– Нет! Я мало знаю о самой себе. Хотя жила в доме мастера Фукса, создателя артифисов, и он занимался моим воспитанием. Его предок изготовил первое механическое сердце, знаете?

– Да, разумеется.

Элли прикрыла глаза, вспоминая.

Фукс был седой, сухощавый, заносчивый. Пронзительный взгляд, поджатые губы, ловкие узловатые руки.

Пожалуй, она его любила. Не так, как дети любят отца – слепо и беззаветно. Его неприветливость и холодность не располагали к такой любви. Но она любила его как наставника, опекуна. Как ни крути, ближе его у нее никого не было. Когда он умер, она впервые познала горе.

– Фукс говорил, что я человек... но не до конца, – медленно сообщила она. – Что некоторые человеческие радости будут мне неподвластны, пока не изменится мир. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

– Я не мастер разгадывать загадки, – ответил доктор. – Но с Фуксом встречался. Знаю, что его огорчало требование ограничить вашу человеческую сущность. И если первых артифисов он считал своими детьми, то потом научился видеть в них лишь изделия, ничего более. Бизнес есть бизнес!

– Да, так и есть, – кивнула Элли, еле сдерживая слезы. – Он не давал ни мне, ни другим артифисам привязываться к нему. Но все же он относился к нам как к людям.

– А как же иначе! – удивился доктор Гризвольд, отошел к столу и начал озабоченно рыться среди склянок. – Пейте какао, Элли. Отдыхайте. Вы заслужили отдых.

Элли послушалась. Ей было хорошо и спокойно. Тут тихо, светло. Доктор бормочет под нос, уверенно гудят моторы, переборки лишь слабо подрагивают.

А какао какое вкусное! Только Матильда умеет варить такое – приправленное медом и корицей. И, кажется, капелькой рома.

Она наслаждалась каждым глотком и чувствовала, как оживает тело. Стихла боль в натруженных мышцах, в обмороженные кончики пальцев возвращалась чувствительность.

Дирижабль идет ровно. Буря ему теперь нипочем – она осталась позади. В этом есть и ее заслуга! Она спасла воздушное судно, помогла ему залечить раны. «Горгона» помогла ей бежать, а она помогла «Горгоне». Теперь они квиты, друзья неразлей-вода!

Элли распирала гордость. Удачно совершенный подвиг прекрасно сказывается на самочувствии! А доктор дал ей надежду. Потом она хорошенько обдумает все, что он сказал. Расспросит его. Не сейчас. Сейчас думать не хочется – хочется наслаждаться моментом.

Она с признательностью посмотрела на худую спину доктора Гризвольда. И ничего он не противный! Станный немного. Как все увлеченные люди. Но он по-своему порядочный, а странности простить можно.

Доктор озабоченно хмурился, кадая в мензурку зеленую жидкость.

– Вам помочь? – жизнерадостно спросила Элли, преисполняясь благодарности.

Доктор оглянулся и растянул губы в гримасе, которая заменяла ему улыбку.

– Уже пришли в себя и готовы действовать, – отметил он с удовлетворением. – Типичная артифиса.

Но даже это замечание не испортило настроение Элли. Она встала и подошла к столу.

– Что вы делаете?

– Отмеряю для Ларсена обезболивающее. Потом пойду проведу матроса Луца. Ему тоже досталось.

Доктор глянул на нее из-под очков.

– Если вам так хочется оказать мне услугу, то отнесите мензурку капитану и уговорите его принять обезболивающее. Быть может, вас он послушается охотнее, чем меня.

Элли сглотнула. Ее сердце вдруг стукнуло громко и отчетливо.

– С радостью. Если он меня не прогонит. Сегодня я уже попыталась принести капитану кофе на мостик, он чуть меня не загрыз.

– Не прогонит. Ларсен будет рад увидеть, что с вами все в порядке. Он о вас очень беспокоится. Отказывался от моей помощи и все требовал, чтобы я сначала занялся вами. Вот, берите, – доктор вручил ей мензурку. – Знаете, где каюта капитана?

– Да.

– Если его там не будет, значит, он опять сбежал на мостик.

– Поняла.

Элли взяла мензурку и отправилась выполнять поручение.

Глава 16

Крепко сжимая мензурку холодными пальцами, Элли постучала в дверь капитанской каюты.

– Войдите! – сразу ответил Ларсен. Его голос звучал глухо, как у смертельно уставшего человека.

Элли сдвинула дверь в сторону и вошла. И тут же ахнула и остановилась на пороге.

В каюте царил полумрак, горела лишь прикроватная лампочка. Эвклид стоял возле койки. Босой, в штанах со спущенными подтяжками и голым торсом. Через плечо, охватывая шею, тянулся белый бинт. Руку капитан держал неловко, слегка отведя от тела. Он поднял голову, глянул на гостью и едва заметно вздрогнул.

Элли любовалась им, приоткрыв рот, не слыша ничего, кроме шума крови в ушах. Ее ноги ослабели, в животе стало холодно, а сердце застучало, как будто она опять шла над бездной.

Кожа на мощных плечах и груди Ларсена светилась теплым молочным светом. Тени обрисовывали бугорки мышц; волоски на груди и руках золотились. Он был похож на древнего героя, чьим изображением она когда-то восхищалась в книжке. У Элли захватило дыхание, и она забыла, что хотела сказать и зачем вообще пришла в каюту к капитану.

В полумраке было не различить выражения его глаз; они озадаченно посверкивали на нее из-под насупленных бровей.

Похоже, капитан тоже растерялся. Он секунду смотрел на Элли, как будто не понимая, кого видит перед собой. А потом чертыхнулся, схватил рубашку с койки и начал натягивать.

– Это ты!

Он ругался сквозь сжатые зубы и боролся с рукавом рубашки. Его правая рука плохо действовала, мешали бинты, и у него никак не получалось одеться. Элли, как сомнамбула, шагнула вперед, поставила мензурку на столик и стала ему помогать натянуть рубашку на плечо.

– Тихо, Эвклид! Я помогу. Тебе нужно поберечь руку, – услышала она свой голос словно со стороны. Ее пальцы коснулись его груди, и она поразилась тому, какая горячая у него кожа.

Эвклид перехватил ее запястье и сжал. И отпустил не сразу.

Он держал ее недолго – секунду или две, и Элли смотрела на его длинные пальцы и чувствовала мозоли на его ладони. Покалывающая, жаркая волна пробежала от ее запястья до локтя, и дальше – в самое сердце. Элли посмотрела Эвклиду в лицо; их глаза встретились, и она моментально вспыхнула под его взглядом.

Но этот момент длился лишь миг; Эвклид разжал пальцы.

– Я принесла обезболивающее от доктора Гризвольда, – выдавила она.

– Мне не нужно. Я в порядке. А ты не пострадала? – он глянул на нее встревоженно.

– Что со мной сделается! – Элли небрежно махнула рукой и улыбнулась.

Капитан покачался, сел на кровать и едва заметно поморщился: нет, вовсе он не был в порядке. Элли надо было уходить, но она опустилась на стул напротив.

– Тебе бы отдохнуть, – сказала она обеспокоенно. – Ведь «Горгона» теперь в безопасности?

– Да. Сейчас на мостике Пулкинс. Но меня могут вызвать в любую минуту.

– Они справятся без тебя!

– Элли, ты не послушалась приказа и спасла «Горгону», – сказал он серьезно. – Зачем ты это сделала? Зачем пошла на галерею, рискуя жизнью? – капитан задал эти вопросы очень властно, как будто ему ужасно важно было знать ответ.

– Потому что я могла, а другие нет. Потому что люди были в опасности. Потому что я умею ходить по канату. Потому что приказы иногда нужно нарушать.

– Если бы я был на галерее, запретил бы тебе. Пулкинс позвал меня слишком поздно.

– Хорошо, что тебя там не было.

– Возможно.

Элли затаила дыхание. В глазах Эвклида светился мягкий юмор, уголки губ дрогнули. Это сбивало с толку. Она думала, он будет ругать ее за самодеятельность!

– Ты не обиделся на меня за то, что я не послушалась твоего приказа?

– Конечно, обиделся, – ответил он очень сурово.– Все капитаны обижаются, когда их не слушаются. Мы даже плачем по ночам в подушку, когда такое случается.

Элли неуверенно улыбнулась. Он шутил, определенно шутил! Во всем остальном, что касалось Ларсена, она вовсе не была уверена.

Знала лишь, что мужчина, который сидит напротив и смотрит на нее странным взглядом, вовсе не такой, каким показывает себя миру. И ей ужасно хотелось узнать все его мысли и маленькие секреты, все его страхи и мечты. И посмотреть на себя его глазами.

* * *

Она огляделась, вспоминая, как пряталась в этой самой каюте в первый день путешествия.

Теперь каюта выглядит обжитой. На плечиках висит капитанская форма, на столе фуражка придавливает пачку бумаг и карт. У стены тубус с телескопом.

Ни фотографий, ни безделушек в каюте не нашлось. Но кое-какие выводы о хозяине каюты – и судна – Элли все же сделала.

Порядок тут идеальный. Все на своем месте, каждая вещь аккуратно сложена. Это временное жилье серьезного, вдумчивого человека. Но человека, который умеет мечтать. Об этом говорят астрономические атласы на полке и стопка карандашных набросков на прикроватном столике.

Элли скосила глаза, пытаясь рассмотреть верхний рисунок. Женская фигура стоит, оперевшись на поручень галереи, поза смелая и беззаботная. Фигура была определенно знакомой. Ее Элли видела каждый день утром в зеркале.

От этого открытия ее охватила такая бурная радость, что она чуть не рассмеялась вслух.

Ларсен пошевелился. Он потер шею, оттянул бинт и поморщился.

– Тебе больно? – встревожилась Элли.

– Слишком плотная повязка. Натирает, – Эвклид попытался левой рукой распустить узел, но у него ничего не вышло. Элли пересела к нему на койку и стала помогать. Она спустила рубашку на плечо и сосредоточенно возилась с завязками, но чувствовала, что Эвклид

смотрит на нее. От близости его сильного, горячего тела у нее кружилась голова, и путались мысли.

– Какие у тебя ловкие пальцы, – сказал Эвклид хрипловатым голосом. – Все, что ты делаешь, у тебя получается хорошо.

– Я старательная! – улыбнулась Элли и подняла голову.

– И очень красивая.

Он коснулся пальцами ее щеки и обвел контур лица. Элли замерла, затаив дыхание. Он смотрел на нее серьезно, а его светлые глаза потемнели и стали цветом, как грозовое небо.

– И храбрая. Ты не боишься ничего на свете, не так ли?

– Я боюсь множества вещей, – голос у Элли куда-то пропал, и ее ответ прозвучал едва слышно.

– Например? – продолжал допытываться Ларсен; его пальцы обхватили ее подбородок.

– Грозы, – выпалила Элли, не думая, что говорит. В голове билась одна мысль: «Да поцелуй меня уже!»

Ответ Ларсена так удивил, что его рука упала. Элли чуть не застонала от разочарования.

– Грозы? Ты боишься грозы? Не закрытых помещений, а грозы?

– Закрытых помещений тоже, – сердито ответила Элли. – А гроза – это реальная опасность.

– И ты вышла на галерею в грозу и танцевала на перилах среди молний.

– Да? – растерялась Элли. – Точно. Была гроза. Но сегодня я почему-то не боялась. Ну, разве что в самом начале немножко. Честно говоря, твой гнев страшил меня куда больше.

– Поразительно, – сказал Эвклид сурово, обхватил ее здоровой рукой за затылок и поцеловал в губы.

Первый поцелуй был легким, дразнящим. Но за ним тут же последовал второй, и уже без шуток. Вторым поцелуем был властным, откровенным и решительным – как и все, что делал капитан.

Капитан не просил – он требовал, и отказа он бы не потерпел.

Элли приоткрыла губы; хоть она и хотела поцелуя, он застал ее врасплох, и она запаниковала на один короткий момент. Ее руки лежали на его груди, и когда поцелуй стал глубже, сжала пальцы, сминая ткань его рубашки. А потом обняла Эвклида за шею и ответила

так пылко, что ее сердце опалил огонь. Ей казалось, она плавится от его прикосновений.

Она осторожно исследовала очертания его рта, и обнаружила, что его губы имеют идеальную форму, один уголок чуть выше другого. Но они были жесткими, шероховатыми, с обветренной кожей – губы настоящего мужчины, героя, покорителя неба.

Это невыносимо! Он не спешит, его рука медленно ласкает ее шею и спину, спускается ниже – его сердце громко стучит, но он владеет ситуацией, не она! А ей хотелось раствориться в Эвклиде, стать с ним одним целым. Оказывается, любовь – мучительное чувство!

Элли казалось, что она вот-вот упадет в обморок, но при этом она никогда не чувствовала себя настолько живой и настоящей.

Она задыхалась и не соображала, что делает и где находится. Крепко сжала его плечи, но его твердое тело едва заметно вздрогнуло, и капитан коротко втянул воздух сквозь зубы.

Элли моментально отшатнулась, как ошпаренная.

– Прости! Я сделала тебе больно. Твое плечо!

Вместо ответа он притянул ее к себе и снова поцеловал, но теперь поцелуй был нежным.

Он отпустил ее и погладил ее щеку.

– Это ты меня прости. Надо признать, я все же не в лучшей форме.

– Ложись.

Элли заставила его опуститься на подушки. Эвклид со вздохом повиновался, и она поняла, как смертельно он устал, хоть и скрывает слабость изо всех сил.

– Не уходи, – Эвклид взял ее за руку.

– Мне не хочется уходить.

Она осторожно легла рядом с ним, обняла его, положила голову на здоровое плечо. Эвклид подвинулся, давая устроиться поудобнее. Перед глазами оказалась его щека и подбородок, и Элли изучала его черты, замирая от восхищения.

Тихо гудели моторы, но ветер стих; «Горгона» шла плавно, небо очистилось, в иллюминатор светил желтый круг луны.

Элли было хорошо. Но и немного тревожно. Ее возбуждение еще не улеглось – да и как тут успокоишься, когда рядом с тобой лежит

самый прекрасный и грозный мужчина на земле!

* * *

Эвклид повернулся, и теперь тоже всматривался в ее лицо.

– Ты изумительная девушка, Элли, – сказал он негромко. – Ты так прекрасна, что похожа на куклу.

Элли дернулась, как от удара током. Ничего хуже Эвклид сказать не мог.

– На куклу?!

– Прости. Я не умею говорить комплименты, – он криво улыбнулся. – Я не имел в виду глупую, лупоглазую куклу. Ты совсем другая. Лукавая, добрая... таинственная.

Он прикрыл глаза, мышцы возле его рта напряглись, брови сдвинулись, как у сильного, сурового человека, который говорит о чем-то трогательном, и стесняется своих слов. Элли моментально его простила.

Эвклид справился с приступом неловкости и продолжил, делая паузы, чтобы подобрать правильные слова, и это давалось ему нелегко.

– Моя семья была небогатой. Я рано начал работать – помогал матери. Разносил ее заказы. Иногда меня посылали в богатый квартал. Мой путь лежал мимо магазина игрушек. Я подолгу стоял перед витриной. Конечно, больше всего меня интересовали солдатики, конструкторы и ружья. Но еще в витрине стояла механическая кукла. У нее было очень милое лицо. И я воображал, что она – живая девочка. Я спасаю ее от хозяина магазина, и мы вместе отправляемся в дальнейшее путешествие и переживаем сотни приключений.

Он усмехнулся над собой.

– Не знаю, почему я это вспомнил. И почему я тебе это рассказываю. Мужчины обычно не делятся такими воспоминаниями. Я смешон?

– Нет, обычно не делятся. Только очень сильные и уверенные в себе мужчины не боятся говорить о таком, – улыбнулась Элли и ласково провела кончиками пальцев по его груди. – Ты ни капли не смешон, Эвклид Ларсен. Я люблю тебя за твою откровенность.

Сказала и прикусила губу. Девушка же не должна говорить о любви после первого поцелуя? Женские журналы и подружки в кабаре учили, что надо держать мужчин на поводке, интриговать их, быть игривой, но холодной...

Элли прекрасно умела отшивать непрошенных ухажеров и выслушивать с улыбкой пьяные признания в любви, но не имела ни малейшего представления, как надо себя вести, когда замешаны настоящие чувства. Почему нужно их скрывать?

Великий Механикус, что сейчас о ней думает Эвклид! Он решит, что она опять водит его за нос.

Но как неожиданно, что он говорит с ней откровенно, рассказывает о себе!

Он показывает, что доверяет ей. И приглашает к ответной откровенности.

Ларсен слегка повернул голову и серьезно глянул на нее.

– Элли... послушай. Скажу как есть. Меня к тебе тянет. Мне нравится на тебя смотреть. Разговаривать с тобой. В твоём присутствии я не могу думать о чем-то еще. Мне не хочется тебя отпускать. Но я растерян. Встревожен. Потому что не думал, что когда-нибудь встречу такую девушку, как ты, и потеряю от нее голову.

Он выложил все как на духу, с непоколебимой уверенностью, которая так не вязалась с его признанием собственных сомнений.

Элли прикрыла глаза. От его низкого голоса у нее сжималось сердце, а по телу пробегали крошечные разряды тока.

– Эвклид, разве ты не влюблялся раньше? – вопрос вылетел прежде, чем она поняла, что собирается спросить.

– Да. Влюблялся.

– В певичку Като Лефевр, я знаю. Мне рассказали на камбузе.

Ларсен отвел с ее лба локон. Он пристально смотрел ей в глаза, и она не могла отвести взгляда.

– Могу себе представить, как там перемывают мне косточки.

– Наверное, ты очень переживал, когда... с ней расстался.

– Хочешь, чтобы я рассказал?

Элли кивнула.

– Мне хочется все знать о тебе.

– Хорошо. Я познакомился с Като, когда друг затащил меня в варьете и провел в гримерку примадонны. Я встречался с ней больше

года. Она всячески меня поощряла. Восторгалась всему, что я говорил. Говорила красивые слова. Интересовалась моими увлечениями. А потом безжалостно их высмеяла. Женщины умеют забраться под кожу и потом нанести болезненный удар. Как оказалось, я был не единственный возлюбленный Като. Она путалась с гангстерами и рассчитывала, что я помогу ее знакомым провозить контрабанду на судне, где я тогда служил. Когда поняла, что от меня толку не будет, порвала со мной быстро и безжалостно.

– Вот стерва какая! – не удержалась Элли.

– Она такая, какая есть. Это ее жизнь – ходить по лезвию, чувствовать себя хозяйкой положения. А я был наивен. Получил хороший урок на всю жизнь.

– И что случилось потом?

– Надо полагать, на камбузе тебе и это рассказали.

– Да. Ты должен был отправиться в сложный рейс.

– Незапланированный. Меня не пустили, потому что я как дурак после размолвки с Като всю ночь бродил по кабакам и утром не прошел предполетную проверку. Вместо меня спасательный аэростат повел мой друг. А напарником ему поставили штурмана-артифису.

– Что? Артифису?!

Элли надеялась, что Эвклид не заметил, как сбилось ее дыхание. По спине пробежал холодок.

– Да. Ты знаешь, кто это – полулюди, полумеханизмы. Компания приобрела и поставила на должность штурманов несколько таких гибридов. Говорили, что у них лучше реакции, и они смогут выполнять сложные задания. Но все пошло не так. Аэростат летел на выручку скалолазам, застрявшим в горах. И разбился. Мой друг погиб.

– А артифиса-штурман?

– Тоже. Следствие показало, что авария произошла по ее вине. Штурман допустила ошибку. Совершенные люди оказались не такими уж совершенными.

– Потому что они люди, а не механизмы, – горько сказала Элли. – И тоже могут ошибаться.

– Следствие посчитало, что артифиса осознанно пошла на саботаж. Возможно, собиралась угнать аэростат или покинуть его самостоятельно. Чтобы получить свободу от компании.

– И ты винишь ее в смерти друга. – Холод в сердце стал сильнее, Элли говорила через силу онемевшими губами. – Вот почему ты ненавидишь големов и артифисов.

– В первую очередь я виню себя. Если бы я держал себя в руках накануне, не расклеился из-за поступка Като, то в полет отправили бы меня. А артифисы... – он пожал плечами. – Я решил, что на моем судне их не будет. Некоторые задачи могут выполнять только люди, и заменить машинами их нельзя.

– Но артифисы тоже люди.

– Возможно. Однако я нахожу мысль о скрещении людей и механизмов неправильной. В этом есть что-то неестественное. Такие... существа могут увериться в собственной исключительности. Они не будут ставить интересы людей выше собственных. Что и доказал тот случай.

– Ох, Эвклид... – только и смогла вымолвить Элли. Готовое вырваться признание застряло у нее в горле.

Капитан истолковал ее потрясение по-своему.

– Ну вот, теперь ты знаешь все. Наши ошибки дорого нам обходятся. Позднее я понял, что любовь к Като не была настоящей любовью. И после я не никогда не позволял себе терять голову. Но я встретил тебя, и все мои правила пошли к черту. Послушай, Элли... я тебе верю. Раньше я не знал таких девушек, как ты. Ты особенная, я это вижу и чувствую. Мне все равно, почему ты пробралась на мое судно зайцем и почему бежишь из столицы. Сейчас мне нужно привести «Горгону» в порт назначения. Сегодняшняя буря наделала дел. Но когда мы пересечем океан и пришвартуемся в Берг-Нуво, ты сойдешь с судна со мной, и мы отправимся в отель, и будем долго разговаривать. Я не позволю тебе исчезнуть из моей жизни. В конце концов, я еще не показал тебе спутники Пирозэйса, лунное гало и полную радугу, – закончил он с кривой улыбкой.

– Эвклид... спасибо. Но пока не нужно никаких планов и обещаний, ладно? У нас был сложный день и тяжелая ночь. Ты устал. На свежую голову все может казаться иным.

Она поцеловала его долгим, нежным и мучительным для нее самой поцелуем. А потом встала и одернула платье.

– Мне пора. Отдохни хорошенько. И выпей микстуру!

– Слушаюсь, госпожа Селеста.

Он поймал ее за руку, притянул к себе и поцеловал на прощанье.
И сжал ее запястье так, как будто не решался отпустить.
Элли мягко освободила руку и поспешила к двери.

Глава 17

Элли проснулась от робкого стука. Выбралась из койки, накинула шаль, открыла дверь и увидела улыбающееся лицо стюарда Грега.

– Доброе утро, госпожа Селеста. Доктор послал меня узнать, как вы себя чувствуете, и попросил передать, чтобы вы позднее зашли к нему в медотсек.

– Спасибо, Грег!

Грег смущенно кашлянул.

– Спасибо и вам, госпожа Селеста. В кубрике все сегодня только и говорят о том, как вы спасли судно.

– Это преувеличение! – отмахнулась Элли. – Судно спас капитан Ларсен. И команда!

– У меня еще одно поручение. Капитан велел помочь вам перенести вещи в вашу прежнюю каюту на палубе первого класса.

– Отличная новость! В каптерке по-своему уютно, но тесновато. Помощь мне не нужна. Я перееду вечером, когда закончу работу на камбузе.

– Пассажирам первого класса не положено работать на камбузе. Капитан освободил вас от трудовой повинности.

– Зато я сама себя не освободила, – отрезала Элли. – На судне не хватает рук. После шторма наверняка работы прибавилось. Я иду на камбуз и точка. Хочу продолжить путешествие как член команды!

– Тогда вы сами передайте это капитану.

Грег, ухмыляясь во весь рот, ушел.

Элли быстро умылась и оделась, прислушиваясь к себе.

Самочувствие прекрасное. Немного болят запястья, и ноги ломит. Но в остальном все хорошо. Даже удалось выспаться. Элли глянула на часы и чертыхнулась.

Конечно, выспалась! Потому что уже почти полдень.

Ладно. Она герой, а герои могут повалиться в койке подольше наутро после подвига.

Она отправилась на камбуз, строя планы на день и ужасно при этом волнуясь.

Даже во сне она переживала вчерашний разговор с капитаном.

То, что он сказал ей на прощание, ее расстроило, но в то же время обнадежило.

Эвклид ничего не знает об артифисах. У него полно предрассудков. А у кого их нет! Даже хорошо, что у капитана имеются хоть какие-то недостатки. Это делает его более понятным и человечным.

Она расскажет ему все. Попросит присутствовать при разговоре доктора Гризвольда. Гризвольд рассудителен и беспристрастен, и если кто-то и сможет умерить первый гнев капитана, так это он.

Эвклид не глуп. Он выслушает ее и поймет. И потом... потом все будет хорошо.

Элли попыталась представить себе это «потом».

Она любит Эвклида. Она влюбилась впервые в жизни. Раз и навсегда. Когда она рядом с капитаном, у нее словно крылья вырастают, а жизнь обретает новый смысл. Она ловит каждое его слово, каждую его улыбку, замечает каждое движение его бровей, мгновенно переходит от печали к восторгу.

Эвклид... он еще не любит ее. Но он сказал, что не хочет с ней расставаться, что он потерял от нее голову!

Такое признание от жесткого и холодного мужчины дорогого стоит. Вчера, когда она лежала рядом с ним на койке и обнимала его, он не был суровым капитаном. Он был просто мужчиной, сильным, но при этом растерянным и смущенным. И он признал свою растерянность, и хотел, чтобы между ними не было недомолвок.

Это правильное начало отношений. И – как знать? – вдруг они вырастут во что-то удивительное.

Элли остановилась и прижала руку к сердцу. У нее захватило дыхание, когда она вдруг представила, как проводит с Эвклидом всю жизнь.

Они поженятся и поселятся в небольшом доме на краю города. Это точно не будет Сен-Лютерна – ей туда возврата нет. Значит, какой-то заокеанский город.

Тут в голову полезли совсем уж странные мысли. Каким бывает Эвклид, когда он не на службе, когда он снимает капитанский мундир и груз ответственности? Сбрасывает ли он тогда свою ауру власти? Разумеется! Он будет ласковым и заботливым.

Он будет бороздить небо, а она будет ждать его и волноваться. Нет! Она не захочет расставаться с ним. Они будут летать вместе! Элли готова быть кем угодно на его дирижабле – горничной, судомойкой, балластом.

А на земле их будет ждать уютный дом. Там они оборудуют для Эвклида обсерваторию, где будет стоять его телескоп. Вечерами Элли будет приносить ему кофе, и они будут заниматься не только разглядыванием неба.

Элли смутилась от своих мыслей.

Глупая фантазерка. Какой мужчина захочет связать свою жизнь с артифисой? Пожертвовать ради нее карьерой, переселиться за океан? Так не бывает.

А почему не бывает? В мире полно чудес. Ночная радуга, лунное гало и потоки звезд. Полет среди облаков и танцы в грозу над океаном. Улыбка Эвклида и мягкий блеск его глаз.

Она пережила уже много неожиданного и прекрасного – кто знает, что ждет ее впереди!

Ее сердце дрогнуло, и волной пришла решимость.

Да! Она артифиса, но она человек. И как всякий человек, заслуживает любви и счастья.

Сейчас преграды между ней и капитаном кажутся непреодолимыми. Но часть из них уже разрушена – значит, и остальные не устоят. Ведь любовь побеждает все, верно?!

* * *

Элли зашла на камбуз и оглохла от шума аплодисментов.

Ей аплодировали повара, судомойки, кухонные помощники. А госпожа Тильда ухмыльнулась и приветственно помахала поварешкой.

– Спасительница явилась, – провозгласила она ворчливо, но дружелюбно.

Элли хлопали по плечам и спине, жали ей руку, говорили приятные слова.

– Молодец, сестренка!

– Ну ты отчебучила, ловкачка-циркачка! Знай наших.

Элли улыбалась, благодарила и отмахивалась от комплиментов.

Скоро выяснила, что кухонных работников потряс не только ее вчерашний трюк на галерее, но и ее желание остаться в обслуживающей команде.

– Ну и правильно, – одобрительно сказал Фриц. – Чего там в первом-то классе делать? Игристое пить да на пианине бренчать? Скукотища! То ли дело капусту резать! – и он воинственно помахал тесаком.

– Коли рвешься поработать, иди лучше к шеф-стюарду, – посоветовала ей Матильда. – Сегодня у горничных хлопот поболее будет. Буря нас хорошенько потрепала. В каютах и салонах все вверх дном.

Элли согласилась и отправилась поступать в распоряжение к шеф-стюарду. Удачно сложилось! Хочется побродить по судну и своими глазами увидеть, в каком оно состоянии после вчерашнего.

Господин Финеас обрадовался ее появлению и сразу приставил к делу. Сначала Элли сортировала вещи в кладовке, а потом занялась уже знакомой работой -уборкой коридоров.

Пока орудовала тряпками, прислушивалась и приглядывалась.

Пассажиры ходили взвинченные. Обсуждали вчерашние события, гадали, как пройдет остаток путешествия и что предпримет капитан.

У двери курительной Элли подслушала разговор господина Блоба с усатым Шнаппсом. Представитель компании был весь взмокший: его осаждали расспросами и требованиями компенсировать причиненные непогодой неудобства.

– Господа, все будет хорошо, – замученным голосом обещал Блоб. – Да, судно немного пострадало. Да, не работают несколько моторов и оторвало часть галереи. Да-да, выбросную антенну тоже оторвало, и с радиоцентром на большой земле связи пока нет. Но ничего страшного! Впереди база, где мы можем приземлиться и произвести необходимый ремонт. Это займет всего день, не больше! Потом продолжим полет. Капитан повысит скорость, и «Горгона» придет в пункт назначения вовремя. Компания рассмотрит ваши претензии, но удовлетворять их я пока не вижу причины. Из расписания мы не выбиваемся!

И тогда Элли решила выйти на галерею или верхнюю площадку и посмотреть, как экипаж справляется с последствиями схватки с ураганом. Работами руководил сам капитан. Элли уже узнала, что в каюте он отлеживаться не пожелал и был на ногах с раннего утра.

Закатила тележку в первую попавшуюся каптерку, там же схватила с полки шлем и теплый плащ. И, крадучись, отправилась к служебной лестнице на галерею.

Ей не хотелось попадаться на глаза начальству. Запрет ходить по судну не был официально снят, и она не собиралась пользоваться своей славой спасительницы «Горгоны» и требовать для себя привилегий. Дисциплина превыше всего! Она просто посмотрит одним глазком, как дела, полюбуется на капитана и незамеченной уйдет обратно.

Она нашла люк, который вел на дальний конец галереи, вышла наружу и зажмурилась от яркого солнца и холода.

На галерее кипела работа. Элли прижалась к корпусу и стала наблюдать.

Матросы и механики возились с обломками. Пилили, резали, стучали молотками. Им помогали два голема, и Элли в очередной раз поразились тому, как быстро и ловко могут двигаться эти неповоротливые на вид гиганты.

Впрочем, матросы старались держаться от них подальше и не спешили включать их в свою команду.

Лишь Бумброк обходился с механическими людьми ласково. Он называл их «ребятками» и просил быть осторожнее. Големы с интересом поворачивали головы в его сторону, когда он на словах объяснял им, что нужно делать. Големы тупо смотрели на него и застывали.

Тогда Бумброк, вздыхая, прикладывал к губам специальный свисток, доставал бумажку, где были записаны команды, и сигналами растолковывал железным подчиненным, что от них требуется. Это был дополнительный способ управления железными людьми; сложных приказов они не понимали, а Бумброк не мог обходиться без забористой лексики воздухоплателей.

Глаза Элли нашли капитана, и ее сердце сразу забилося.

Она жадно изучала его всего, от блестящих крылышек на околыше фуражки, до сапог с меховой подбивкой.

Удивительно, как потрясающе может выглядеть мужчина в форме, даже если он не побрился с утра и его рука висит на перевязи! Ларсен следил за работами, раздавал команды, и от звуков его низкого голоса у Элли каждый раз пробегала по позвоночнику дрожь.

Она сделала пару шагов, чтобы лучше его видеть, и тут он ее заметил. Словно почувствовал, кто прячется на дальнем конце галереи.

* * *

Он нахмурился, подошел к ней и спросил очень строгим голосом:
– Госпожа Селеста, вы что тут делаете?! Ну-ка, позвольте на пару слов...

Положил стальную ладонь ей на плечо и увел внутрь. Элли даже пикнуть не посмела. В голове вспыхивали воспоминания о том, что случилось вчера в его каюте, и от внезапной робости у нее словно язык отнялся.

Когда они оказались в трюме, Ларсен завел ее в темный угол за контейнером. Его ладонь скользнула с плеча на ее спину, он крепко прижал ее к себе и поцеловал так стремительно и яростно, что у Элли от его напора подкосились ноги, и она чуть не упала.

Она обняла Эвклида за шею, зажмурилась и покорно сдалась на его милость.

– Ты опять своевольничаешь, – сказал капитан тяжело дыша, когда, наконец, прервал поцелуй и немного отстранился. – Решила остаться на камбузе. Выбралась на галерею и отвлекаешь меня от работы. В жизни не возил более строптивой пассажирки. Что мне с тобой делать?

– Еще раз поцеловать, – предложила Элли. – Такое наказание мне нравится.

– Предлагаешь внести его в реестр дисциплинарных мер для всех членов экипажа?

– Мне кажется, Бумброк будет недоволен.

Капитан засмеялся и легонько щелкнул ее по носу.

– Прости, мне нужно обратно на галерею. Сейчас мы устраняем простые поломки. Рук не хватает, придется выводить големов. Через час совещание. Будем решать, что делать дальше: приставать к Скаррену, чтобы провести сложный ремонт и связаться с большой землей, или продолжить путь на свой страх и риск.

– «Горгона» в опасности?

– Нет. Но основательный осмотр не помешает. Моторы барахлят, мы не можем развить нужную скорость или подняться достаточно высоко. Важно наладить связь на длинных волнах. У нас остался коротковолновый передатчик, но сигнал неустойчивый. Однако швартоваться на Скаррене нежелательно. Он – часть Фаракийских островов, где промышляют пираты. Не хватало нам еще нападения.

– Я верю в тебя, Эвклид. Ты самый умный и опытный капитан из всех.

– И сколько капитанов ты знаешь? – усмехнулся он. – Многие считают меня слишком молодым для этой должности. Но я готов рискнуть. Мне не терпится попасть в Берг-Нуво, сойти на землю, взять тебя в охапку, увезти в отель и остаться с тобой вдвоем.

– Тоже не дождусь этого момента. Мне нужно многое тебе рассказать, Эвклид. Боюсь, моя история тебя огорчит.

– Я верю тебе, Элли, – он коснулся кончиком пальцы ее подбородка и серьезно посмотрел ей в глаза. – Ты не такая, как остальные девушки. В тебе нет ни капли злобы или подлости. В первую очередь думаешь о других, а не о себе. И если ты когда-то поступила плохо, к этому тебя вынудили обстоятельства.

– Теперь веришь? – Элли пытливо заглянула ему в глаза. – А раньше думал обо мне всякое. Ведь так? С самого начала подозревал, что я тебя обманываю. Ты любезничал, дарил цветы, но проверял меня, посылал телеграммы, наводил справки. И был прав.

– Я должен был так поступить, – признал Эвклид негромко. – Да, ты водила меня за нос. Но была искренней в остальном, ведь так? Меня разрывали сомнения.

– Ты хороший капитан, – повторила Элли с легкой грустью.

– С тобой я учусь быть не только капитаном.

Он легко поцеловал ее в лоб.

– Тут холодно. Беги обратно. Хоть в салон первого класса, хоть на камбуз.

– Выбираю камбуз. Можно, принесу тебе и остальным кофе, когда у тебя будет совещание?

– Можно, – улыбнулся капитан.

После разговора с капитаном Элли словно накачало энергией. Ей хотелось не идти – хотелось лететь. Ее заполнило безграничное, звенящее счастье.

Удивительный мужчина, повторяла она себе уже в сотый раз. Вроде не говорит ничего особенного, но говорит это так, что сразу вселяет в тебя уверенность – все будет хорошо, а любые препятствия лишь ступени на пути к цели.

И он верит ей безусловно. Это даже немного пугает.

Элли забрала тележку из каптерки, отчиталась перед шеф-стюардом и вернулась на камбуз.

Там готовили обед, а Гильда собирала поднос для кают-компании командования, где полным ходом шло совещание.

– Хочешь сама отнести? – спросила Гильда подругу, многозначительно прищурившись.

– Хочу, – улыбнулась Элли.

– Молодец! Так держать! – засмеялась судомойка. – Сдается, скоро капитан Ларсен будет у тебя из рук есть.

– Не болтай ерунду! – порозовела Элли.

– Надень фартук с кружевами, – посоветовала ей Гильда. – Хочешь, дам тебе помаду? Эх, еще бы туфли на каблуках!

– Спасибо, не надо! – смущенно отнекивалась Элли. Кажется, уже вся команда в курсе, что происходит между капитаном и арестованной пассажиркой.

Элли взяла поднос и поспешила на четвертую палубу, в кают-компанию начальства.

Из-за двери слышались глухие голоса. Элли без стука открыла дверь и тенью скользнула внутрь.

За столом сидели капитан, старшие члены экипажа и Блоб – мнение представителя компании было решающим при обсуждении дальнейшего маршрута «Горгоны».

– Капитан, мы очутились в катастрофическом положении, – говорил Пулкин, тыкая карандашом в схему судна. – Одного мотора мы лишились. Три по-прежнему неисправны. Нет антенны. От удара оказались погнуты шпангоуты и стрингера тут, тут и тут. – Он прицельно постучал карандашом по бумаге. – Проблемы с электропроводкой. В воздухе подобные повреждения не исправить.

Нам необходимо пришвартоваться на Скаррене. Там есть ангар и инструменты.

– Не паникуйте, Пулкинс, – добродушно заметил первый помощник Легран. – Пугливая какая нынче молодежь! Дирижабль на ходу, идет уверенно. Утечек из баллонов нет. Подумаешь, бок помят. Для «Горгоны» это пустяк.

– Это не пустяк, – прервал его капитан. – Ремонт действительно требуется. Но с ним можно подождать. Из графика мы так или иначе выбьемся.

– Этого нельзя допустить, – забеспокоился Блоб. – Компания понесет убытки.

Элли, наострив уши, тихо взяла чашки в навесном шкафчике, расставила их на столе и принялась разливать кофе. Капитан метнул на нее короткий взгляд и легко улыбнулся – никто и не заметил, кроме Элли.

– Швартовка на Скаррене – дополнительный риск, – весоמו проговорил он. – Мы в опасной зоне. Не исключено, что вчерашнее происшествие с неопознанным аэростатом было не случайностью.

– Нас протаранили специально?! – изумился Блоб. – Быть не может! Не верю. Вот уж не думал, капитан, что вы тоже паникер!

– А если нападут второй раз? – хмуро спросил Пулкинс. – Теперь, когда у нас нет всей мощности, нам не поздоровится. Нужен ремонт. Тогда мы будем готовы ко всему.

– Удалось связаться со Скарреном? – обратился капитан к радисту.

– Да, на коротких волнах. Помехи большие, но я понял, что нас готовы принять. Остров теперь необитаем, на базе живет только смотритель.

Капитан задумчиво побарабанил пальцами по столу. Элли сделала вид, что возится у тележки. Она старалась не греметь и не дышать, чтобы на нее не обратили внимания и не выгнали.

– Капитан, как будет быстрее? Идти с поломками на половине мощности, или потратить день на ремонт, и потом дойти быстро? – спросил Блоб.

– Второе.

– Тогда идите на Скаррен! – потребовал представитель компании. – Мы не можем потерять репутацию самого быстрого перевозчика!

– Нет, – сказал капитан. – Я принял решение. Мы не будем останавливаться на Скаррене. Слишком опасно.

– Капитан! – возмутился Блоб. – Не будьте трусливы, как старая баба!

– Предпочитаете отдать судно пиратам? – резко осведомился Ларсен. Его глаза сверкнули такой яростью в ответ на оскорбление, что Блоб осекся и покраснел. – Напомню, что только за прошлый год два аэростата стали их добычей над Скарреном.

– Но ремонт!..

– Никаких «но». С ремонтом справимся сами. У нас есть големы. Они выправят шпангоуты. Пулкинс, идите в рубку и возьмите из ящика перфокарты для нового вида работ. И сами за ними приглядите.

– Есть. – Пулкинс, внезапно побледнев, встал и пошел исполнять приказ. Видимо, ему было обидно, что его мнением пренебрегли.

– Все свободны, господа, – объявил капитан. – Кроме первого помощника и электромеханика. Составим план работ.

Мужчины поднялись и двинулись к дверям.

– Горничная, – позвал первый помощник. – Я не могу пить кофе, у меня язва. Принесите ромашкового чая.

– Пожалуйста, – добавил капитан стальным голосом и выразительно посмотрел на подчиненного.

– Пожалуйста, – повторил тот неохотно.

Элли улыбнулась и кивнула.

– А вам, господин Ларсен?

– Мне какао, если вас не затруднит.

Они обменялись быстрыми взглядами. Элли, внутренне улыбаясь, вышла.

Как он их! Даже Блоб пикнуть не посмел, хотя и пошел красными пятнами. С таким капитаном не пропадешь!

* * *

Элли мигом слетала на камбуз, приготовила требуемое и помчалась обратно, ловко балансируя подносом. Но чуть не выронила его, когда столкнулась на служебной лестнице с тетей Дженни.

– Все утро тебя ловлю, – озабоченно сказала госпожа Майер, теребя серебряную брошь у горла. – Деточка, что же ты творишь! Пулкинс рассказал мне о твоём подвиге. Ты поступила храбро, но неразумно. Тебя могли вычислить. Пулкинс уже что-то заподозрил. Сказал, что ни разу не видел человека, способного на такие трюки.

Тетя Дженни выделила голосом слово «человека».

– Это неважно, – быстро проговорила Элли, пританцовывая от нетерпения – капитан ждет какао! – Я готова рассказать Ларсену, кто я на самом деле.

– Элли, – тетя Дженни покачала головой. – Не делай ошибок. Как же я виню себя, что затеяла эту романтическую историю! Боюсь, ты можешь пострадать в ней куда больше, чем капитан. Ты совсем не знаешь мужчин.

– Я знаю Эвклида, – упрямо ответила Элли.

– И все же подумай. Мне кое-что пришло в голову... У меня есть много знакомых в разных слоях общества. И есть одни люди... они, как бы это сказать, находятся по ту сторону закона. Но они могут помочь тебе. Они переделают твоё тело так, что ты не будешь зависима от кого-либо. Тебе больше не понадобится ключ. Разумеется, им нужно заплатить. Я дам денег. Или же они могут оказать тебе эту услугу взамен на другую услугу. Ты можешь многое.

– Госпожа Майер, о чем вы?!

– Я просто ищу выход. Элли, ты понимаешь, что будет, если тебя вернут хозяину? А Ларсен вполне способен на такое. Он капитан. Он не станет нарушать закон. Он решит, что ты его предала. И подумай: разве человек захочет связать свою жизнь с артифисой?

Элли упрямо мотнула головой.

– Спасибо, тетя Дженни. Я подумаю над вашим предложением. Большое спасибо вам... за все.

– Не за что, милая, – ответила тетя Дженни расстроенно. – Пока я принесла тебе сплошные неприятности своими планами. Прости глупую старуху. Кажется, я впадаю в маразм.

– До этого вам еще далеко, – улыбнулась Элли и ускользнула.

– Мы еще поговорим. Когда пришвартуемся на Скаррене, – крикнула ей тетя Дженни вдогонку.

Пока Элли бежала навверх, услышала глухой грохот и сдавленное ругательство. «Чертова железяка! Делай, что велено!» проорал

мужской голос и добавил еще пару очень некрасивых слов.

Шумели и ругались далеко: палубой ниже, а то и на галерее снаружи. Элли сразу поняла, кому адресовались ругательства. Големы приступили к работе, а окружающие, как водится, были ими недовольны и пользовались их безмолвностью. Попробовали бы они на человека так ругаться. Тот мигом ответил бы так, что скандалисту бы не поздоровилось.

Добежала до четвертой палубы, отдышалась и степенно внесла поднос в кают-компанию.

Мужчины уже заканчивали совещание. Первый помощник и электромеханик склонили головы над чертежами и внимательно слушали указания капитана. Элли неслышно выгрузила чашки и тоже прислушалась.

Ей было приятно видеть, как здорово разбирается Эвклид в устройстве «Горгоны». Он знал назначение каждого болтика, каждого проводка, каждой шестеренки. И совершенно точно знал, как исправить положение. Его подчиненные лишь почтительно задавали уточняющие вопросы. Как же ей повезло встретить такого умного и решительного мужчину!

– На этом все, – сказал ее умный и решительный мужчина, взял кружку с какао, отхлебнул, обжегся, фыркнул, забрызгал мундир, чертыхнулся и подул на напиток, по-детски вытягивая губы. У Элли сердце сжалось от нежности.

– Механики обещали исправить моторы в ближайшее время. Тогда мы повысим скорость и уйдем выше. Поэтому сейчас вам важно закончить внешний ремонт; на высоте это будет невозможно.

– Будет сделано! – браво отрапортовал первый помощник, забрал чертежи и пошел к двери. Взаялся за ручку, и тут в коридоре послышался тяжелый топот и забористая ругань.

– Что за бардак! – капитан встал и нахмурился.

– Я разберусь, – помощник потянул дверь в сторону, шагнул вперед.

И тут же отпрянул назад, ударившись спиной о столик. Чашки зазвенели, чай и какао выплеснулись на пол.

В каюту головой вперед влетел Пулкинс, зацепился за стул и повалился на Леграна. Шкафчик пошатнулся, посыпались журналы.

Элли отпрыгнула от барахтающихся мужчин.

– Пулкинс! – рявкнул капитан. – В чем дело? Вы пьяны? И когда только успели!

– Капитан! – Пулкинс повернул к нему искаженное страхом лицо.
– Големы взбунтовались!

Глава 18

– Ты свихнулся, Пулкинс? – недоуменно спросил электромеханик.

– Что за бред! – прокряхтел первый помощник, выбираясь из-под второго помощника.

– Этого не может быть! – ахнула Элли.

А капитан не стал тратить времени на бессмысленные ахи и восклицания. Он мигом повернулся к двери, но выйти не смог: в проеме показалось массивное тело с блестящими клепками на груди.

– Зет-двадцать один! – сказал капитан четко и громко, как предписывает инструкция. – Два шага назад, шаг в сторону! Исполнять!

Но голем как будто не услышал команды и не пошевелился.

– Отключись! – Ларсен отдал команду, которая должна парализовать голема. Тот переступил с ноги на ногу. Его глаза вспыхнули ярче, вместо того, чтобы потухнуть.

Капитан нахмурился. На его щеках выступили желваки.

– Ну-ка, дайте я! – электромеханик подошел к двери и что есть силы двинул железного человека в грудь кулаком. Ойкнул и сморщился, отбив пальцы.

– Отставить! – резко приказал ему капитан. – Это бесполезно.

Голем медленно вытянул руку и осторожно толкнул механика назад. Тот чуть не упал.

– Ты что творишь, банка консервная! Шарик за ролики заехали? – удивился он. – Вот я тебя!

И он снова замахнулся.

– Оставить! Зет-двадцать один, назад, – настойчиво и твердо повторил капитан.

Голем сделал шаг назад и в сторону. Элли выдохнула. Но, как выяснилось, голем отошел не потому, что послушался команды.

Послышался топот, голоса, и в каюту один за другим ввалились взъерошенные Бумброк, усатый Шнаппс, Блоб, Крис, тетя Дженни, доктор Гризвольд и укротитель Буффорд. Капитан едва успел отойти у них с пути.

В кают-компании сразу сделалось тесно.

Блоб задержался, повернулся и попытался что-то сказать, но получил хороший тычок железной рукой и после этого вкатился внутрь, споткнулся и присоединился к куче-мале на полу.

– Осторожно! – страдальчески прокричал Пулкинс. – Блоб, вы отдавили мне ухо. Уберите ботинок. Дайте встать, идиот!

Теперь в дверях застыли три голема; к Зет-двадцать один присоединились еще двое. Это они привели под конвоем пленников.

– Они сошли с ума! – выл Шнаппс. – Вы и ваша компания мне за это ответите, Блоб! Я вас засужу!

– Пустите! Я поговорю с ними! – Элли опомнилась, перескочила дрыгающуюся ногу первого помощника и подлетела к дверям. Но капитан заслонил ее спиной, встав на пути между големами и другими людьми.

Големы постояли немного, светя глазами. А потом один за другим ушли.

Ларсен дернул ручку. Дверь приоткрылась, но стоило ему выглянуть наружу, как железная рука захлопнула дверь с той стороны.

Жест был более чем красноречивым. Из каюты выйти никому не дадут.

Капитан невозмутимо повернулся и коротко приказал:

– Блоб, прекратить карабкаться на первого помощника! Пулкинс, Легран, встать!

Мужчины, наконец, распутали узел из рук-ног и поднялись.

В каюте царил галдеж. Все пленники пытались говорить и жаловаться одновременно.

– Молчать! – приказал капитан. – Пулкинс, доложите обстановку. Что произошло?

Пулкинс одернул мундир, морщась, потрогал красное ухо и принялся докладывать.

– Я взял на мостике пачку перфокарт для нового вида работ. Подошел к големам на галерее и заменил перфокарты. Велел им идти со мной в трюм. Со мной шел Бумброк. Он подавал дополнительные команды свистком. Сначала все было нормально. Но потом они остановились и погнали нас обратно. Бумброку чуть не сломали руку, а мне нос.

– Они пытались причинить вам вред намеренно?

– Да нет, вообще-то, – сказал Бумброк виновато. – Они нас это... пихали в спину. Мягенько так. Мы пытались дать им сдачи и маленько о них ушиблись.

– Умное решение – драться с железом, – заметил капитан сухо. – Какие перфокарты вы использовали, Пулкинс?

– Из стандартного судового набора, – пожал тот плечами.

Дверь опять открылась, в каюту впихнули матроса Луца и шеф-кока Матильду. Матильда ухватилась руками за косяк, уперлась ногами, и големам пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее оказаться внутри.

Элли ошарашенно отметила, что железные люди при этом двигались непреклонно, но соблюдая обычные правила обращения с людьми – старались не причинять им вреда. А ведь одного взмаха железной руки хватило бы, чтобы снести шеф-коку голову.

– Големы!.. – начал Луц, дико вращая глазами.

– Взбунтовались, мы уже знаем, – прервал его капитан. – Что происходит на судне, Луц?

– Они перекрыли выходы на нижние палубы. Собирают команду и пассажиров первого класса, разводят по каютам и запирают. Мы пленники!

– Кто-то пострадал?

– Не могу знать. Связи с нижними палубами нет. Здесь вроде все целы. С големами спорить себе дороже.

– Пять железяк пленили триста человек! – завопил Шнаппс. – Уму непостижимо!

– Тихо! Отставить панику. Луц, кто на мостике?

– Никого. Штурманов и вахтенных увели и где-то заперли.

Капитан подошел к трубке внутренней связи, снял ее, дернул за рычаг, послушал, повесил трубку обратно.

– Связи нет. Мы имеем дело с масштабной диверсией, – спокойно объявил он.

– Это еще не все... – вздохнул Луц.

– Докладывайте.

– К нам подлетают два аэростата. Черные, без опознавательных знаков.

– Ожидаемо. Пожаловали организаторы диверсии.

– Пираты? – ахнул Шнаппс.

– Пираты.

* * *

Как только прозвучало это слово, в каюте опять поднялся гвалт, но капитан рявкнул:

– Всем молчать!

И добавил спокойнее:

– Ситуация непростая, но не безнадежная. Сейчас наша задача – выбраться из кают-компании и попасть на мостик.

– Но как?! – вскричал первый помощник. – Големы не дадут нам выйти!

– Они всего лишь механизмы. Подчиняются командам. Значит, есть способ их обмануть, отвлечь. Мы это сделаем.

– Эвклид, дай мне поговорить с ними, – потребовала Элли. – Я раньше имела дело с големами. Я их понимаю! У меня получится. Я выйду к ним в коридор.

Она бросилась к двери, но капитан мягко удержал ее.

– Даже не думай. В коридор ты не пойдешь.

– Големы не могут причинить вреда людям!

– Мы не знаем, какой приказ они получили от пиратов. Видишь же – их даже невозможно отключить. Элли, назад!

– Интересно, а как они получили этот приказ? – задумчиво спросил Бумброк. – Им же вроде в затылок надо эту вставлять... как ее... штуку с дырками? Перфокарту?

– Именно так. На судне имеется стандартный набор перфокарт для разного вида работ. Очевидно, перфокарты подменили. Вопрос: кто и как это сделал? Перфокарты хранились в запертом сейфе в командном отсеке. Ключ есть только у меня и помощников. Выходит, на судне действует сообщник пиратов.

Он замолчал и выпрямился, сразу как будто став выше ростом. Цепко оглядел притихших людей, и не все смогли выдержать его взгляд.

Когда тишина стала невыносимой, Элли заговорила:

– Эвклид, я должна кое-что рассказать. Прости, не сделала этого сразу. Но я не придала этому случаю внимания, а потом забыла.

– Что рассказать? Она сообщница пиратов! Подруга Химераса, не иначе! – ахнул Шнаппс.

По лицу капитана пробежала тень.

– Что такое, Элли?

Она замотала головой.

– Никакая я не сообщница! Вот еще вздор! Но вчера я убирала в салоне. И вот что нашла.

Она рассказала про найденные в цветочном горшке круглые бумажки, что остаются после пробивки перфокарт. И показала: бумажки так и лежали в кармане передника.

Все слушали ее внимательно.

Когда она закончила, капитан заключил:

– Сообщник пиратов пронес на судно чистые перфокарты. И приготовил новые уже тут, с учетом карты помещений и ситуации.

– У кого есть машинка для пробивки? – спросила Элли.

– На судне ее нет. Нам выдают в конторе готовые перфокарты.

– У вас есть такая машинка? – спросила она Блоба. – Я видела у вас арифмометр.

– Нет у меня такой машинки! Я тоже использую стандартные карты! – вскричал он. – Не надо обвинять меня в диверсии. Я пострадаю от нападения больше всех. Совет директоров повесит меня на рее! Или четвертует.

– А у вас, Буффорд? – спросил капитан, вперяя тяжелый взгляд в укротителя, который забился в углу и глазел в иллюминатор. – Вы как-то упомянули, что везете перфокарты для подопечного груза.

Буффорд вздрогнул, повернулся и ответил со злым ехидством:

– Машинки нет. Перфокарты я вез чистые. Вчера они пропали из моей каюты. Кто-то вломился ко мне и украл папку с документами. Я же приходил к вам на мостик, помните? Но вы меня не пожелали слушать и выставили взашей!

– А у меня сегодня утром свистнули свисток, которым я отдавал команды големам, – убитым голосом присовокупил Бумброк. – Я думал, парни подшутили. Но у меня был запасной, поэтому я того... не стал докладывать.

– Ясно. Диверсант действовал по обстоятельствам. И действовал очень ловко. Использовал каждую возможность. Наверное, машинка

была у него своя. Но только один человек мог подменить перфокарты. Пулкинс, потрудитесь дать объяснения.

– Пулкинс?! – ошарашенно вымолвил первый помощник Легран.
– Как Пулкинс? Почему Пулкинс?

– Потому что я перфокарты не трогал, – разъяснил капитан с каменным лицом. – Вы? Вряд ли. Вы были целый день у меня перед глазами. Вчера несли вахту в другом месте, на мостик не заходили. Конечно, могли провернуть подмену раньше. Но Пулкинсу было удобнее всего. Он использовал поддельные перфокарты сегодня, когда занялся големами. Сразу же после того, как я решил не останавливаться на Скаррене. Вопреки горячему желанию Пулкинса. Пираты вывели судно из строя, чтобы заманить нас в ловушку. Когда это не удалось, им пришлось действовать иначе.

Все головы повернулись ко второму помощнику. Вид тот имел жалкий. От его молодцеватости и следа не осталось. Мундир в коричневых пятнах от ромашкового чая, ухо красное и распухшее, на щеке дергается жилка, глаза панически мечутся из стороны в сторону.

Нет никаких сомнений – виновен!

Пулкинс сделал усилие и взял себя в руки.

– Капитан! Я уважаю вас и устав, и потому не стану бить вам морду за голословные обвинения, – произнес он ломким голосом.

– Попробовал бы только, – спокойно парировал капитан.

Пулкинс прерывисто вздохнул и одернул китель.

– Я ничего не делал! Это не я. Сейф на мостике мог вскрыть диверсант. Любой мог подменить перфокарты! Горничные, пассажиры, матросы. Штурманы!

– Любой не мог. На мостике постоянно кто-то присутствует и днем, и ночью.

– Но если... – отчаянно заговорил Пулкинс и закашлялся от волнения.

– Капитан, надо разобраться, – нахмурился первый помощник. – Не дело обвинять без доказательств.

– Уверен, доказательства найдутся. В его каюте. Я заметил, Пулкинс, что вы отчаянно стараетесь не пускать меня к себе. Практически вытолкали меня, когда я зашел к вам в день отлета. Что вы там скрываете?

– Ничего!

– Капитан Ларсен, прошу вас, успокойтесь, – рассудительно заговорила тетя Дженни, которая все это время держалась молчком и распутывала пряжу, как ни в чем не бывало. – Вы бедного мальчика до истерики доведете. Он ваш подчиненный. Прекратите запугивать его. Проявите благоразумие! Быть может, послушай вы его, пристань на Скаррене, ничего бы и не было! В этой ситуации есть и ваша вина.

Она воинственно взмахнула спицами. Клубок упал и покатился. Все проследили за ним глазами.

Элли перевела взгляд на тетю Дженни. На блестящие спицы. Зажатые в правой руке. Острые с одного конца, но плоско обрезанные с другого, с двумя зазубринами по краям.

Потом она вспомнила еще кое-что. И ей стало очень противно и холодно от новой догадки – и от собственной глупости.

Нахохлившийся Пулкинс признательно смотрел на тетю Дженни, свою единственную заступницу.

– Пулкинс, что заставило вас пойти на стговор с пиратами? – допрашивал капитан с ледяным бесстрашием. – Вам заплатили? Каковы их дальнейшие планы? Если вы что-то знаете, вам лучше начать говорить. По вашей вине могут пострадать люди. Кто отдавал вам приказы?

– Никто! Я не виноват! Я... я вызову вас на дуэль, Ларсен!

– Вы пойдете под суд, Пулкинс. Но я могу замолвить за вас слово, если вы немедленно расскажете все.

Капитан был страшен.

– Пулкинс, мальчик мой, не давайте себя запугивать! – возмущалась тетя Дженни. – Капитан, да что это такое!

– Попадись мне этот подлец, кто все подстроил! – громогласно возмущалась шеф-кок. – Я ему самолично башку сверну! А потом нафарширую, как молочного поросенка!

– Эвклид, я знаю, кто главный зачинщик! – вдруг крикнула Элли, не в силах больше терпеть этого безобразия. – Дай мне сказать!

Капитан оглянулся, с шумом выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Откуда ты знаешь? – спросил он, стараясь говорить ровно.

– Догадалась. Сложила два и два.

– Можешь назвать этого человека?

– Да. Но сначала задам вопросы.

Она говорила с таким напором, что в каюте все замолчали и уставились на нее с недоумением.

Элли смахнула локон со вспотевшего лба. Ей было очень жарко. И ее разбирала злость.

– Госпожа Матильда, – обратилась она к шеф-коку. – Скажите, пожалуйста, что вы делали возле отсека с големами, когда я вам там застала? Пожалуйста, говорите правду. От этого многое зависит.

Госпожа Матильда смутилась. Она опустила глаза и помяла край поварского кафтана.

– Матильда подменила перфокарты? – удивился первый помощник.

– Еще чего! – огрызнулась Матильда. – Я и ведать не ведаю, что за перфокарты такие. Я... пыталась их накормить, железяк эдаких. Сосисками.

– Сосисками? Зачем? – поинтересовался Ларсен. – Големам нельзя сосиски. Им дают специальный корм.

– Да какой это корм! – возмутилась Матильда. – Тухлятина какая-то. А они же тоже вроде как люди! Хоть и железные. Сидят, бедненькие, день-деньской в темном трюме, света белого не видят, жрут гадость. А у меня правило: на моем судне все должны питаться вкусно и хорошо. Ну, думаю, дай попробую побаловать бедолаг.

– Вы с ума сошли, – сказала Элли. – Они могли сломаться.

– Ну вот и ответ! – обрадовался Шнаппс. – Големы объелись сосисок, сломались и свихнулись. Я всегда говорил: мясо – вредно.

– Да не стали они сосиски есть! – отмахнулась Тильда. – И уж их и так звала, и эдак. А они ко мне даже не подошли. Вот я и ушла. Думаю, принесу им следующий раз бифштекс. От моего бифштекса еще никто не отказывался.

– Я вам верю, – торжественно кивнула Элли. – Спасибо за объяснения. Теперь вы, доктор Гризвольд...

– Я заходил в трюм и наблюдал за големами, чтобы делать записи для своих исследований, – сухо ответил тот, сразу поняв, что от него хотят узнать. – Подтвердить не могу, потому что записи остались в медотсеке. Но я не имею отношения к поломке и к пиратам. Придется вам поверить мне на слово.

– Придется поверить, – согласилась Элли. – Теперь вы, тетя Дженни... госпожа Майер. Где сейчас Фанни?

– Какая Фанни? Кто такая Фанни? – с мрачным подозрением спросил капитан. – Вы прячете еще одну безбилетницу? Это уже ни в какие ворота!

Пулкинс застонал сквозь зубы.

– Элли! – возмущенно воскликнула тетя Дженни и всплеснула руками.

– Фанни – это лисенок, которого Пулкинс вез контрабандой в своей каюте. Поэтому и не пускал туда никого. Но потом он отдал ее госпоже Майер.

– Ну ты даешь, тетя! – присвистнул Крис.

– Так, – гробовым голосом подытожил капитан. – Похоже, я больше не хозяин этого судна. Вы превратили меня в клоуна.

– Ха-ха! – отчетливо сказал укротитель. Это сравнение его отчего-то ужасно повеселило.

– Где Фанни, госпожа Майер? – настойчиво повторила Элли. – С ней все в порядке?

– У меня в каюте, где же еще, – ответила она с достоинством. – Наелась паштета и спит. Элли, я не понимаю. Это не имеет к делу никакого отношения.

– Имеет. У меня к вам еще два вопроса. Вы левша или правша? Крис утверждает, что его тетя левша. Вы держите спицы правой рукой.

– Я одинаково хорошо владею обеими руками, – тетя Дженни помахала ладонями.

– Такие люди называются амбидекстрами. Еще странные вопросы?

– С чего вы взяли, что капитан пришвартуется на Скаррене? – спросила Элли, глядя ей прямо в глаза. – Вы сказали, что поговорите со мной на Скаррене. Сказали с уверенностью. Но это решение еще не было принято. Блоб упомянул такую возможность в курительной, но вас там не было.

– Господи, да все об этом говорили в салоне! Элли, детка, у тебя засбоили шестеренки, – тетя Дженни многозначительно постучала по виску.

Но Элли было плевать на ее намеки. Она не даст себя шантажировать.

– У вас не было времени болтать в салоне. Раз вы с утра ждали меня у камбуза! Крис, ты можешь подтвердить, что эта особа – тетя Дженни? Ты сказал, твой отец ее не узнал. Она показала документы, когда приехала?

Крис озадаченно поморгал.

– Э-э-э... ну как мы можем требовать документы с родственницы? Это невежливо. Ну, мы как-то не сомневались... Она живет в Гнилых Лангустах, и все знает о нашей семье. Чушь какая-то! Конечно, она моя тетка.

Крис вопросительно глянул на тетю Дженни, словно ожидая подтверждения, и вдруг нахмурился.

– Хм... я вдруг вспомнил, что у тети Дженни были, кажется, карие или серые глаза. Не голубые.

– В старости у людей глаза выцветают, дорогой, – сказала тетя Дженни мягко, как будто ее окружали психи, и ей приходится их уговаривать. – А я уже очень стара. И жалею, что дожила до этих лет и выслушиваю всякий вздор.

– Почему вы так настойчиво пытались свести меня с капитаном Ларсеном? – продолжала Элли. – Можно подумать, вы хотели, чтобы он забыл о своих обязанностях и пореже заходил на мостик.

– Вот оно как, – негромко сказал капитан и раздул ноздри.

Элли вздрогнула. Она потом ему объяснит, что действовала по велению сердца, а не по чужой указке.

* * *

– Почему вы так рвались попасть на мостик, госпожа Майер?

Задавая вопросы, Элли все ближе подходила к тете Дженни. У старой дамы не дрогнул ни один мускул на лице.

– Милая, ты меня обижаешь. Но я прощу тебе это. В последние дни ты пережила большой стресс. А такие... *люди* как ты, очень эмоциональны.

– Просто ответьте на мои вопросы.

– В чем ты меня подозреваешь, Элли?

– В том, что вы организовали диверсию и шантажом заставили Пулкинса помогать вам. Вы украли чистые перфокарты из каюты

Буффорда. Потом пробили их своими спицами. Вам даже машинка не понадобилась! Размер спиц и отверстий совпадают, края кругляшков разломачены. Затем вы пытались проникнуть на мостик, чтобы подменить перфокарты. А может, и вывести из строя аппаратуру. Но это вам не удалось, и тогда вы привлекли Пулкинса. Вчера он уходил с галереи, сказав, что не может связаться с мостиком. Думаю, бегал доложить вам о том, что происходит. А сегодня подменил перфокарты и дал сигнал вашим сообщникам пристать к судну.

Все выслушали объяснения в гробовом молчании. Потом Шнаппс глумливо хмыкнул.

– Вздор какой! – воскликнул Блоб.

– Элли, ты уверена? – мягко спросил капитан.

Крис обалдело мотал головой.

– Еще скажи, что я – сам Химерас, и хочу захватить судно, – с холодной иронией ответила тетя Дженни.

– Вы его сообщница. Или преследуете свои интересы.

– А я думаю, что вы, госпожа Майер, и есть Химерас, – вдруг подал голос доктор Гризвольд.

– Эта почтенная пожилая дама? Химерас – мужчина! – удивился Блоб.

– Господин Химерас использует каучуковые маски и прекрасно умеет гримироваться, – парировал доктор. – Госпожа Майер, позвольте небольшой тест.

– Все что угодно, – холодно ответила тетя Дженни и величественно поднялась.

– Будьте добры, покажите мне ваши руки.

У всех брови поползли на лоб от такой странной просьбы.

– Пожалуйста, – тетя Дженни протянула ухоженные руки открытыми ладонями вверх, как будто предлагая мир и дружбу.

Доктор Гризвольд глянул на них мельком, поправил очки и кивнул.

– Благодарю.

Затем он посмотрел вниз, как будто искал что-то на полу.

– Еще просьбы, молодой человек? – спросила тетя Дженни царственным голосом.

– Будьте добры, снимите ваше боа.

Тетя Дженни тряхнула плечами. Боа упало на землю. Блоб нагнулся, поднял и трепетно подал его госпоже Майер.

– Довольны? – спросила она, не глядя на представителя компании, но не отрывая ледяного взгляда от доктора. – Или потребуете раздеться?

– Не нужно. Дайте мне вашу брошь.

Рука тети Дженни взлетела к горлу.

– Нет, – бросила она. – Мне надоело выполнять ваши идиотские просьбы.

Доктор кивнул.

– Что ж, думаю, я получил нужные доказательства. Эта особа – мужчина. Мы имеем честь видеть перед собой неуловимого Химераса, короля преступного мира.

Кто-то присвистнул. Кто-то ахнул. Кто-то неуверенно хохотнул.

– Как вы это поняли?! – изумленно спросила Элли.

– Во-первых, руки. У мужчин запястья шире. И на просьбу показать руки они протягивают их ладонями вверх. Во-вторых, у вашей тети Дженни неженский размер ноги. В-третьих, она прячет широкие плечи под шальями и боа. Ну, и главное – на лице у нее маска из синтетической кожи. Химерас движется в ногу с прогрессом. Теперь он использует для своих масок передовой материал. И мне ли его не узнать! От настоящей кожи сложно отличить. Но я создавал эту кожу. И теперь все понял, когда присмотрелся.

– А голос?!

– Химерас умеет изменять голос, но мужчине долгое время говорить высоким голосом тяжело. Посмотрите на эту красивую брошь, – доктор вытянул палец и ткнул в горло тете Дженни. – Это особое устройство. Думаю, контакт примыкает к области расположения голосовых связок и подает на нервные окончания разряд. Частота колебания связок увеличивается, голос меняется.

Все с ужасом переводили глаза с доктора на тетю Дженни, которая выслушала его объяснения с презрительной улыбкой. Но чем больше говорил доктор, тем больше менялась ее улыбка – она стала злобной и вероломной.

– Вы умный молодой человек, – сказала она, а потом схватила себя за горло, оторвала брошь от платья и бросила на пол. Все отскочили и прижались к переборкам.

Тетя Дженни продолжала говорить новым голосом – мужским, сиплым, как будто надсаженным, и очень неприятным:

– Что ж, маскарад окончен. Будем играть в открытую. Позвольте представиться, господа: Химерас, человек со ста лицами. И новый хозяин этого судна.

Глава 19

После этих слов настала оглушительная тишина. А потом Блоб застонал сквозь стиснутые зубы.

– Бумброк, Легран, Тонс, – отрывисто сказал капитан и сделал короткий жест.

Мужчины окружили Химераса.

Тот вытащил из дамской сумочки пистолет и направил на капитана.

– Пожалуйста, не надо скакать вокруг меня. Это новая модель на двадцать зарядов, – объяснил он учтиво. – Пуль хватит на всех.

– Назад, – скомандовал капитан подчиненным и встал так, чтобы загородить Элли.

– Каковы ваши планы, госпожа Майер? Что вы хотите?

– «Горгону» и ее груз.

– Мы можем как-то договориться?

– Нет. Слишком долго я разрабатывал планы по захвату крупнейшего дирижабля королевства. Будет неразумно отказаться от них сейчас, когда они успешно завершились.

– Вы еще не победили, госпожа... господин Химерас, – сказал капитан, и Элли поразились тому, как спокойно и уверенно звучал его голос. Сама-то она с ума сходила от страха!

– Все кончено, капитан. Посмотрите, – Химерас небрежно махнул в сторону иллюминатора пистолетом, и все увидели два черных аэростата, которые подходили к «Горгоне» все ближе. Скоро корпус сотряс легкий толчок: пираты пришвартовались.

– Моя команда уже тут, капитан. Големы – мощные инструменты. Но долго судно им не удержать. Люди для этого подходят лучше. Через час мы пристанем к Скаррену.

– Что будет с пассажирами? С командой?

– Пассажиры второго и третьего класса нас не интересуют. Команда в целом тоже. Их посадят в лодку и выведут в море. Если повезет, через неделю-две течение принесет их на материк. Пассажиры первого класса побудут у нас в гостях. Мы напишем их родственникам и спросим, сколько они готовы заплатить, чтобы увидеть своих

близких целыми и невредимыми, – Химерас излагал неторопливо, с удовольствием.

Элли смотрела на него, как замороженная.

Это человек все еще имел обличие тети Дженни. Лицо с благородным профилем и легкими морщинками, седая шевелюра, платиновый гребень в волосах. Но теперь Элли видела, что мышцы на лице как будто застыли, и движутся не так, как должно.

Маска, ну разумеется! Как она раньше не поняла!

Жесты тети Дженни изменились. Исчезли плавность и скупость движений. Перед ней стоял мужчина в женском платье. Холодный, безжалостный. И это было жутко.

– Спасибо за вашу помощь, Пулкинс, – Химерас торжественно кивнул второму помощнику. – Без вас мы бы не справились. Вы получите своего питомца обратно. Признаться, мне будет жаль расстаться с Фанни. Я к ней привязался. Забавный зверек.

– Вы предали судно ради зверушки, Пулкинс! – сказал капитан сквозь стиснутые зубы.

Пулкинс закрыл глаза и сжал губы. На его виске пульсировала жилка.

– О, не только ради зверушки! Еще и ради круглого счета в банке, – дружелюбно поведал Химерас.

– И еще потому, что Химерас угрожал причинить вред моей невесте, – негромко ответил Пулкинс.

– Вы сговорились еще до отлета? – уточнила Элли, часто дыша.

Химерас перевел на нее бледно-голубые глаза и улыбнулся.

– Нет, душечка Элли. В первый день полета еще ничего не было решено. Но я мигом понял, что Пулкинс – тот, кто мне нужен. Если человек предал один раз, второй дастся ему гораздо легче. Ты тоже мне помогла. Ситуация с тобой была мне руку. И я этого не забуду. Мое предложение остается в силе.

– Госпожа Майер... или как мне вас называть! – начала Элли в гневе. – Вы можете делать что угодно, но я ни за что не стану сотрудничать с вами!

– Тихо! Тс-с! – Химерас приложил палец к губам. – Не бойся. Я не открою твою тайну. Она нам еще пригодится.

– Какую тайну? – холодно спросил капитан.

– О том, кто я на самом деле! – отчаянно крикнула Элли.

– Элли, пожалуйста, оставь оглушительные признания на потом, когда обдумаешь мое предложение, – сказал Химерас. – Я также хочу сделать предложение капитану. Нам нужны толковые воздухоплаватели. Вы, капитан Ларсен, – лучший в королевстве. Когда прибудем на Скаррен, мы с вами еще побеседуем.

– Катитесь к дьяволу беседовать, Химерас. На Скаррене мы швартоваться не будем. У вас ничего не выйдет, – отчеканил капитан.

Химерас прищелкнул языком.

– Храбрец. Уважаю! – сказал он одобрительно.

– Почему вы тянули этот маскарад до последнего? – спросила Элли. – Дали себя запихнуть в каюту вместе с остальными?

– Личина госпожи Майер очень удобна, – признался Химерас. – Она впустила меня в высший свет, в семью оружейного барона. Мне хотелось и дальше остаться в этом образе. Жаль, что теперь придется от него отказаться. Но ничего: у меня много обличей. Думаю, мы еще увидимся, господа. И вы меня не узнаете. Крис, милый мальчик, не держи на меня зла. Послушай совета: берись за ум и не играй в карты. Ты плохой игрок. Ненаблюдательный.

Крис сморщил лицо так, как будто собирался расплакаться.

– Что с тетей Дженни? Вы ее убили, чтобы занять ее место?

– Она отправилась в кругосветное путешествие еще полгода назад. Сейчас исследует пустыню Каламанки. Письма оттуда не доходят, это удобно. Ай-я-яй! Ваша семья совсем не интересуется пожилыми родственниками.

В коридоре послышались шаги, грубые голоса, дверь распахнулась и в кают-компанию вошли пираты.

* * *

– Наконец-то, – нетерпеливо сказал Химерас и взмахнул пистолетом. – Все удалось?

– Так точно, шеф! – почтительно ответил громила со сломанным носом. – Наши люди уже на мостике и взяли курс на Скаррен. Остальные сортируют пассажиров на дорогих и дешевых.

– Я собрал в этой каюте самых ценных, – Химерас показал на Элли, капитана, Блоба, Шнаппса, Криса и первого помощника. –

Кроме этого, разумеется.

Он брезгливо ткнул пальцем в Буффорда.

– Циркач попал сюда случайно, за него гроша ломаного не дадут. Впрочем, он вроде как звезда в цирке. Надо попробовать. Почему нынче идут циркачи?

Химерас неприятно засмеялся.

– Кок тоже нам пригодится. Давно мечтал заполучить себе отличную повариху.

Элли с отчаянием разглядывала бандитские рожи, заглядывающие в проем. Уверенные, наглые, с пустыми глазами! Так вот какие они – воздушные пираты! Ничем не отличаются от обычных гангстеров.

И тут она вздрогнула. Потому что узнала одного из пиратов!

Черные, залитые лаком волосы. Тонкие усики. Сросшиеся брови и узкая подленькая мордочка.

Картавый Рикардо! Близкий друг Лазаруса Будса, ее хозяина. Последний раз она видела Рика в день отлета, в аэровокзале – Будс провожал его.

Так вот куда летел Картавый Рик. На базу Химераса!

Картавый Рик тоже узнал ее. Его глазки загорелись, губы растянулись в глумливой ухмылке. Он подошел к Химерасу и стал шептать на ухо, время от времени тыча пальцем в Элли.

Рик знал правду о природе Элли. Еще бы, ведь именно он посоветовал Борову Лазарусу приобрести артифису!

Но Химерас отмахнулся от Рика – ничего нового он ему не рассказал. Рик глянул на Элли многозначительно и юркнул в коридор.

– До свидания, господа, – сказал Химерас, задержавшись в дверях. – Посидите пока тут, потом мы вас рассортируем. Даже не пытайтесь выйти в коридор – теперь там будут дежурить не глупые големы, а мои люди. Вам их не провести. Пулкинс, за мной!

– Я останусь тут, – сказал тот негромко, но упрямо.

– Не чудите, дуралей! Вас на куски порвут. Идите к Фанни, она по вам соскучилась.

Кривоносый громила схватил второго помощника за шиворот и вытащил в коридор.

Химерас и его банда ушли, дверь захлопнулась.

Пленники обменялись обескураженными взглядами.

В кают-компании было тесно и душно. Матильда покраснелась, у Шнаппса уныло обвисли усы, а лоб и щеки Блоба блестели от пота.

– Что дальше, капитан? – спросил первый помощник. – Похоже, наше дело – дрянь. Судно в руках пиратов.

– Пиратов не так уж много, – прервал его Ларсен. – Вы разглядели те аэростаты? Они маломестные. В каждом помещается не больше пяти человек. С десятёрыми можно легко справиться.

– Но им помогают големы! Они, поди, выпустили и тех, что в трюме. Как справиться с безмозглыми, но сильными железяками?

– Они не безмозглые, – сказала Элли, которая в этот момент открывала иллюминатор. В каюту ворвался свежий ветер, пленники вздохнули с облегчением.

Элли повернулась и заговорила:

– Големы подчиняются записанным на перфокартах правилам. Но я много общалась с големами. В том числе с судовыми. И вот что я вам скажу: у них есть собственная воля. Есть память. Они помнят прежнюю работу, друзей и хозяев.

– Друзей? Какие могут быть у големов друзья? – сердито сказал Шнаппс.

– Големы, которых везет Буффорд, работали в цирке со зверями. Они живо интересуются тиграми, их соседями по трюму. У меня идея. Големов нужно отвлечь, иначе они к себе не подпустят. Мы проберемся в трюм и выпустим зверей. Есть вероятность, что големы займутся тиграми по старой памяти. А мы изловчимся и вытащим подменные перфокарты у големов из головы.

– Это не сработает!

– Сработает. Буффорд рассказывал, что они любят животных. А как еще их отвлечь? Не сосисками же!

– Вы предлагаете выпустить одних монстров, чтобы справиться с другими монстрами!

Капитан внимательно прислушивался к перепалке Элли с остальными пленниками, но пока ничего не говорил. Однако Элли была уверена, что ему нравится ее идея.

– Тигры на воле могут оказать нам еще одну услугу. У пиратов прибавится хлопот, – вдруг сказал он.

– А сами-то мы как с тиграми справимся?! Тоже мне, выбор – погибнуть от рук пиратов или от зубов зверей!

– Звери нам не страшны. Ведь у нас есть укротитель! – Элли торжественно показала на Буффорда, который сидел ни жив ни мертв, втянув голову в плечи.

* * *

– Точно! – с облегчением сказал Бумброк. – Укротитель прикажет тиграм задать пиратам жару!

– Боюсь, это невозможно, – кисло ответил Буффорд. – Тут не цирковая арена. Звери не станут меня слушать.

– Станут! – сердито парировала Элли. – Вы же их хозяин. Вожак в тигрином понимании! Вы, главное, направляйте их, куда скажем. И не давайте им кусать нас. А там мы уж как-нибудь справимся!

– Нет! – Буффорд вскочил и сжал кулаки. – Не выйдет. Я отказываюсь.

– Боитесь? – насмешливо сказал Луц. – Трус несчастный.

– Да, я трус! И я боюсь! – выкрикнул Буффорд. У него тряслись губы и кончик носа.

Элли кое-что заподозрила.

– Я бывала в цирке «Абрус-макабрус», – сказала она медленно. – Но не видела на сцене укротителя, похожего на вас. Под каким именем вы выступали?

Буффорд молчал.

– Вы не укротитель, верно? Кто вы, Буффорд?

– Еще один сообщник Химераса, – с радостью заключил Шнаппс. – Дайте-ка я ему врежу хорошенько!

– Я не сообщник! И не укротитель, это верно. Но я служил в цирке много лет. О, я широко известен! Настоящая звезда. – Буффорд зло рассмеялся. – Вы наверняка слышали обо мне. Клоун Хохо! Вот кто я!

– Знаменитый Хохотун? – поразилась Элли. – Вас не узнать без грима!

Она изучала Буффорда широко раскрытыми глазами и пыталась разглядеть в нем клоуна Хохо, на чьем выступлении ей однажды довелось присутствовать.

Такое выступление не забудешь!

Хохо и правда был знаменитостью. Притом довольно загадочной.

Он не отличался ни остроумием, ни артистизмом. Но у него был особый талант – некоторые утверждали, что сверхъестественный, сродни талантам сенситивов.

Хохо заставлял людей смеяться, даже если они этого не хотели. Стоило ему выйти на сцену, начать корчить рожи и отпускать плоские шутки, как зрителей охватывал безудержный хохот.

Они задыхались, утирали слезы, бились головой о спинки кресел. Но не могли остановиться, пока Хохо не уходил за кулисы.

Как злобный чародей, он гипнотизировал публику!

Элли вспомнила появление Хохо на сцене. Замазанный белилами и обсыпанный мукой, в рыжем парике, с накладным красным носом, Хохо подскакивал к артистам и начинал их пародировать. Приставал к ним с дурацкими шутками, косил глазами, высовывал язык и отвратительно кривлялся.

А публика покатывалась и визжала от смеха.

На Элли его магия не действовала. Она с недоумением смотрела на рыдающих от смеха соседей.

Выступление Хохо ей не понравилась. Пошлое, ни капельки не забавное. Но надо признать: он обладал особой аурой. Он повелевал публикой.

Когда Хохо раскланялся, подметая носом опилки, и кубарем укатился за кулисы, смех стих. Люди вытирали слезы платком и недоуменно переглядывались. Они не могли понять, почему их охватило это безумие.

Но Буффорд вне сценического образа вовсе не был смешным. Он был унылым и желчным типом. Видимо, он пускал свою магию в ход только по необходимости.

– Так вы гаер! Шут гороховый! – презрительно бросил Шнаппс. – Еще один мошенник. Ловко вы нас всех провели!

– Да, я шут. Я паяц! И что же? – патетически воскликнул Буффорд. – Каждый зарабатывает на хлеб, как умеет.

– Почему вы назвались укротителем и везете зверей? – прервал его капитан сердито. – У вас поддельные документы?

– Не буду я вам ничего говорить! – обиделся Буффорд, скрестил руки на груди и замолчал.

– Вы бежали из столицы? Вам грозит опасность? – мягко спросила Элли.

Буффорд покосился на Элли и неохотно ответил:

– Я бегу от самого себя. Документы у меня настоящие. Правда, не мои.

– Пожалуйста, расскажите. Вы можете нам помочь. От вас зависит спасение судна.

– Интересно, каким образом, – хмыкнул Буффорд но заговорил. – Я никчемный тип. Мой единственный талант – быть посмешищем. Я его ненавижу. Ненавижу свою работу и тупую публику. Увы, у меня есть пагубная страсть... – Буффорд издал противный, тонкий смешок – именно такой, какой издавал Хохо на сцене.

Госпожа Матильда вдруг громко хихикнула в кулак. Но тут же замолчала, когда Буффорд глянул на нее с яростью.

– В чем ваша беда, Буффорд? – с состраданием спросила Элли.

– Я игрок. Просаживаю в карты все жалованье. Повезло мне лишь однажды: за день до отлета «Горгоны». Я сел играть в «фараона» с укротителем и ободрал его до нитки. Удача неожиданно повернулась ко мне мордой! Укротитель проиграл мне все, даже свой билет на «Горгону». С горя напился так, что мычал и плакал. Уснул в клетке с медведем и утром отказался из нее выходить. И я решил: это мой шанс. Шанс начать жить с нуля, за океаном! Бежать от своей судьбы. Я поехал в аэровокзал. Предъявил перевозчику документы укротителя. И поднялся на борт. Сначала все ждал, что вот-вот придет радиограмма из цирка или из полиции, но все обошлось. Директор не захотел раздувать скандал. И вот я здесь! – Буффорд поднялся, развел руками и отвесил шутовской поклон.

Матрос Луц прыснул и тут же испуганно зажал себе рот рукой.

– Я не укротитель и не умею приказывать зверям. Я бесполезен. Как и всегда. Как и всю жизнь.

– Господин Буффорд, вас нам послало само Провидение! – воскликнула Элли. – Вы – наш ключ на свободу. Ваш талант спасет нас. Скорее! Нельзя терять ни секунды. Нам надо успеть до того, как дирижабль подойдет к Скаррену.

– Что вы придумали? – всполошился Буффорд.

– Насмешите охранников до беспамятства. Используйте свой талант! Пока они будут хохотать, мы их обезвредим.

Все замолчали и прислушались. Из-за двери доносились негромкие голоса – охрана была на месте.

– Ах вот что вам нужно! – Буффорд скривился. – Когда я взошел на борт «Горгоны», дал себе слово, что больше никто, ни единый человек не станет надо мной смеяться!

– Буффорд, делайте, что она вам говорит, – прервал его капитан. – Не время сейчас для ваших клятв. Слышали, какую участь готовят вам пираты?

– Ладно, – сдался Буффорд. – Зовите их сюда. Да начнется шоу!

Капитан подошел к двери, громыхнул по ней кулаком, а потом позвал командирским голосом:

– Эй, вы! Хочу сообщить что-то важное.

Замок щелкнул, дверь скользнула в сторону, в кают-компанию ступил здоровяк с изумительно низким лбом, за ним второй – тощий, юркий, с шишковатым бритым черепом.

На поясе у первого висела электрическая дубинка. А у второго под пиджаком вырисовывались очертания кобуры.

– Чего тебе, кэп? – лениво спросил лысый.

– Одному из пассажиров плохо. Его нужно отвести в медотсек.

– Ничего, не сдохнет, – бросил здоровяк и собрался закрывать дверь.

– Сдохну! Я сдохну, как собака, и никто не принесет мне на могилку цветы! – пискляво вскричал Буффорд, подскочил к здоровяку и вцепился в его свитер.

– А ну, отойди! – пират попытался отодрать от себя клоуна, но тот висел на нем как клещ.

– Господин хороший, а чего это вы такой серьезный? – заговорил Буффорд сюсюкающим голосом. – Смотрите-ка, что это тут у вас? Вы всегда храните деньги в ушах?

Он сделал пасс рукой возле головы пирата и вытащил у него из уха монету.

Лысый поделник неуверенно хихикнул.

– Чего ржешь? – обернулся к нему здоровяк. А потом что есть силы оттолкнул Буффорда от себя.

– Отойди, придурок!

– Ай, сироту обидели! – И Буффорд – да нет, уже Хохо! – горько зарыдал. При этом у него из глаз хлынули слезы в три ручья – как будто прорвало водопровод.

Как он это сделал, Элли так и не поняла. Наверное, еще один талант бесталанного клоуна! Который оказался весьма полезным.

Буффорд рыдал, и при этом языком смахивал слезы с кончика своего длинного носа. Это было так уморительно, что здоровяк хрюкнул пару раз, попытался сдержаться, но не смог – закатился громким хохотом.

Его лысый напарник уже выл от смеха. Однако при этом он схватился за кобуру, чтобы вытащить пистолет и прикончить клоуна. К счастью, у него не получилось сделать это быстро.

Пиратов охватила истерика. Их корчило в судорогах.

Но и пленники оказались под властью клоунских чар. В каюте хохотали на все голоса. Никто не мог противиться болезненному веселью.

Лишь двое сохраняли спокойствие – Элли, потому что талант Хохо на нее не действовал, и Ларсен, потому что он был капитаном и всегда помнил о своем долге. А когда судно в опасности, ни одному командиру не до смеха. Правда, на его скулах выступили красные пятна, и лицо стало слишком уж каменное.

Но он не стал терять времени зря. Сильным, выверенным движением ударил лысого ребром левой ладони ниже уха. Лысый повалился, как подкошенный. Из рта у него текла слюна, губы подрагивали – даже без сознания он продолжал смеяться.

Капитан вытащил из его кобуры пистолет и направил на здоровяка. Тот и внимания на него не обратил: Буффорд корчил дурацкие рожи, и здоровяк задыхался от смеха. Он не мог сделать ни вдоха, его грудь сжимал спазм.

Первый помощник, не переставая басовито хохотать, огрел бандита стулом по макушке. Здоровяк рухнул на пол.

– Буффорд, хватит! – приказал капитан и сдавленно хмыкнул.

Буффорд немедленно превратился в себя прежнего – унылого пожилого человека с кислой физиономией.

Он вытащил из кармана носовой платок и утер взмокший лоб.

– Надо сказать, это было не лучшее мое выступление, – подытожил он. – Но таким олухам много не надо. Чем примитивнее человек, тем легче его рассмешить.

Смахивая слезы с покрасневших щек, Бумброк и Луц связали пиратов – для этого Блобу и Шнаппсу пришлось пожертвовать галстуками и подтяжками, – и заткнули им рты носовыми платками.

– Пусть свободен, – сказал капитан, осторожно выглядывая в коридор. – Нужно решить, что теперь делать. Твоя затея с тиграми, Элли, оригинальна, но вряд ли осуществима. Попробуем другое. Необходимо связаться по радио с землей и сообщить о нападении. На «Горгоне» неисправна антенна. Но радиостанции есть на пиратских аэростатах. Они пришвартованы к «Горгоне» и, возможно, слабо охраняются. Проникнем туда. А потом постараемся попасть на мостик «Горгоны». Со мной пойдут механики. Остальные закроются в кают-компаниях и будут ждать.

– И я, – сказала Элли. – Я тоже пойду. У тебя рука на перевязи! Тебе нужен напарник. Без меня вы не справитесь.

Глава 20

– Нет, – сказал Ларсен очень твердо, но при этом ласково. – Это опасно.

– Эвклид, ты уже видел, на что я способна, – негромко заговорила Элли. – Понимаешь, я необычная девушка. Не такая, как все. Могу больше, чем другие люди. Умею ходить по канату. Не боюсь высоты. Слабо чувствую боль. Я сильная и выносливая. Понимаю големов и могу договориться с ними. И если все-таки придется выпустить тигров, лучше это сделаю я. Со мной ничего не случится. Пожалуйста, Эвклид, верь мне. Вместе мы победим пиратов и спасем «Горгону».

Эвклид молчал и пристально смотрел на нее. Элли внутренне заледенела от его взгляда, но мужественно не отвела глаз. Она не знала, о многом ли он догадался из ее речи, но надеялась на его благоразумие.

«Эвклид, прими правильное решение! Ты же капитан. Ты знаешь, как лучше для всех! Ты сможешь поставить долг выше личного».

– Да кто же вы такая, госпожа Селеста?! – заполошно поинтересовался Шнаппс.

– Агент под прикрытием, разумеется! – со знанием дела пояснил Блоб. – Наверняка из сыскного бюро Барта Биркентона. Они там все такие ловкие: и по канату ходят, и стреляют с двух рук. Выполняйте свою миссию, госпожа Селеста, – он подмигнул ей. – Схватите Химераса!

Капитан глянул на него мельком и скептически приподнял бровь.

Элли вздохнула.

– Пусть идет, – подал голос Бумброк. – Отчаянная девчонка. С ней хоть в огонь, хоть в воду.

Капитан кивнул.

– Хорошо, – сказал обреченно. – Но... Элли, пожалуйста, слушай моих приказов. Не лезь вперед. Если я скажу бежать – беги. Скажу лечь на пол и не двигаться – ложись.

– Если ты мне прикажешь спрыгнуть с «Горгоны», я спрыгну, – уверила его Элли.

– Я тоже с вами пойду, – заявила Матильда. – Руки чешутся нашинковать пиратов в капусту.

Капитан оценивающе глянул на шеф-кока, которая шириной плеч не уступала ему, а весом так и превосходила.

– И я, – Буффорд шагнул вперед. – Хочу попробовать свой талант на Химерасе. Пусть лопнет от смеха! Всегда мечтал, чтобы это произошло с одним из зрителей, – он кровожадно усмехнулся. – Не беспокойтесь, капитан, я вас не подведу. Мы, цирковые, из особого теста. Видели бы вы мой номер «Призрак-проказник»! Я могу подойти к человеку сзади и дышать ему в затылок, а он ничего и не заметит, пока я не пну его под зад.

Элли заподозрила, что клоун ужасно гордился своим недавним выступлением и хотел и дальше играть важную роль.

Капитан молча кивнул. Снял перевязь и осторожно пошевелил рукой.

– Постарайтесь не лезть в драку, – посоветовал ему Гризвольд. – Вы еще не восстановились после вчерашнего. Может, останетесь? Пойду я или Легран.

– Нет. Я знаю «Горгону» лучше всех. Вперед!

Беглецы один за другим осторожно вышли в коридор. Теперь у них было оружие: электрическая дубинка и пистолет.

Шли гуськом, стараясь не издавать лишних звуков. Элли поражалась Матильде: такая здоровая тетка, тяжелая, как слон, а идет совершенно бесшумно.

Буффорд тоже двигался легко, особой клоунской походкой, которой он подкрадывался к артистам во время номера, чтобы сыграть с ними дурную шутку на потеху публике.

Самым неуклюжим оказался Бумброк. Он сопел, кряхтел и, чем легче старался шагать, тем больше топал. Электромеханик Тонс поглядывал на него с неодобрением.

Капитан возглавлял процессию. На поворотах останавливался и из-за угла оценивал обстановку.

Ни в коридорах, ни на лестнице в трюм им никто не встретился. Порой из-за переборок доносились голоса пленных пассажиров или пиратов.

Наконец, оглядываясь и вздрагивая, спустились в трюм.

И здесь никого. Повезло! Надолго ли?

Отсек с големами оказался пустым. Пираты забрали судовых железных людей.

Когда проходили мимо клеток с тиграми, Элли ненадолго отстала.

Эх, ведь отличный план – выпустить зверей и хорошенько погонять пиратов! Жаль, Эвклид его отмел.

Тигры беспокоились. Сегодня никто не пришел их накормить. Раджа рычал и расхаживал по клетке. Увидев Элли, повернулся к ней и издал жалобный, низкий звук, похожий на мяуканье.

– Потерпи немного, – прошептала ему Элли и кинулась вперед, потому что капитан уже заметил ее отсутствие и нетерпеливо помахал рукой: не отставать!

– Выход к грузовой площадке, – он показал на темный проход. – Там пришвартовался один из пиратских аэростатов. Посмотрим, удастся ли нам проникнуть на борт и подать сигнал бедствия с их радиостанции.

И тут удача кончилась.

Капитан выглянул наружу и тут же плотно захлопнул дверь.

– Аэростат охраняет голем. И три человека. Не повезло. С одним големом или только с людьми мы бы справились. Но сейчас риск слишком велик.

– У вас же есть пистолет? Который вы у пирата отобрали?

– В нем всего две пули. Стрелять опасно: в баллонах пиратских аэростатов горючий газ. Может случиться пожар, если пуля отрикошетит и даст искру.

– Что же делать? Выпустить на них Буффорда?

– На голема его талант не подействует.

– Тигры. Выпустим на них тигров, – подала голос Элли.

Эвклид задумчиво прищурился.

– Буффорд, сможете вывести тигров на площадку, а потом заманить обратно?

– Нет, – замотал тот головой. – Ну не укротитель я! Я боюсь тигров. Однако у нас есть электрическая дубинка. Насколько знаю, заряда в ней на один раз, но если что, тигра можно огреть по носу.

– Загляну в холодный отсек, – Матильда показала на дверь в дальнем конце трюма. – Там хранится мясо. Котикам не мешает перекусить.

– Действуйте, – кивнул капитан.

Матильда обернулась быстро. Она тащила два окорока.

– Итак, вот план, – капитан обвел подчиненных строгим взглядом, и все стали слушать его очень внимательно. – Я открываю клетку. Беру электродубинку и вывожу тигров.

– Сначала дадим им окорок! – напомнила Матильда. – А то вы станете их обедом.

– Да. Сначала окорок. Вы в это время держитесь на безопасном расстоянии. А лучше запритесь в холодном отсеке. Дальше действуем по обстоятельствам. Так или иначе, мне нужно попасть на аэропорт.

* * *

Он говорил, а Элли любовалась им. Ей бы сосредоточиться, но она ничего не могла с собой поделать – уж больно был хорош Эвклид в эту минуту. Глаза прищурены и сверкают ледяным блеском, скулы обострились, голос уверенный.

Эвклид готов на все, чтобы спасти вверенный ему дирижабль и пассажиров. Настоящий капитан! Но он прислушивается к ее мнению.

Эвклид направился к клетке. Элли догнала его.

– Позволь мне, – она мягко тронула его за рукав. – Я навещала тигров эти дни. Они ко мне привыкли. Дайте-ка...

Она забрала у Матильды окорок и сунула его в специальный люк. Второй отдала львам в соседней клетке.

Оголодавшие звери кинулись на угощение. Несколько минут ничего не было слышно, кроме рычания и урчания – звери спорили за еду. Но постепенно договорились и затихли.

Скоро остались лишь обглоданные кости, а звери стали спокойнее. Раджа вознамерился подремать. Он улегся около решетки и благодушно посматривал на Элли.

– Нет-нет, друзья, не время спать! Пора за работу!

Она решительно откинула защелку на дверце.

– Элли! – капитан попробовал отогнать ее, но Элли отмахнулась.

– Госпожа Матильда, в холодном отсеке еще есть мясо?

– Только рябчики!

– Принесите, пожалуйста.

Матильда выполнила просьбу. Элли распахнула дверь и показала Радже тушку:

– Хочешь? Иди сюда.

Тигр заинтересованно прищурился и поднялся.

– Кис-кис-кис...

– Возьми дубинку!

– Не надо... Раджа и так умница.

Тигры медленно, один за другим вышли из клетки. Матильда, Буфффорд и механики отошли в дальнюю часть трюма, готовясь каждую секунду спрятаться.

Но тигров они не интересовали. Звери окружили Элли и Эвклида и посматривали на них с любопытством. Раджа повернул голову к капитану и немного показал клыки.

– Элли, – сказал капитан сквозь стиснутые зубы. – Уходи.

– Сам уходи! – прошипела ему Элли. – Раджа собирается поспорить с тобой за территорию. Он чувствует в тебе другого вожака! Раджа, Раджа! Ты мой хороший!

Она положила руку между тигриных ушей и почесала.

Раджа немедленно плюхнулся на пол, перевернулся на спину и подставил пузо.

Элли засмеялась. Совсем ручные!

– Вот видишь! – сказала она Ларсену, с удовольствием запуская пальцы в густую шерсть. – Все просто! Попробуй и ты.

– Я?!

К капитану подошла поджарая тигрица и потерлась о бедро. Пошевелила усами и требовательно фыркнула.

– У тебя появилась поклонница. Ну, давай! Нехорошо отказывать девушке.

Эвклид осторожно почесал тигрицу за ухом.

– Ее зовут Зия, – сдавленным шепотом сообщил Буфффорд.

– Зия, – повторил капитан настороженно. – Умница, Зия. Красивая девочка.

– Ну все, хватит! А то я уже ревную, – предостерегла его Элли с улыбкой. – Теперь за дело!

Она достала второго рябчика и сунула его под нос третьему безымянному тигру. Тот потянулся за угощением, но Элли отступила

на шаг, еще на один... Тигр послушно пошел за ней к проходу. За ними потянулись остальные.

Во главе тигриной стаи Элли дошла до двери и осторожно ее приоткрыла.

– Гулять! – строго приказала она и бросила рябчика наружу.

Тигры почуяли волю, и их не пришлось долго уговаривать. Один за другим полосатые тела бесшумно выскользнули наружу. Эвклид прикрыл дверь и осторожно выглянул в щелку.

Элли пристроилась рядом. В затылок ей взволнованно дышали механики, клоун и кок.

– Ну что там, что? – нетерпеливо спрашивал Буфффорд.

– Пока ничего.

Действительно, первые минуты все было тихо. Элли очень переживала за тигров. Только бы звери не пострадали!

Швартовочная площадка была небольшой – еще одна галерея, пошире, чем верхняя, утыканная лебедками и увешанная разнообразным такелажем.

Зацепленный за специальный штырь, за площадкой висел черный пиратский аэростат, похожий на сигару, с несколькими моторами. За стеклом рубки было пусто. Значит, охраны на аэростате не осталось!

Но охрана имелась на площадке.

Возле аэростата застыл голем. Чуть дальше трое пиратов перекладывали ящики и громко бахвалились. Они уже прикидывали, сколько достанется каждому при дележке добычи. Выходила неплохая сумма: в трюмах «Горгоны» было полно ценного груза, в сейфах – деньги. Да еще за пассажиров выкуп ожидается.

Когда на площадку вышли звери, голем пошевелился, но не сдвинулся с места. Однако его глаза вспыхнули ярче, а голова медленно повернулась.

Да это же Мик! Тот самый цирковой голем, с которым Элли вела задушевные беседы. Ну точно, он – на груди царапина, она пересекает его инвентарный номер – Зед-три!

Элли возликовала. Теперь точно все получится! Мик – самый неглупый из всех големов и знает ее.

Тем временем Раджа бесшумно подошел к пузатому пирату в зеленом комбинезоне и требовательно фыркнул.

– Чак, вали к черту со своей простудой! – не поворачиваясь сказал пузатый. – Не смей на меня чихать! Не хватало мне твоих бацилл.

Тигру не понравились его интонации. Он зарычал.

– Что ты сказал, урод? Что-то про мою мать? Да я тебя... – пират повернулся и уставился в усатую морду.

– Ой... – произнес он фальцетом.

А потом заорал что было мочи:

– Мамочки!

* * *

Дальше началась кутерьма. Два других пирата подняли головы.

– Ой! – сказал первый, рыжий.

– Ай! – сказал второй, небритый и похожий на гориллу. И прибавил нехорошее слово.

А потом они прыгнули в разные стороны.

Рыжий пират помчался к голему, на ходу вытаскивая свисток. Он нырнул за спину железного охранника и начал подавать свистом команды. Но дыхание у него сбилось, и голем не понимал, чего от него хотят.

– Убей тигра! Убей тигра, болван железный! – требовал пират. – Зет-три! Убей тигра!

Голем продолжал стоять и пялиться на беготню. Насчет тигров его новая перфокарта ничего не говорила.

Пузан попробовал спрятаться. Он нырнул в щель между ящиками, но застрял: пузо не пролезло. На стороне тигра остался обтянутый зеленым комбинезоном зад и дрыгающиеся ноги в ботинках.

Раджа решил, что с ним хотят поиграть. Он подошел к пирату и наподдал по заду лапой.

– Не надо! Пожалуйста! – вопил пират. – Я больше не буду! Меня мама дома ждет!

Тигр ласково куснул его за левую ягодицу. Пират лягнул и попал тигру по морде. Тот рассердился и еще раз хорошенько врезал пирату лапой – уже чувствительнее.

Пират задергался, ящики сдвинулись и упали. Толстяк помчался к люку, дернул за дверь и уткнулся лицом в грудь Матильды.

– Ы-эх! – Матильда что было мочи опустила ему кулак на макушку. Пират опрокинулся на спину и остался лежать, глядя в небо дурными счастливыми глазами.

Не разобравшись, в чем дело, гориллообразный бандит кинулся ему на помощь. Но получил хук левой капитанской рукой и ушел в нокаут.

– В клетку их! – распорядился Ларсен, морщась от боли. Механики потащили пиратов в тигриную клетку.

На площадке остались рыжий бандит со свистком и Мик.

Когда рыжий понял, что от голема толку не будет, а в трюме его ждут враги, он выбрал трусливое, но верное решение.

Распахнул люк пришвартованного аэростата и скрылся внутри. Элли и капитан кинулись следом, но на их пути вырос голем.

– Мик! Это же я! – крикнула Элли.

Но голем двинулся на них, медленно и угрожающе. Новый приказ утверждал, что капитан и пассажиры – пленники и должны быть изолированы.

Тем временем на аэростате взревели моторы. Щелкнул причальный замок, аэростат рванул прочь. Но пират забыл важную вещь: кроме замка, аэростат удерживал на месте причальный канат. Он натянулся до отказа, лебедка застонала и затрещала, однако улететь аэростат никак не мог.

Голем надвигался на Элли и капитана очень быстро.

Эвклид поднял электрическую дубинку.

– Элли, назад!

– Раджа! – позвала Элли. – Сюда!

И помахала в воздухе последним рябчиком.

Голем замешкался, и в этот миг между ним и Элли, важно ступая, появился Раджа. И голем замер! Но, конечно, не от страха. Что-то щелкнуло в его железной голове – какие-то смутные воспоминания. Или железяка растерялась?

Не глядя на угощение, тигр подошел к Мику и понюхал его. Узнал, потому что его уши радостно дернулись – видимо, от Мика до сих пор пахло родным цирковым зверинцем. Раджа почесал бок о железную ногу Мика и обвил его колено хвостом.

С другого бока к голему приблизилась Зия.

Очень медленно железные руки голема опустились. Его глаза не отрывались от тигров. Элли была готова поклясться, что стекляшки голема светились умилением.

Элли не стала терять ни минуты. Эвклид протянул руку, чтобы схватить ее за локоть и не дать совершить очередной опрометчивый поступок, но его пальцы поймали лишь воздух. Потому что Элли уже была за спиной голема!

Она отчаянно надавила пальцем в нужную точку на затылке Мика; из открывшейся щели показался серый край перфокарты. Элли выхватила ее и отскочила.

Внутри Мика что-то щелкнуло, и гигант застыл без движения.

– Получилось! – изумился Эвклид.

Элли осторожно обошла голема и заглянула в его железное лицо. Мик не отключился: его глаза продолжали гореть, хоть и не так ярко.

Но теперь он не знал, что делать. В его железных мозгах больше не было ни одного приказа – только пустота.

– Прости, Мик, – прошептала Элли и побежала за Эвклидом к лебедке.

Бумброк уже двигал рычагами, чтобы притянуть пиратский аэростат к «Горгоне».

Лебедка гудела и ревела, моторы аэростата ревели еще громче; два механизма играли в перетягивание каната, и ни один не мог взять верх. Аэростат продолжал болтаться на расстоянии двадцати футов от «Горгоны».

Пирата невозможно достать. Если канат лопнет или пират догадается вылезти наружу и обрубить его, он сбежит. А если даст сигнал по радиосвязи? Возможно, сюда уже бегут другие бандиты!

План находился на грани провала.

И Элли решилась.

– Дай, пожалуйста, – она выхватила из кармана Эвклида пистолет, подлетела к борту и запрыгнула на натянутый как струна, вибрирующий канат.

– Элли! Стоять! Ты с ума сошла! Да чтоб тебя!

Но она, раскинув руки, уже шагала над бездной к аэростату. И старалась не думать, что теперь страховки нет, и если аэростат дернется в сторону, она, скорее всего, не удержится.

Далеко под ногами искрился и переливался океан.

Хорошо, что «Горгона» идет низко, и погода отличная. Есть шанс выжить.

Но лучше, конечно, не падать.

Через пару секунд она оказалась возле люка аэростата и ввалилась в рубку.

Рыжий пират изумленно оглянулся на нее. Одной рукой он нажимал рычаги, другой пытался лихорадочно отстучать радиограмму.

– Руки вверх! – с удовольствием воскликнула Элли, ткнув пистолетом пирату в лицо.

Тот немедленно повиновался.

– Нет, опусти руки, – досадливо поправилась Элли. – Положи их на рычаги и дай задний ход. Обрато на «Горгону».

– Кто ты такая?!

– Агент из бюро Биркентона с лицензией на убийство, – браво объявила Элли. – И я его сейчас совершу, если не послушаешься. Дави педали, рыжий! Ну!

* * *

Рыжий послушно повернул рычаг. Аэростат дал задний ход и скоро мягко ткнулся в борт «Горгоны».

Люк распахнулся, в рубку запрыгнул Ларсен, мгновенно оценил обстановку и рявкнул:

– Элли, ты обещала слушаться приказов! Ты могла погибнуть. Я чуть не умер от страха, когда ты побежала по канату!

– Прости, у меня не было времени спрашивать твоего приказа, – кротко отозвалась Элли. – Я действовала по обстоятельствам, как ты велел.

– Дай сюда.

Он забрал у нее пистолет и велел пирату:

– На выход!

Бумброк за ворот вытащил пирата наружу, а капитан уселся перед портативной радиостанцией и надел наушники.

Элли выкарабкалась на палубу и застала чудесную сцену. Тигры развалились на галерее и грелись на солнышке. После долгого

заточения они одурели от свежего воздуха. Больше они никуда не желали идти.

Бумброку, Элли и пленнику приходилось через них перешагивать.

Пират постоянно спотыкался от страха.

– На хвост не наступи! – сердито велела ему Элли. – А то я тебе тоже на что-нибудь наступлю.

Бумброк потащил пирата в трюм. А Элли подошла к Мику, который так и торчал на галерее железным пугалом.

Ласково коснулась его груди. Металл нагрелся на солнце, и казалось, что в големе теплится жизнь, как человеку из плоти и крови.

– Мик, прости. Мне пришлось это сделать. Бандиты подменили тебе перфокарту. Они хотели убить нас. И хотели, чтобы ты им помогал. Пока постой тут, ладно? Потом я вернусь за тобой.

– Опять ты с ним разговариваешь? Зачем? – спросил Эвклид, перепрыгнув на палубу. Он был собран и бледен, но широко улыбался.

И тут Мик пошевелился – очень медленно он кивнул головой!

– Ты соображаешь! Ты можешь двигаться! – возликовала Элли. – Ты помнишь меня и тигров. Эвклид, я была права!

– Ты всегда и во всем права, Элли, – с каким-то благоговением отозвался Эвклид.

– Мой милый Мик, – Элли не удержалась и обняла голема.

– Ну вот, теперь я ревную, – заметил капитан.

Элли хмыкнула, а голем вновь ее удивил. Он пошевелил рукой.

А потом с видимым усилием Мик сделал осторожный шаг. И второй. И третий!

Он двинулся к Радже, который при его приближении вскочил и коротко рыкнул.

– Голем ожил! Осторожнее! – крикнул Бумброк.

– Он теперь не причинит нам вреда. Он нам поможет!

Голем протянул руку к Радже и неуклюже погладил его по голове. Тигр благослонно принял ласку. Потянулся и опять улегся на пол.

– Мик, пойдем с нами! – позвала его Элли, не надеясь на успех.

Но Мик послушно повернулся.

Потрясающе! Ее гипотеза подтвердилась. Големы обладают собственной волей и могут действовать даже без перфокарты!

Мастер Фукс допускал такую возможность, но не успел ее проверить. Чем старше голем, тем больше он накапливает опыта. Он

развивается, запоминает, как человек.

Правда, Мик двигался медленно, как во сне, и казалось, что он обдумывает каждое свое движение. Но теперь он на их стороне. Беглецы обзавелись важным союзником.

Элли радостно повернулась к Эвклиду, который изумленно смотрел на бестолковые передвижения Мика.

– Правда, я молодец? – спросила она с торжеством.

Эвклид положил ей руки на плечи и крепко стиснул.

– Ты молодец, но при этом самая безрассудная девушка на свете, – сказал он серьезно. – Именно за это я в тебя и влюбился. Но все же, прошу...

– Я постараюсь тебя слушаться, – закивала она, задыхаясь от счастья. – Однако больше обещать ничего не буду. Всякое может быть!

– Вот именно, что всякое. Мы не на сцене в кабаре. Тут все на самом деле. Даже если ты сильная, ловкая и выносливая, как ни один человек, единственный промах может стоить тебе жизни.

– Тебе тоже, Эвклид. Но вместе мы составили неплохую пару, не находишь?

– Лучшего первого помощника у меня не было, – признал он. – Хотя, скорее, все наоборот – сейчас я твой помощник. Впервые в жизни мне нравится эта роль.

Он ласково стиснул ее руку в своей крекой руке.

Элли вздрогнула от удовольствия. Как здорово, что Эвклид не из тех мужчин, которые не выносят, когда женщина в чем-то лучше их!

Неважно, что будет дальше. Пройдут ли они с Эвклидом жизнь рука об руку или расстанутся... Сейчас они не просто влюбленные – они партнеры. Они доверяют друг другу. Понимают друг друга с одного взгляда.

Но ведь так и бывает у людей, она слышала! Ты встречаешь своего человека, и он становится для тебя всем – другом, опорой. И слова становятся не нужны, потому что ты чувствуешь все его мысли и порывы. И ты готов отдать жизнь за другого, не задумываясь.

И как же приятно, когда о тебе беспокоятся! Эвклид ругался, но лишь потому, что переживал за нее – она это ясно видела. У него даже руки подрагивали от напряжения, когда он ворвался на аэростат! И сейчас он смотрит на нее так, словно она – ослепительная звезда, самая яркая на его небосклоне.

Она сохранит это мгновение в памяти навечно.

Радость наполняла ее тело звонкими ударами сердца. Элли чувствовала тревожное нетерпение и удивительную бодрость.

Вот она, настоящая жизнь! Что Элли видела раньше? Темный дом мастера Фукса, его холодные мастерские, прокуренное кабаре. А тут пронзительный ветер, солнце, бескрайнее небо! И решительный, взволнованный мужчина напротив, с красивым и жестким лицом. Трепет, волнение, свобода! Нет, от всего этого она так просто не откажется. Мы еще поборемся!

...Команда собралась в дальней части трюма для совещания. Связанных пиратов оставили в клетке. Они угрюмо помалкивали, потому что Бумброк пригрозил пересадить их ко львам или заставить пройти по доске по старому пиратскому обычаю.

– Я передал радиogramму на Сен-Бернадет и получил ответ, – сообщил капитан. – Но полиция прибудет лишь через два-три часа. Мы не можем их ждать, сложа руки, потому что через час «Горгона» подойдет к Скаррену. Там пиратов будет ждать подкрепление. Они могут взять пассажиров в заложники. Поэтому попробуем освободить матросов, а потом будем штурмовать мостик.

* * *

К выполнению следующего этапа плана приступили немедленно. После первой победы всех охватил боевой дух.

На нового члена спасательной команды – голема Мика – поначалу поглядывали настороженно.

Элли старалась держаться к нему поближе, чтобы его не обидели, или чтобы он кого не зашиб ненароком, потому что без перфокарты железный человек двигался неуверенно и часто натыкался на стены. Однако с каждым пройденным коридором, отсеком и лестницей Мик все больше осваивался.

Он беспрекословно признал Элли новой хозяйкой. Она отдавала ему четкие и простые команды. Но Мик явно понимал куда больше, чем другие големы. Когда ему говорили стоять – замирал. Говорили идти – шел, размеренно и послушно.

Скоро и Элли, и все остальные перестали опасаться голема, и его присутствие придало им уверенности.

Новые хозяева «Горгоны» уже что-то пронюхали. Когда команда шла по служебному коридору четвертой палубы, издалека донесся резкий звук свистка, затем топот и ругань.

– Нас ищут, – сказал Ларсен. – Объявили тревогу. Нам нужно подкрепление. Матросов держат где-то здесь. Посмотрим, не удастся ли снять охрану и вытащить их. Размер «Горгоны» нам на руку: у пиратов не хватает людей караулить все переходы.

В этот момент моторы снаружи взревели, дирижабль качнулся.

– Дьявол, что они делают! – выругался капитан. – Включили моторы на полную мощность, но не позаботились сбалансировать ход и учесть направление ветра. Обтекаемость судна понижена из-за пришвартованных аэростатов. Бандиты угробят «Горгону». Надо поспешить, иначе дело может кончиться плохо.

Он сделал знак рукой: «Ждите!», приоткрыл дверь, осторожно выглянул в основной коридор.

– Один пират и голем возле каптерки с матросами. Рискнем, – решил капитан и внимательно посмотрел на Мика.

– Элли, попроси его пойти в коридор первым. Мы пойдем следом. Он сможет задержать того голема?

– Все получится, – кивнула она, отметив, что капитан сказал «попроси», а не «прикажи».

Она повернулась к железному человеку и как смогла, растолковала ему план. Это было не так-то просто, потому что големам надо четко указывать цель и результат работы. Они не умеют действовать «по обстоятельствам». Но Мик не был обычным големом. Она надеялась на его сообразительность.

– Защити нас, – сказала она. – Вперед! Дойди до конца коридора. Не дай тому голему напасть на нас.

Голем послушно затопал, куда показали. Элли рванулась за ним, но Ларсен положил ей руку на плечо и сказал тоном, не терпящим ослушания:

– Ты останешься здесь. Со мной идут только механики.

Его лицо было таким серьезным и суровым, что на этот раз Элли покорно кивнула.

Прижавшись к переборке, она наблюдала. Сердце колотилось на удивление медленно, хотя девушка сгорала от волнения и азарта.

– Эй, ты что тут делаешь? – охранник заметил Мика. – А ну ступай наружу!

Но Мик шел, как ни в чем не бывало. Он надвигался на пирата, поскрипывая сочленениями, а его глаза горели в сумраке мрачным огнем.

Эвклид и механики держались дальше, прижимаясь к стене, и пират их не сразу заметил.

Однако он заподозрил неладное. Забеспокоился, выхватил свисток и издал два коротких сигнала.

Мик продолжал топтать.

Пират поспешно просвистел заковыристую трель, и его напарник, судовой голем под номером Зет-16, сдвинулся со своего поста и поспешил ему на помощь.

– Останови его! – крикнул пират, пятясь и махая руками. Наверное, ему казалось, что вышедший из-под контроля голем вот-вот пройдет прямо по нему, раздавит и не заметит.

Не исключено, что так оно бы и случилось. Но пиратский голем встал на пути Мика, подчиняясь команде.

А дальше произошло невообразимое.

Два гиганта сшиблись грудь в грудь. По коридору прокатился гулкий звук. Големы обхватили друг друга руками, уперлись ногами и начали толкать друг друга.

Делали то шаг вперед, то назад, как в танце, но ни один не мог взять верх. Они ударялись о переборки, сбивали светильники; каучуковый ковер пошел волнами и складками. Слыша грохот и возню, в дверь каптерки изнутри колотили запертые матросы.

– Молчать! – крикнул им пират. Он растерялся и не знал, что делать.

С одной стороны, оставаться в коридоре было опасно – големы так увлеклись борьбой, что могли невзначай смять человека, как бумажного. С другой стороны, он боялся бросить свой пост.

– Ни с места! – капитан вышел из теней, держа пирата на мушке. Целиться было неудобно – мешала преграда в виде двух постоянно перемещающихся железных тел, которым в коридоре было тесновато.

Однако пират моментально взвесил шансы, прижался к стене и послушно поднял руки.

И тут Мик одержал зрелищную победу. Плотно обхватив пиратского голема, приподнял его над полом и произвел безупречный бросок: опрокинулся на спину, извернулся, и оба голема со страшным грохотом повалились. Мик не выпускал соперника, хотя тот возился, как большой железный жук.

– Поразительно! – прошептал Буффорд. – Это же излюбленный прием старины Гильгамеша, нашего лучшего циркового борца! Этот голем частенько наблюдал за ним во время разминок. Похоже, он выучил все его трюки!

Капитан бесстрашно ринулся к железным борцам. Его чуть не зашибло бревноподобной ногой, но он исхитрился и вытащил перфокарту из затылка голема.

Тот обмяк. Мик выбрался из-под него и встал по стойке «смирно». Поверженный голем неподвижно лежал на спине и таращился в потолок.

– Встать! – приказал ему капитан.

Голем не пошевелился. Интеллекта Мика у него не было, и без важной начинки в мозгах он стал бесполезен.

– Куда? Стоять! – капитан снова взял на мушку пирата, который решил смотаться под шумок и по стеночке пробирался к выходу. Услышав приказ, он от страха схватился за голову и присел.

Механики поспешили отпереть каптерку, их встретил радостный гул голосов. Всего освободили четырех матросов; Бумброк наскоро объяснил им ситуацию.

После короткого совещания решили придерживаться первоначального плана: взять штурмом мостик.

Матросы вооружились чем смогли. Теперь у них в руках были ножки от табуретов, ремни с тяжелыми пряжками, а у матроса Зига – медный чайник с толстым дном.

Элли вернулась к големам и нашла возле них Буффорда. Фальшивый укротитель ходил вокруг Мика, придирчиво его рассматривал и что-то бормотал под нос.

– Трех-четырех для начала будет достаточно, – расслышала она. – Гастроли... контракты со столичными цирками. рекламы, рекламы побольше!

– Что вы задумали?

– Новый, неслыханный номер – классическая борьба големов на арене! – ответил Буффорд, возбужденно потирая ладони. – Я антерпренер. Тренером Гильгамеша. Труппу назовем. «Железные парни», да! Вот она, вот она моя новая цель в жизни! Как, вы говорите, зовут этого голема? Мик? Нет, для афиши не пойдет. Атлант! Это твое новое имя, парень!

Элли одобрительно кивнула. Неплохая идея! Но чтобы она осуществилась, сначала нужно приземлиться – и не в пиратском порту.

Она улыбнулась озабоченному Буффорду и прислонилась к переборке: внезапно ее охватила слабость, а коридор поплыл перед глазами.

Глава 21

На штурм мостика двинулись в строго продуманном порядке, перебежками, прислушиваясь к тому, что творилось на палубах. После учиненного големами грохота враги вряд ли остались в неведении. Нападения можно было ожидать каждую секунду.

Поэтому капитан избрал хитрый маршрут – в обход, через корпус. Элли в очередной раз поразились размерам «Горгоны». Химерас был очень в себе уверен, если решил захватить такое огромное судно малыми силами. Однако ему это удалось.

Но последнее слово еще не сказано; Ларсен проявил себя решительным командиром, и пока удача была на его стороне.

Диверсионная группа кралась по переходам и подвесным мостикам сразу за оболочкой. Кое-где пробирались ползком, карабкались по шатким лесенкам, цеплялись за шпангоуты и балки.

Элли отставала. На ее плечи как будто навалилась огромная тяжесть. В глазах время от времени темнело, сердце билось медленно, и каждый шаг давался все с большим трудом.

Поначалу она успокаивала себя: «Я просто переволновалась. Плохо спала... Надо собраться, и все пройдет».

Но когда сердце пропустило удар, а потом второй, она признала: это начало конца. Знакомое состояние. Истекает срок завода ее механизма. Рано, слишком рано! Идиотка, о чем она только думала... Этого следовало ожидать, после всех трюков и бессонных ночей. А она решила, что у нее еще неделя в запасе. Надо было беречь себя, глядишь, дотянула бы до Федератов и до встречи с умелым мастером.

Она стиснула зубы и потрясла головой. Не поддаваться панике! В один миг она не вырубится. День-два еще протянет. А на более длительное время загадывать не следует. Неизвестно еще, как все обернется.

«Ты всегда можешь попросить помощи у тети Дженни... у Химераса! – подсказал трусливый голосок у нее в голове. – У этого типа большие возможности. Он тебе поможет, даст тебе свободу. Ведь даже Эвклид бессилен. Ему негде взять для тебя мастера с ключом. Даже если он не отвернется от тебя, узнав правду».

– Элли! – капитан обернулся и заметил ее побледневшее лицо. – Тебе плохо? Ты ранена?

– Нет-нет! Устала, – она улыбнулась и оперлась на его руку, спускаясь по узкой лесенке.

– Скоро все кончится, – озабоченно пообещал он. – А сейчас запишись в одной из кают, затаись и отдохни. Голем пусть останется с тобой для охраны. Мы справимся и без него.

– Ни за что не пропущу сцену расправы с Химерасом! И вдруг моя помощь опять понадобится, – она выпрямилась, и дурнота сама собой прошла, а сердце забилось быстрее.

– Элли, пожалуйста, побереги себя, – сказал Ларсен негромко, касаясь ладонью ее щеки. – Хотя бы ради меня, если я тебе небезразличен.

Ответить она не успела, потому что впереди раздался крик ярости. У двери к переходу на мостик освободительная группа наткнулась на охрану – Химерас позаботился о защите командного пункта.

Эвклид оттолкнул Элли:

– На пол и не двигайся! – крикнул он.

Она охотно повиновалась.

Как хорошо прилечь! Пусть даже забыться не дают топот и ругань. Она откатилась к переборке и подняла голову.

Драка продолжалась недолго. Вход охраняли три пирата и один голем. Мик с ним справился за секунду: отточенным приемом взял в железный захват, нагнул, а Бумброк вытащил перфокарту. Голем больше не поднялся.

Пираты опасались стрелять: близко, через две тонких переборки, находились резервуары с топливом, и лишиться газа было бы опасно. Осторожность стоила им свободы. Против четырех злых матросов, двух механиков и шеф-кока они не сдюжили. Скоро все бандиты, украшенные свежими синяками, были связаны ремнями. Их свалили под лестницей и оставили одного из матросов охранять.

– Вперед! – скомандовал капитан. – Не дадим им передышки. Те, кто на мостике, наверняка предупредили остальных по внутренней связи. Вот-вот явится подмога; надо успеть захватить командную гондолу.

По одному, стараясь не мешать друг другу на тесной лестнице, группа кинулась на штурм.

Дверь в рубку управления оказалась запертой, но Мик вынес ее, как картонную.

Держась за големом, первым внутрь ворвался капитан.

– Заходите, господа! – приветливо позвал изнутри сиплый голос Химераса. – Я вас уже ждался.

Элли осторожно протиснулась в рубку и встала сбоку, за широкой спиной Бумброка.

На первый взгляд, все карты были в руках капитана и его команды.

В рубке находилось лишь трое: два бандита в комбинезонах аэронавтов, и Химерас у штурвала.

Он сменил наряд и теперь был облачен в утепленный кожаный плащ, под которым виднелся дорогой костюм. Но маску и парик он не сменил, и на Элли смотрело лицо тети Дженни – благородной, седоволосой пожилой дамы.

– Вы почти застали меня врасплох, – сообщил Химерас с дружелюбным спокойствием. Лишь сузившиеся зрачки да напряженные плечи выдавали его бешенство. – Интересно, как вам это удалось. Готов поклясться, не обошлось без твоих трюков, душечка Элли. У тебя, дорогая девочка, и у вас, капитан, есть минута, чтобы согласиться на мое предложение. В другой раз я его уже не сделаю.

– Все кончено, Химерас, – сказал капитан, держа преступника на прицеле. – Отойди от штурвала и вели своим шавкам бросить оружие. Прикажи остальным на судне сдаться. Их запрут в трюме до прибытия на Сен-Бернадет. Полиция будет здесь с минуты на минуту.

– Капитан, а я-то думал, вы умеете делать расчеты! Полиция прибудет еще нескоро. Мы оба это знаем. А Скаррен вот он, внизу, – Химерас небрежно показал за иллюминатор. – Мои соратники готовы нас встретить.

– Тогда прощайтесь с жизнью.

Элли поняла: капитан выстрелит. И, убив Химераса, не будет испытывать угрызений совести. Лицо Эвклида стало жестким и неподвижным, глаза прищурены, во взгляде ни капли жалости.

– Пожалуйста, дослушайте, – кротко попросил Химерас. – Как только я захватил «Горгону», первым делом установил заряд взрывчатки в ее важных отсеках. Стоит мне нажать кнопку, – он показал небольшой прибор в руке, – как случится взрыв. «Горгона»

рухнет. Вы все погибните. Погибну ли я? Возможно. Но не факт. Я предусмотрел средства защиты и эвакуации. У меня много тузов в рукаве. И если вы выстрелите первым, второй и третий выстрелы сделают мои помощники. Вы умрете быстро и некрасиво.

Два коротких дула уставились на капитана. Тот лишь слегка нахмурился.

– Патовая ситуация, – пожал плечами Химерас. – Я-то готов рискнуть жизнью. А вы готовы рисковать «Горгоной» и жизнями ваших пассажиров и подчиненных, капитан Ларсен? Вы решили, что меня можно запугать? Ошибка. Меня запугать нельзя. Теперь вы это знаете.

Рука капитана не дрогнула, взгляд не потерял твердости.

– Блефуете, – сказал он спокойно. – Мы шли через отсеки и моторные отделения. Я бы заметил взрывчатку. Ваши приспешники, – он кивнул в сторону пиратов, – вот-вот бросят оружие. У них нет вашего безумного бесстрашия.

И верно: после слов Химераса о неизбежной гибели «Горгоны» у пиратов на лицах появилось озадаченное выражение. Они тоскливо косились за окно, где ярко светило солнце.

Планы гаваря стали для них неприятной новостью, и они бы предпочли оказаться в тюрьме – но живыми.

– У вас нет уверенности в том, что я блефую, – парировал Химерас, но прибор спрятал. Однако вместо него он вытащил пистолет. – Вот, еще один ствол в мою пользу.

– Считаю до трех, – продолжил капитан. – Бросайте оружие. Раз...

– Погодите! – заполошно взвизгнул надтреснутый голосок. – Зачем сразу стрелять? Это дурной тон. Мы же не в гангстерском притоне! Почтенная публика, прошу минуточку внимания!

Буффорд бестрепетно вышел вперед. Он уже был в клоунском образе: семенил, слегка косолапя, на губах расплылась залихватская улыбка, глаза скошены – один влево, другой вправо.

Один из пиратов за штурвалом громко засмеялся, второй утробно хмыкнул. И даже команда капитана не удержалась: матросы прижимали ко рту кулаки и прыскали.

Буффорд вновь заколдовал публику. Но не Химераса: тот высоко поднял брови так, что кожа на его каучуковом лице натянулась как на барабане.

– Это еще что за клоунская выходка? – спросил он изумленно, но без тени смеха.

– Если нам предстоит умереть, то молю: не откажите приговоренным в последнем желании! – вскричал Буффорд, нелепо махая руками. – Покажите нам свое подлинное личико, господин главный преступник. В газетах столько догадок о том, как вы выглядите на самом деле! Ну же, снимите вашу маску! Почему вам так нравится менять лица? Расскажите нам! Откройте ваш секрет!

Буффорд все ближе подходил к Химерасу, кривляясь, как полоумный. Смешки и хохот становились все громче. А Элли замерла от страха.

Он был очень смелым, этот клоун. Шел прямо на дуло пистолета, надеясь загипнотизировать человека, который держал его жизнь в руках. И Буффорд боялся: пот выступил на его лбу, ноги подрагивали, но он не переставал гримасничать и рассыпать шутки.

– У нас тут, оказывается, Хохо собственной дурацкой персоной? – спросил Химерас. – Вот идиот! Твоя магия на меня не действует. Я напрочь лишен чувства юмора. Хотя люблю зло пошутить.

И Химерас наотмашь ударил Буффорда по лицу. Тот охнул и осел, но упасть ему не дали: Химерас схватил его за шиворот и приставил пистолет к виску.

– Если вы не цените свою жизнь, Ларсен, то не станете рисковать жизнью этого ничтожества. Вы же хороший капитан и заботитесь о пассажирах. Пистолет на пол, живо! Иначе вышибу клоуну мозги. Если они у него есть, конечно. Вторая пуля достанется девчонке. Элли, бегом сюда! Или клоун пойдет смешить чертей в преисподней.

– Что ж, побуду личным шутком дьявола! – пискнул Буффорд.

– Элли, ни с места! – рявкнул капитан. – Быстро в укрытие!

Элли уже готова была шагнуть вперед, но вместо нее это сделал Мик. До этого голем стоял неподвижно у входа, и Химерас решил, что железный человек не представляет для него угрозы.

Он ошибся.

Неизвестно, что щелкнуло в мозгах голема. Возможно, он понял, что людям, которые обошлись с ним по-доброму, грозит опасность.

Голем тяжело и ровно пошел прямо на Химераса.

– Остановите его! – потребовал преступник с легкой нервозностью.

Занервничаешь тут, когда на тебя движется такая махина. Он выпустил Буффорда и направил на голема пистолет. Буффорд, не теряя времени, на карачках пополз к стене, отклячив зад. Пираты икали от смеха, глядя на него. Матросы задыхались от хохота и в изнеможении валились друг на друга.

А Мик приближался к Химерасу.

– Остановите! – требовал тот, дергая пистолетом то влево, то вправо.

– Не могу! – крикнула Элли. – Голем больше не подчиняется приказам. Сбой в механизме! Сами с ним разбирайтесь.

Мик разобрался с Химерасом первым. Он не мог причинять человеку вреда, не мог его ударить, поэтому он просто взял его за пояс, как чемодан за ручку, и поднял над полом. От неожиданности Химерас выронил пистолет и заболтал руками и ногами. Мик держал его на вытянутой руке над полом на расстоянии четырех футов.

Теперь вид у преступника был вовсе не грозный. Он походил на нашкодившего кота, которого хозяин поднимает за шкурку.

Матросы набросились на пиратов, и случилась самая веселая драка на свете: противники задорно молотили друг друга, хохоча и фыркая. Не переставая ухмыляться, матросы скрутили пиратов. Понемногу магия Буффорда перестала действовать, на мостике наступила зловещая тишина.

Капитан включил громкую судовую связь.

– Дружок, будь любезен, поднеси сюда этого человека, – пропросил он Мика. Тот подумал и сделал шаг к пультау управления. – Спасибо. Давай, Химерас, объяви своей команде, что все кончено. Пусть бросают оружие и поднимаются сюда по одному. И выключат остальных големов.

– Ладно, – согласился Химерас, стараясь говорить с достоинством. Что было непросто для человека, который болтается над полом. Он поджал ноги и горделиво сложил руки на груди. – На этот раз ваша взяла. Но партия еще не закончена. Посмотрим, чья карта ляжет сверху.

Он полным презрения голосом передал по связи то, что от него потребовали. После этого Мик осторожно поставил Химераса на пол.

Капитан достал из сейфа наручники, которые, оказывается, все же имелись в хозяйстве «Горгоны», и велел матросам запереть

преступника и поставить надежную охрану.

– Только не в трюме рядом с тиграми! – потребовал Химерас. – У меня аллергия на кошачьих. Вы же не хотите, чтобы я умер до суда от удушья?

– Не успеешь сдохнуть. Полиция уже на подходе, – капитан кивнул на горизонт, где показались три черные точки.

* * *

Пираты были повержены. Матросы радостно хлопали друг друга по спинам и широко ухмылялись.

– После хорошей драки всем срочно нужно подкрепиться! – всполошилась Матильда и кинулась на камбуз.

Химераса заковали в наручники и увели; остальных пиратов матросы встречали в проходе, обезоруживали и утаскивали в трюм, подбадривая пинками.

Капитан встал за штурвал. Ему было рано расслабляться: пока шли переговоры с Химерасом, «Горгона» окончательно потеряла управление. Судно дрожало, виляло и стонало, как раненый кит, бесконтрольно снижалось; за смотровым стеклом выросла причальная башня и крыши ангаров Скаррена.

Дирижаблю грозила новая опасность. Если он зацепится стабилизатором за строения, тогда – катастрофа.

Элли сползла по переборке, села и вытянула ноги. У нее не было сил куда-то идти. Ларсен быстро глянул на нее – убедиться, что все в порядке – кивнул, улыбнулся и вновь отвернулся к штурвалу.

Элли была на него не в обиде: понятно, что сейчас безопасность «Горгоны» для капитана важнее всего.

На мостик вошел первый помощник, за ним тащился подавленный Пулкинс. Он трепетно прижимал к себе рыжего зверька.

– Займите свой пост, – приказал капитан. – Мне нужна помощь.

Пулкинс выпустил лису; Фанни подбежала к Элли, обнюхала ее, коротко тьякнула, забралась ей на колени и недвусмысленно потребовала почесать.

К Элли подполз Буффорд, сел рядом и шумно выдохнул.

– Устал, как после двухчасового выступления, – пожаловался он, поморщился и потер ушибленную голову.

– Вы не пострадали?

– Меня частенько колотят, я привык, – пожал тот плечами. – Не все люди понимают шутки клоунов.

– Все же вам надо к доктору. Да и мне тоже, – Элли положила руку на сердце и прислушалась.

Бьется. Ровно. Но медленнее, чем обычно. И мир вокруг теряет краски: все становится серым, мрачным. Плохо дело.

Она передала лисенка Буффорду, осторожно встала и, держась за переборку, направилась в медотсек.

Может, Гризвольд что-то посоветует, даст укрепляющее.

«Горгона» разворачивалась и брала курс на Сен-Бернадет. Два часа полета и они приземлятся. А до Федератов еще несколько дней пути... которых у нее нет.

Элли поднялась на четвертую палубу, и тут ее схватил за руку матрос Луц.

– Элли, – пробормотал он скороговоркой. – Слушай, этот главный бандит... ну, госпожа Майер... хочет с тобой поговорить. Утверждает, дело жизни и смерти. Ее... его заперли в каптерке в конце коридора.

– Химерас хочет со мной поговорить?

– Ну да. Надо бы доложить капитану, но я тебя встретил, дай, думаю, скажу... его вот-вот полиция заберет, челнок уже пришвартовался.

– Я поговорю с ним.

Элли пошла в конец коридора. Ей и самой хотелось побеседовать с человеком, которого она так долго считала своей защитницей, доброй, авантюрной тетей Дженни. Ей будет не хватать той милой старушки.

У каптерки сторожил матрос.

– Вам туда нельзя, – покачал он головой. – Неизвестно, что выкинет Химерас!

– Поговорю с ним через закрытую дверь, – успокоила она его.

Матрос подумал, кивнул и деликатно отошел, чтобы не подслушивать.

Элли постучала.

– Вы меня слышите, тетя Дженни? – позвала она и поправилась:

– Химерас, я тут. Что вы хотели?

За дверью раздался шум, кашель, и сиплый голос произнес:

– Рад, что ты пришла, дорогая. Я хотел лишь сказать «спасибо».

– Да не за что! – зло отозвалась Элли. Ей было больно от предательства.

– Ты немало скрасила мне эти дни. Мне было весело с тобой. Ты помогла мне глубже проникнуть в чужой образ, прожить чужую жизнь – жизнь госпожи Майер. Каждый раз, когда я надеваю новую маску, я становлюсь другим человеком, с новыми мыслями и желаниями. Вот мой секрет Элли, я раскрываю его тебе: именно поэтому у Химераса сотня лиц. Потому что он не хочет и не может быть кем-то одним. И в этом я счастливее остальных людей, ограниченных одной личиной, как тюрьмой.

– Милое у вас развлечение, ничего не скажешь

– Но это еще не все. Моя благодарность будет куда весомей. Слушай и запоминай...

Химерас понизил голос:

– Скоро «Горгона» приземлится на Сен-Бернадет. Пойди в город, в таверну «Золотой крючок». Спроси мастера Руфуса. Скажи ему: «Привет от дядюшки Клопса». Запомнила?

– Зачем мне это делать?

– Расскажи ему, кто ты. Руфус тебе поможет. Он знает людей, кто умеют исправлять механизмы артифис. Ведь неизвестно, успеешь ли ты долететь до Федератов без своего ключа. И вряд ли наш бравый капитан будет счастлив, когда выяснит, что влюбился в артифису. Знаю я таких людей; они не прощают обман и с трудом расстаются с иллюзиями. Элли, ты сделаешь правильный выбор. Тебя ждет свобода от твоего проклятья. Тебя ждут богатство и успех. Ждет весь мир, в котором ты будешь человеком – таким же как я или другие.

– Я не уверена в том, что вы – человек, – горько сказала Элли.

– Иногда я и сам в этом не уверен, – рассмеялся за дверью Химерас. – Воспользуйся моим подарком, Элли. Мы еще увидимся. Скажу тебе по секрету, до тюрьмы я не долечу. Через несколько часов я буду на свободе. Полиция – жалкие идиоты, а моя империя велика, и мои подданные есть везде. Удачи тебе, бесстрашная артифиса! Передавай привет Фанни. Пожалуй, когда уйду на покой, заведу себе лисенка.

Послышались шаги. Элли повернулась; по коридору спешили серьезные люди в голубой форме. Прибыла полиция.

Элли поскорей отошла от двери и поспешила прочь.

Пусть Химерас был преступником. Грабителем, безжалостным убийцей. Она не сможет по-настоящему его ненавидеть. Потому что несколько дней он был доброй и веселой тетей Дженни, ее подругой... которая свела ее с Эвклидом.

* * *

До медотсека Элли не дошла: ее перехватил полицейский инспектор, сухой и невозмутимый. Он отвел ее в кают-компанию и произвел предварительный допрос свидетеля.

Он расспрашивал ее о событиях последних дней, и особенно тщательно – последних часов. Говорил с ней уважительно, называл госпожой Селестой и спокойно проглотил наспех сочиненную историю о том, как одна легкомысленная танцовщица решила проникнуть на борт «Горгоны» зайцем, чтобы сэкономить на билете.

– С этим пусть разбирается транспортная компания, – отмахнулся он. – Сейчас меня интересует другое.

Описав все, чему стала свидетельницей, Элли попросила разрешения уйти.

Она отправилась в салон и встала у окна.

«Горгона» пришвартовалась на Сен-Бернадет. Дирижабль прицепился к причальной мачте и висел над пестрым городом, утопающем в зелени. Внизу гудели автомобили, в заливе качались рыбацьи шлюпки, за иллюминаторами кричали веселые чайки.

В углу салона тяжело вздыхал Блоб и строчил черновики радиogramм в головную контору. Другой рукой он стучал по клавишам арифмометра, подсчитывая убытки.

Трое очень бледных пассажиров пили крепкие коктейли, чтобы успокоить нервы.

Вошли еще несколько пассажиров, последними Крис и Буффорд с синяком на пол-лица. Крис подошел к Элли, молча чмокнул в щеку, потрепал по плечу и сел за один столик с Буффордом.

Клоун налил ему игристого. Мужчины чокнулись, выпили. Крис достал из кармана колоду карт. Задумчиво посмотрел на нее. Встал, подошел к окну, отодвинул стекло и выбросил колоду за борт.

Карты разлетелись над вечерним островом, как разноцветные бабочки.

Элли любовалась городом. Где-то там, в старинных переулках, пряталась таверна «Золотой крючок» и таинственный мастер Руфус, который мог ей помочь.

Интересно, пассажиров уже выпускают в город? Что ей делать? Сбежать, отправиться в таверну и не возвращаться?

Нет. Пришла пора поговорить с Эвклидом. Рассказать ему все. Они вместе решат, что делать.

После того как они расстались на мостике, она не видела его. Сейчас капитан очень занят: объясняется с полицией, распоряжается о ремонте «Горгоны», дает указания ветеринарам, которые прибыли позаботиться о тиграх, ведет переговоры с головной конторой.

Выкроит ли он для нее несколько минут? Захочет ли слушать? И надо ли добавлять ему новые тревоги?

Элли колебалась. Ее сердце билось то быстро, то медленно, щеки заливал то жар, то холод. Одно хорошо: дурнота отступила. Она чувствовала себя почти прежней. Но медлить нельзя. Иначе будет поздно...

– Элли! Вот ты где. Я ищу тебя по всему судну!

Она вздрогнула: в салон вошел Эвклид.

Он подошел к ней, взял ее за руки, требовательно заглянул в лицо. Элли слабо улыбнулась. Блоб оторвался от арифмометра и с любопытством посмотрел на них.

А Эвклид обнял ее и поцеловал, да так, что у Элли ноги подкосились от его нежности и силы.

– Так держать, капитан! – закричали за столиками; звякнули бокалы. – Ваше здоровье и здоровье госпожи Селесты!

Пассажиры мигом развеселились; не каждый день увидишь, как бравый и строгий капитан, в белоснежном кителе с нашивками и фуражке с золотой кокардой, самозабвенно целует хорошенькую пассажирку на глазах пассажиров и экипажа.

Интересно, что говорит о таких случаях устав?

– Капитан, – раздался смущенный голос матроса. – Простите, что прерываю, но к вам посетитель. Только что поднялся на «Горгону» и требует встречи с вами.

Эвклид неохотно разомкнул руки; Элли отступила на шаг и пригладила волосы. Ее сердце трепетало. Вот оно, необходимое лекарство! Поцелуи Эвклида действуют на нее, как самое сильное укрепляющее. Так и ключ не понадобится.

– Какой посетитель? Что ему нужно? Полицейский? Или из конторы?

– Нет, гражданский. Какой-то деляга... представился как.

– Лазарус Будс, – прогремел гулкий, как из бочки, бас, и в салон вразвалочку, оттолкнув метнувшегося к нему стюарда, вошел хозяин Элли.

Элли ахнула и отступила. От страха ей стало так плохо, что она чуть не лишилась чувств.

За те несколько дней, что она не видела владельца кабаре, Будс как будто еще больше растолстел.

Дорогой костюм плотно обтягивал широченные плечи и внушительный живот. Лысина сверкала, как смазанная маслом. Бульдожьки брыли и двойной подбородок тряслись, глазки под белесыми бровями поблескивали злобным торжеством. В зубах Будс сжимал спичку и перекачивал ее из одного угла рта в другой – такая у него была привычка. За час он мог изжевать целый коробок.

– Какое у вас ко мне дело, господин Будс?

– Я за своим имуществом. Мне приятель доложил радиограммой, что у вас на «Горгоне» прячется моя беглая артифиса. Удачно, что я как раз отдыхал на Сен-Бернадет. Вот, приехал ее забрать.

Приятель доложил! Картавый Рик. Кто ж еще! Да и Боров явно примчался на остров аэропланом не просто так.

– У нас нет никаких артифис, – отчеканил капитан. – Только големы.

– Да как же нет, когда вон она – у вас за спиной жметесь! – Будс ткнул жирным пальцем в сторону Элли.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился капитан.

– Да то и имею! – прогрехотал Будс. – Кэп, некогда мне тут лясы точить. Давайте ее сюда!

– Вот что, Будс, сбавьте-ка обороты.

Будс выплюнул спичку на пол.

– Кэп, ты не понял? – сказал он с наглостью человека, не привыкшего, чтобы ему перечили. – Это девка, Элли, моя артифиса. Я ее купил. Она моя. Она от меня сбежала. Я ее забираю. Вот и весь разговор.

– Будьте добры поднять это, – капитан кивнул на спичку на полу. – На моем судне не принято бросать мусор на палубу.

В ответ Будс смачно плюнул на чистый пол.

Глаза капитана полыхнули, челюсть сжалась.

– Простите, – поднялся встревоженный Блоб. – Вы утверждаете, что госпожа Селеста – артифиса? Искусственный человек, созданный в мастерских мастера Фукса?

– Ну да! У меня и документы на нее имеются, – Будс, сопя, полез во внутренний карман пиджака, достал купчую и помахал ей в воздухе. – Я ее хозяин. В бумагах сказано – опекун. Ну, она по большому счету не человек все-таки. Внутри железная. Как големы. Хотя мордочка-то у нее помилее будет! – захохотал Лазарус.

Блоб подошел к Лазарусу, взял у него из рук документы и тщательно изучил.

Элли почти не дышала. Капитан в ее сторону не смотрел. Он опять превратился в айсберг. Стоял прямо, сцепив руки за спиной, лицо словно изо льда вырезано.

За столиками удивленно шептались пассажиры. Их взгляды кололи Элли, как ножи.

– Все верно, – сказал Блоб с бескрайним удивлением. – Согласно этим документам, госпожа Элли... кхм... не человек. Она артифиса, выпущена в мастерских Фукса двадцать один год назад. Тут ее приметы... рыжие волосы. Карие глаза. Родинка на щеке. На плече – татуировка артифис ее серии. Госпожа Селеста, это правда?

– Да. Это правда. Я артифиса... и этот человек мой хозяин.

Блоб изучал ее с таким ужасом, как будто Элли на его глазах превратилась в говорящую электробритву.

– Эвклид, пожалуйста! Я все объясню, – проговорила Элли с отчаянием. – Не отдавай меня Лазарусу! Я сбежала от него, потому что я все-таки человек и не хочу быть чьей-то вещью! У него ключ от моего сердца. Знаешь, у нас, артифис, есть механизм контроля. Если

его вовремя не заводить, я могу умереть. Я сбежала в Федераты, чтобы стать свободной. И лишь поэтому я лгала тебе!

Эвклид посмотрел на нее. Его глаза источали арктический холод.

– А ну, заткнись! – приказал Будс. – Ишь, развизжалась. Я уж тебе шестеренки вправлю, будь уверена. Дрянь такая, улизнуть от меня вздумала!

Будс очень быстро прошел к Элли – никто даже опомниться не успел – запустил пятерню ей в волосы и так тряхнул, что у нее слезы выступили.

– Ты у меня попляшешь, кукла! Давно в подвале не сидела? Теперь насидишься, пока не заржавеешь!

– Прочь! – Эвклид так толкнул его в грудь, что тот выпустил Элли и пошатнулся, хотя был выше и тяжелее рослого капитана.

Но выходка Ларсена сразу внушила ему уважение. Язык силы Лазарус хорошо понимал. Он заговорил мирно:

– Кэп, ты руки-то не распускай. Закон на моей стороне. Она мое имущество, и все тут. Не пойдет со мной по-хорошему, полиция поможет.

– Капитан, этот господин прав! – торопливо сказал Блоб. – Компании не нужны новые неприятности. У нас и так хлопот полон рот. На судне должен быть порядок!

– Да, верно, – кивнул капитан. – На судне должен быть порядок.

Он со всей силы ударил Борова в солнечное сплетение. Тот хрюкнул и согнулся. А капитан схватил его за загривок, сбил с ног и уложил лицом в пол.

Элли вскрикнула. Блоб ахнул и отскочил подальше. Стюард, матрос и пассажиры зааплодировали.

– У меня на судне не принято плевать на палубу, – отдельно сказал капитан металлическим от бешенства голосом. – Давай, языком подбери свой мусор. Хотя нет: сначала извинись перед госпожой Селестой.

Гангстер хрипел и ворочался.

– Да я тебя в цемент закатаю, кэп, – рычал он. – Ты знаешь, кто я, летун несчастный?

Капитан еще раз ткнул его лицом в пол, что-то громко хрустнуло. Элли надеялась, что это был нос Лазаруса.

– Капитан, прекратите немедленно! – закричал Блоб. – Кто-нибудь, держите его!

Стюард и матрос схватили капитана за руки и оттащили от Лазаруса. Эвклид был страшен. Его губы совершенно побелели, ноздри раздувались и взгляд обещал убийство.

Будс, кряхтя, поднялся, утер кровь с губ.

– Ты мне за это ответишь, кэп. Я ухожу, но вернусь с полицией. Ты сядешь в тюрьму как вор. Ты украл мою артифису.

Элли горько усмехнулась. Вот такие они, эти гангстеры. Презирают полицию, но стоит кому-то их обидеть – сразу бегут туда жаловаться.

Капитан стряхнул с плеч стюарда и матроса и невозмутимо одернул китель. Он теперь был само спокойствие.

– Элли летит с нами, – отчеканил он. – В Соединенные Федеративные Земли. По их законам артифисы обладают теми же правами, что и обычные люди. А торговля ими приравнивается к торговле людьми. Валяй, обращайся в местную полицию. Сдается, они весьма заинтересуются твоими делами, Будс. И тем, как ты связан с бандой, которая решила захватить «Горгону». Я о тебе наслышан, Будс и знаю, чем ты занимаешься.

– Капитан, прекратите! – простонал Блоб. – Закон на его стороне. Если вы сейчас учините новые полицейские разборки и задержите судно, я вам обещаю – вылетите из компании с треском, вас не возьмут даже в матросы на самый захудалый почтовый аэростат!

– К черту вашу компанию, – отрезал капитан. – Воздушная флотилия в Федератах тоже неплохая. И им нужны аэронавты.

– Но...

– Молчать! Здесь пока я хозяин и я несу ответственность за безопасность пассажиров «Горгоны». Грег, Зиг – вышвырните этого борова с моего судна. Хотя нет, постойте... Будс, ключ сюда, живо!

– Какой еще ключ? – развел руками Будс и издевательски хмыкнул.

– От сердца этой артифисы, – капитан косо глянул на Элли. – Ты мне сейчас его отдашь. Или я спущу тебя на землю без трапа.

– Он носит ключ в часовом кармане, – робко подсказала Элли.

Будс хотел еще что-то сказать, но капитан не стал слушать: протянул руку, с мясом вырвал часовой карман с пиджака Будса и

подхватил небольшой серебряный ключ.

– За борт его, – распорядился он и отвернулся.

Лазарус, бессильно и злобно ругаясь, сам вылетел из салона, не дожидаясь, пока его выпроводят тумаками. Судя по лицам стюардов и матросов, им очень хотелось почесать о жирного гангстера кулаки.

– Эвклид... – Элли шагнула к нему. Ее охватила страшная слабость. Не упасть бы! Она пошатнулась и оперлась рукой о столик.

В салоне стояла напряженная, звенящая тишина.

– В мою каюту, госпожа Селеста. Для разговора. Немедленно! – рывкнул капитан и вышел из салона не оглядываясь.

Элли струсила. Она прижала руки к груди и не двигалась с места.

– Я жду! – капитан грозно посмотрел на нее, задержавшись в дверях.

– Иди, – подтолкнул ее стюард Грег и прошептал. – Он очень злой. Не бойся, мы тебя в обиду не дадим. Если что – устроим мятеж.

Грег подмигнул ей. Элли сглотнула и на негнущихся ногах пошла за капитаном.

Ларсен подождал, пока она выйдет, и пошел следом.

– Быстрее, – мрачно приказал он ей. – Или ты не можешь идти?

– Могу, – пролепетала она. – Эвклид... господин Ларсен! Пожалуйста, не сердитесь!

Он промолчал. Втолкнул ее в каюту, запер дверь и коротко приказал:

– Раздевайся.

– Что?! – пролепетала Элли и схватилась за ворот. – Зачем?

Она покосилась на койку. Такого она от капитана не ожидала!

Эвклид схватил ее за плечи, развернул и одним движением разорвал платье на спине.

– Где эта твоя чертова скважина? На шее? Между лопаток? Я читал, но не помню. Тебе срочно нужен подзавод, верно? Ты поэтому такая бледная и слабая? Безголовая идиотка с шестеренками вместо мозгов! Почему ты ничего мне сразу не сказала?

– Эвклид, прекрати обзывать! Скважина здесь.

Она изогнулась и отвела разорванный край платья в сторону. И вздрогнула, когда Эвклид нащупал бугорок на ее спине.

Она закрыла лицо руками. Процедура подзавода была для нее глубоко интимной. Каждый раз, когда Лазарус делал это, она сгорала

от стыда.

– Бедная девочка, – тихо сказал Эвклид. – Бедная глупая артифиса. Ты могла умереть. Ну почему ты не сказала мне сразу!

Он очень осторожно вставил ключ между ее лопаток и повернул. Элли опять вздрогнула.

– Тебе больно?

– Нет... мне стыдно. Мне очень стыдно! Каждый раз, когда это приходится делать, я чувствую себя чертовой заводной куклой!

Она бурно и внезапно расплакалась.

Эвклид повернул ее к себе и прижал.

– Как я могла рассказать тебе?! Ты же не любишь артифис! Не доверяешь нам! Ты сам сказал. Ты бы меня выбросил за борт! Или передал полиции!

– Элли, прости меня, – прошептал он в ее волосы. – Не люблю артифис? Одну я точно люблю. Так, что у меня сердце разрывается от любви к ней. От страха за нее я не помню себя и говорю глупости. Она – самая прекрасная и живая девушка на свете. И она расскажет мне о других артифисах, о своих братьях и сестрах. О том, какие вы, и как вам живется в мире таких болванов, как я.

– Ну да, ты меня хвалишь, потому что я спасла твою распрекрасную «Горгону»! – упорствовала Элли. – Она тебе дороже всего. Не случись нападения пиратов, ты бы меня сдал полиции!

– Нет. Я бы тебя забрал и увез, куда ты захотела. Если бы ты тихо сидела во время заварушки в каюте, сберегла бы мне немало нервов. А «Горгона»... это мой последний рейс на ней. Я подаю в отставку. Пусть ее водит другой капитан.

– Как же ты расстанешься с ней? – Элли подняла к нему зареванное лицо. – Со своим детищем, любимым судном? Она ведь почти живая!

– Ни один дирижабль не заменит мне тебя, Элли. Я останусь с тобой в Федератах. Устроюсь в частную компанию и буду катать на аэростатах туристов. Так у меня будет больше свободного времени. Небо – это прекрасно, но на земле есть много чудесных вещей, которые проходили мимо меня все эти годы. Я хочу узнать их вместе с тобой.

Он поцеловал ее. В губы, в щеку, в лицо, в шею. Элли закрыла глаза и не двигалась. Она дала ему полную свободу. Ей никогда не

было так хорошо, как сейчас.

Тяжело дыша, капитан отстранился.

– Я позабочусь, чтобы «Горгона» отправилась дальше как можно скорее. Если ее не выпустят с Сен-Бернадет, мы найдем другой способ добраться до Федератов. Вряд ли Лазарус вернется за тобой с подкреплением, но я не хочу рисковать.

– И ты полетишь со мной?

– И я полечу с тобой. Одну тебя нельзя отпускать. За тобой глаз да глаз нужен. Вдруг ты решишь опять пройтись по канату над бездной или выпустишь диких зверей погулять по палубе?

– Мне понравилось ходить над бездной. Эвклид, как ты думаешь, меня примут в училище воздухоплателей? Я тоже хочу летать. Стоять за штурвалом дирижабля рядом с тобой.

– Примут, – без колебаний ответил Ларсен. – Я сам тебя подготовлю. Ты от меня не отделаешься, даже не думай. Я не привык отпускать то, что считаю своим.

– Тогда вперед! Небо ждет! – возбужденно сказала Элли и рассмеялась.

– Оно еще немного подождет, – сказал Эвклид твердо и поцеловал ее так, что Элли поняла – действительно, небо подождет. Час или два... или всю ночь.

Эпилог

Год спустя

Бледная и жалкая от волнения, Элли сидела на широкой скамье в холле Высшего училища аэронавтов Соединенных Федеративных Земель и гипнотизировала лакированную дверь.

Там, за дверью деканата, решалась ее судьба и судьба других кандидатов на прием в училище.

Элли оглядела холл. Абитуриенты сидели на скамьях, на подоконнике, возбужденно переговаривались, нервно смеялись или предавались отчаянию.

Вступительные испытания закончены, теперь лишь остается терпеливо ждать. Списки принятых огласят через полчаса.

От невыносимой тревоги у Элли дрожали руки и чесалось между лопаток – там, где остался шрам после операции, проведенной искусными сенситивами из Общества защиты прав артифисов. Ненавистный механизм подзавода и контроля удалили еще полгода назад, но время от времени шрам зудел так, что хоть вешайся. Впрочем, доктора говорили, что это пройдет.

Пожалуй, ей не стоит волноваться. На вступительных испытаниях она справилась неплохо. Во всяком случае, не хуже других. И у нее было большое преимущество – пусть и не совсем честное...

Эвклид входил в преподавательский состав училища. Теперь он тренировал курсантов, учил их секретам небесной навигации, и раз в несколько недель уходил в рейс на трехмоторном аэростате – возил экспедиции. Аэростат уступал «Горгоне» – он был совсем небольшой, но маневренный, и Эвклид его любил.

Сейчас капитан Ларсен тоже был там, за этими дверями, и вместе с руководством училища обсуждал кандидатов.

А значит, все будет хорошо! Уж к супруге одного из самых уважаемых преподавателей руководство должно отнестись снисходительно, разве нет?! Ее примут, она будет учиться и через три года станет штурманом!

...Но Эвклид – самый строгий из всех экзаменаторов. Он не будет делать поблажек даже своей жене.

Рядом с Элли группа абитуриентов обсуждала последний экзамен. Среди вихрастых парнишек стояли и две девчонки – задорные, голосистые. Элли смотрела на них с любопытством.

Может, кто-нибудь из этих ребят тоже артифис? Это не исключено! Здесь, в Федератах, они живут обычной жизнью.

Элли посещала Кружок эмансипации артифис и завела дружбу с двумя девчонками, которые, как и она, сбежали за океан, чтобы получить свободу. Они тоже были выпущены из мастерских Фукса, но на два года раньше, чем Элли. Они ее помнили, а она их – нет. Но встрече были рады все.

Члены кружка собирались раз в неделю, пили чай и делились своими проблемами. Впрочем, темы разговоров были такие же, как и у обычных людей – работа, отношения, в каком баре подают лучшие коктейли и в каком магазине можно приобрести хорошую одежду со скидкой.

Когда Элли отправилась на испытания, ее братья и сестры обнимали ее, целовали и обещали просить за нее Великого Механикуса, покровителя всех артифисов.

Впрочем, помощи ждать от него не приходилось. Ведь Великий Механикус был выдуманным покровителем, а значит, его возможности ограничивались верой артифисы – человека! – в себя.

Элли в себя верила. В нее верил Эвклид. Но все же она волновалась – до холодного пота, до дрожи в руках.

Дверь деканата распахнулась. В холле наступила тишина. Все головы повернулись в сторону низенького, до невозможности сурового начальника училища.

Он вышел в холл вместе с капитаном Ларсеном, что-то ему сказал, похлопал по плечу и улыбнулся. А потом нашел взглядом Элли и сделал непонятное движение бровями. Эвклид был бледен, на его лице застыло ошарашенное выражение.

Элли вскочила; ее механическое сердце заколотилось, как безумное. Вот он, момент истины! Но почему Эвклид смотрит на нее так странно?

Начальник поспешил к стенду и повесил список, крепко вколачивая кнопки кулаком.

Абитуриенты почтительно подождали, пока он скроется за дверями, а потом ринулись к стенду. Раздались вопли радости и стоны

отчаяния.

Элли, замерев, ждала, когда к ней подойдет Эвклид.

– Ну? Что, что?! Меня приняли?

Она сцепила руки на груди и всматривалась в глаза мужа.

Он ничего не ответил. Его лицо становилось с каждой минутой все озабоченнее, а взгляд был ошеломленный, затуманенный.

Если бы Элли не знала, что он не выносит спиртного, подумала бы, что он пьян.

– Давай отойдем. у меня для тебя важная новость.

Он взял ее под локоть и бережно увел в дальний, тихий уголок холла, на ходу коротко отвечая на почтительные приветствия курсантов.

– Садись.

Он взял ее за плечи и бережно усадил на скамью.

Кажется, дело плохо, подумала Элли убито. Вон Эвклид какой... обращается с ней, как с хрустальной. У него плохие новости и он боится ее огорчить.

Она вымученно улыбнулась, чтобы он не переживал. Но на глаза навернулись слезы. Последний месяц она легко начинала плакать – никогда раньше такого не было. Наверное, сказываются напряженные занятия...

– Элли, ты пока не сможешь учиться и не сможешь подниматься в небо. По крайней мере, еще пару лет.

Ну вот и сказал самое страшное. Она провалилась. Ее вычеркнули из списка.

Где же она срезалась? Наверное, на математике. Точно, напутала в уравнениях!

– Я срезалась на математике, да? – спросила она и все же всхлипнула. Горечь разочарования пронзила ее острой болью.

Эвклид взял ее руку и погладил.

– Нет, экзамены ты сдала на «отлично». Ты не прошла медицинскую комиссию. Результаты сообщили мне по секрету сегодня утром, прямо перед совещанием.

– Но что со мной не так?! Это потому что я не совсем человек, да?! – вдруг разозлилась Элли. – Это потому что у меня синтетические мышцы и шестеренки в сердце? Нигде справедливости нет! Даже

здесь, за океаном! Я ведь выносливее и ловчее, чем обычные люди, и зрение у меня как у орла! Почему мне нельзя в небо?

– Потому что у нас будет ребенок.

– Что? – не поняла Элли. – Какой ребенок? Откуда? От кого?!

– От тебя. У меня от тебя будет ребенок. Элли, ты беременна. Это совершенно точно. В комиссии есть доктор-сенситив. Он видит изменения в ауре, и он принес анализ крови.

Эвклид благоговейно коснулся рукой ее живота и широко улыбнулся.

– Но этого не может быть! Я ведь артифиса, и пока ни одна артифиса не стала матерью!

– Значит, будешь первой. Над тобой поработали сенситивы. Они сняли все ограничения. У тебя будет ребенок. Мой ребенок...

Глаза Эвклида сверкнули таким восхищением, что Элли все-таки разрыдалась. Она плакала и смеялась, мимо проходили люди и удивленно смотрели, как высокий, статный преподаватель в форменном кителе обнимает всклокоченную рыжеволосую абитуриентку, целует ее в макушку, гладит по спине и шепчет на ухо ласковые слова.

– Элли, ты расстроена? Ты так хотела учиться, летать... но пока тебе нельзя в небо, понимаешь? Тебе нужно соблюдать режим, беречь себя.

– Плевать на небо! Оно никуда не денется, – Элли одновременно всхлипнула и улыбнулась. – Оно всегда будет над головой. Но я боюсь, Эвклид! Я счастлива, но боюсь. Ведь я же не совсем человек! Я почти механизм!

– Ты человек, Элли. Прекрасная женщина. И дашь жизнь новому живому существу. Доктор говорит, все будет хорошо и беспокоиться не о чем.

– А мой ребенок... он будет человеком?

– Конечно! Самым обычным ребенком.

– Нет, не самым обычным! Он будет самым умным и сильным мальчиком, как ты!

– Или самой красивой и смелой девочкой, как ты.

– А кем он станет, когда вырастет? Аэронавтом? Или астрономом?

– А может, цирковым артистом, как твой друг Буффорд? – предположил Эвклид с широкой улыбкой. – Ты столько времени

проводишь в его цирке, что наш будущий малыш должен уже сейчас любить звук фанфар и запах опилок.

– Да неважно, кем он станет! Лишь бы был счастливым человеком.

– Это гарантировано. Потому что он будет расти в хорошей, счастливой семье.

– Я люблю тебя, капитан, – прошептала Элли, уткнувшись в его плечо.

– Я люблю тебя, стрекоза, – он поцеловал ее в макушку. – Будь уверена, мы еще встанем с тобой за штурвал вдвоем.

– А почему бы не втроем? Ты, я... и тот, кто у нас родится.

– Небо будет ждать нас, стрекоза.

Элли тихонько вздохнула.

Да, небо подождет! Она не будет скучать по нему.

Ведь чтобы летать от счастья, вовсе не нужны крылья.

КОНЕЦ